

Айман Досымбаева



**Культурный комплекс
тюркских кочевников Жетысу**

Ш в. до н.э. — V в. н.э.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Институт археологии им. А. Х. Маргулана

Айман Досымбаева

Культурный комплекс
тюркских кочевников Жетысу
II в. до н.э. - V в. н.э.
(ЕЮ материалам археологии)

Алматы, 2007

Светлой памяти
археолога Кемаля Акишева
посвящается



УДК 902/904

ББК 63.4

Досымбаева Айман

Д 70 Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. — V в. н.э.
Алматы, 2007. - 216 с.

ISBN 9965-9675-5-5

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Сайден Жолдасбаев
доктор исторических наук, профессор Абдеш Толеубаев

Монография посвящена изучению проблемы культурогенеза кочевников-тюрков Жетысу. В книге рассмотрены вопросы хронологии и периодизации памятников усуней, этнокультурной интерпретации памятников, соответствие сведений письменных источников о локализации племени в различные периоды истории на территории Туркестана.

В научном издании систематизированы все данные по погребальным памятникам кочевников со II в. до н.э. по V в. н.э. на территории Жетысу, изученные за многие годы исследования археологами Казахстана, основная часть которых была произведена под руководством Кемаля Акишева.

Результаты системного анализа комплекса археологических, этнографических источников, изученных ранее и введенных в научный оборот впервые, стали основанием для выводов о формировании центра тюркской культуры в период с первых веков нашей эры на территории Жетысу. Комплексные исследования источников служат основой для вывода о том, что формирующей основой культуры тюркских кочевников Жетысу явился культурно-исторический комплекс усуней.

Работа рекомендуется для использования ее в качестве сводного источника по истории формирования культуры тюркских кочевников на территории Казахстана в процессе подготовки археологов, культурологов, историков, этнографов и будет полезна широкому кругу специалистов, интересующихся историей отечества.

ББК 63.4

Д 0504000000
00 (05) - 07

© Досымбаева А., 2007
© «Тюркское наследие»,
2007

ISBN 9965-9675-5-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Историографический обзор проблемы.....	12
1.1. Археологическое изучение погребальных памятников II в. до н.э. — V в. н.э.....	12
1.2. О локализации усуней по сведениям древних китайских письменных источников и их миграции на территорию Жетысу (Семиречья).....	23
Глава II. Погребальные памятники Жетысу (Семиречья).....	29
2.1. Погребальные сооружения. Типы погребений.....	29
2.2. Погребальный инвентарь. Сосуды, предметы вооружения, ножи, пряжки, предметы женского туалета, подвески.....	36
Глава III. Вопросы хронологии и периодизации погребальных комплексов Жетысу (Семиречья).....	54
3.1. Памятники II в. до н.э. — I в. н.э.....	54
3.2. Погребальные памятники II–V вв. н.э.....	58
Глава IV. Особенности этнокультурного процесса в описываемый период.....	63
Заключение	78
Список литературы.....	79
Conclusion.....	90
Түйін.....	91
Иллюстрация. Карта расположения могильников Жетысу (Семиречья).....	92
Таблица 1. Могильники, подкурганые погребения.....	94
Таблица 2. Структура наземного погребального сооружения.....	146
Таблица 3. Количественное распределение типов погребений.....	149
Таблица 4. Типы перекрытий погребальных камер.....	152
Таблица 5. Типы захоронений: положение, ориентировка. Дополнительные признаки.....	156
Таблица 6. Распределение различных видов инвентаря в погребениях.....	160
Таблицы 7-42.....	164
Легенда к карте. Список могильников.....	199
Литература к списку памятников.....	203
Список иллюстраций к таблицам 7–42.....	204
Список сокращений.....	214

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX столетия археологической экспедицией под руководством Кемаля Акишева были начаты и на протяжении десятков лет на территории Жетысу (Семиречья) произведены широкомасштабные разведочные и стационарные археологические исследования. Результаты работ нашли отражение в ряде печатных изданий, в числе которых фундаментальные труды «Археологическая карта Казахстана» и «Саки и усунь долины реки Или» (последняя работа написана в соавторстве К.А. Акишевым и Г.В. Кушаевым). По данным исследований, в хорошо изученном в археологическом контексте регионе Жетысу не было зафиксировано ни одного комплекса, который можно было интерпретировать, по аналогии с алтайскими погребениями тюркских кочевников, как памятник, оставленный средневековым тюркским населением. Единичные, разновременные захоронения тюрков, открытые и изученные различными археологами, не позволяли внести ясность в общую картину культуругенеза тюркских кочевников на территории казахской степи.

В процессе исследования проблемы развития и формирования культуры тюркских кочевников средневековья на территории казахской степи перед нами возникла та же объективная трудность. Несмотря на многолетние полевые изыскания, направленные на поиски археологических памятников, каждый раз мы сталкивались с тем, что очередной изученный нами курган оказывался усуньским.

Стремление выявить особенности развития культуры тюркских племен на казахской земле привело к тому, что перед автором данного издания стала задача повторного анализа всех археологических источников по культуре усуней. Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой свод всех материалов из могильников кочевников периода с начала нашей эры до первой половины первого тысячелетия нашей эры, изученных на территории Жетысу с середины 50-х до середины 90-х годов XX столетия.

Всего за описываемый период разными исследователями было изучено 54 могильника описываемой эпохи, на которых раскопано 475 курганов, 52 выкладки и 51 ограда (табл. 2). Общий информативный блок, содержащий сведения о памятниках в целом и каждом изученном кургане, представлен в серии таблиц. Детальному системному анализу были подвергнуты типы наземных и могильных сооружений, способы перекрытий, погребальный обряд, вещевой инвентарь и другие находки (табл. 1). Более подробная информация, представляющая собой статистический анализ количественного распределения типов погребений, представленных среди курганных захоронений и изученных в составе 54 могильников, дана в табл. 3. Особенности типов перекрытий могильных ям, типов захоронений и погребального обряда суммированы в таблицах 4 и 5. Аналогичным способом произведена работа по изучению

вопросов распределения всех видов инвентаря, зафиксированных в процессе изучения памятников (табл. 6).

Географическая приуроченность кочевнических курганных памятников рубежа нашей эры и первой половины первого тысячелетия нашей эры показывает на локализацию памятников на территории Жетысу. В географическом отношении Жетысу (Семиречье) занимает юго-восточную часть Казахстана. Выделение ее как самостоятельного региона отмечалось и в первых работах исследователей. Так, Р.И. Аболин писал: «Объединение всего указанного края под одним названием и обособление его от остальной Советской Средней Азии имеет под собой вполне определенную естественно-историческую и хозяйственно-бытовую основу» (Аболин, 1930). Территория, которую охватывает Жетысу (Семиречье), в основной своей части прилегает к горной системе Тянь-Шаня, охватывая главные ее хребты — Киргизский, Джунгарский и Заилийский Алатау.

Физико-географическое районирование Тянь-Шаня выделяет два основных типа, соответствующих высотно-зональным геосистемам: Джунгарский и Северо-Тянь-Шаньский. Джунгарская горная система расположена между долиной р. Или и Алакульской впадиной. Хребты ее вытянуты с запада и юго-запада на восток и северо-восток, где она ограничена тектонической впадиной Джунгарские ворота от хребтов Барлык и Майли (Восточно-Джунгарский Алатау), находящихся на территории КНР. Общая протяженность Джунгарской горной системы — примерно 400 км. Горная система Джунгарского Алатау состоит из нескольких параллельных высоких хребтов. Главные из них — Северный и Южный — соприкасаются друг с другом в Коксу-Боротальском горном узле, служащем водоразделом между верховьями противоположных рек: Коксу (на запад) и Боротал (на восток). Севернее и южнее главных хребтов расположен ряд коротких хребтов. Абсолютные высоты хребтов превышают 4000 м, максимум — 4560 м, они имеют снежные вершины и многочисленные ледники длиной до 5-6 км.

Кроме острых вершин для рельефа Джунгарского Алатау типичны высоколежащие платообразные пространства, расположенные на разных гипсометрических уровнях (от 3000 до 4000 м). Они как бы придают внешним склонам всей горной системы ступенчатый характер.

В Джунгарском типе структуры высотно-зональных геосистем наблюдается своеобразное сочетание сибирских и среднеазиатских горных видов ландшафтов. На северных склонах хребтов достаточно четко выражен сибирский облик (доминируют луга и леса), а южным свойственны среднеазиатские черты горной природы (преобладают степи, имеющие много общего с северо-тянь-шаньскими). В целом, в Джунгарском Алатау, как и в Северном Тянь-Шане, четко различаются три высотно-зональные геосистемы, но со своим внутризональным сочетанием ландшафтов. Общность их объясняется расположением этих физико-географических горных провинций в пределах внутриконтинентальной пустынной зоны. Это обуславливает широкое развитие в нижних и средних частях горных склонов Джунгарского Алатау, как и в хребтах Северного Тянь-Шаня, пустынных, полупустынных и степных видов горных ландшафтов.

Северо-Тянь-Шаньский тип по природным условиям резко отличается от других крупных частей Тяньшаньской горной области. Он характеризуется широтным простиранием своих основных горных хребтов: Таласского, Киргизского, Заилийского и Кунгей Алатау, Кетмень. Исключение составляют хребты Каратау и Чу-Илийские горы, вытянутые на северо-запад. Максимальные абсолютные высоты хребтов свыше 4000 м.

Крайним северо-западным отрогом Северного Тянь-Шаня является хребет Каратау. Он почти на 420 км вклинивается в пустынные равнинные пространства Туранской низменности. Наивысшие вершины Каратау — Мынжилки (2176 м) и Бессаз (2167 м) — находятся в Центральном Каратау.

Сложная система возвышенностей, вытянутых на северо-запад от западной оконечности Заилийского Алатау, объединяется под общим названием Чу-Илийских и Кендыктасских гор. Это типичные массивы низкогорья с абсолютными высотами 1000-1800 м.

Курдайское плато — одна из выровненных поверхностей, ограниченных крутыми склонами с абсолютными высотами 1200-1300 м и шириной 12 км.

К Северному Тянь-Шаню по типу структуры высотно-зональных геосистем относятся северные склоны Таласского Алатау, южные склоны Киргизского Алатау в его западной половине и заключенная между ними Таласская впадина. Эта депрессия имеет форму треугольника, обращенного основанием на северо-запад. Длина ее около 70 км, абсолютные высоты — 900-1200-1400 м.

Южный склон Киргизского хребта, обращенный к Чуйской впадине, имеет ширину 30-40 км и хорошо развитую систему предгорий, вдоль которой протягивается обширный подгорный шлейф на абсолютных высотах 800-1100 м.

Для северных и южных склонов Заилийского Алатау и Кунгей Алатау характерна сильная расчлененность всех высотных ярусов рельефа. Значительная площадь их (выше 3300 м) представлена глубоко расчлененными высокогорными формами. Ведущая роль в их современном рельефообразовании принадлежит водно-ледниковым процессам.

Абсолютные высоты главного водораздельного гребня достигают 4500-5000 м (пик Конституции — 4580 м, пик Талгар — 5017 м). Хорошо выражены тип рельефа и полоса предгорий в виде ступеней-прилавок, лежащих в интервале 1000-1300 м - первая и 1500-2000 м — вторая. Полоса предгорий, вытянутая вдоль северного склона восточной части Северного макросклона Заилийского Алатау, значительно расширяется (до 15 км) и повышается (до 1800 м).

Обилие снежников и ледников в высокогорной зоне Северного Тянь-Шаня создает мощные водные артерии — реки Чонкемин, Талас, Чу.

В климатическом отношении Северный Тянь-Шань подвергается большим воздействиям северо-западных воздушных масс, несущих влагу, чем другие провинции Тянь-Шаня. В предгорной зоне средняя годовая температура колеблется в пределах 5°-8° . Только в декабре, январе и феврале здесь отмечаются отрицательные температуры. Наиболее холодным является январь, средняя температура которого от -6° до -12°. Весной наблюдается быстрое нарастание тепла, но часты и возвраты холодов (заморозки до -2° возможны

даже в мае). Лето в предгорной зоне жаркое, средняя температура июля $+20^{\circ}$ — $+25^{\circ}$. Годовое количество атмосферных осадков — 500-650 мм. Большая часть их выпадает весной и летом.

Сравнительная близость Северного Тянь-Шаня к Джунгарскому Алатау и Алтаю обусловила значительное распространение в ландшафтах его высотно-зональных геосистем бореальных элементов растительного и животного мира. В составе растительного покрова равнинно-предгорного и низкогогорного ярусов рельефа господствуют полынно-злаковые полупустыни, злаково-разнотравные степи северного типа. Широко развиты среднегорные лесные, луговые, лугово-степные и высокогорные луговые и лугово-степные ландшафты, создающие Северо-Тянь-Шаньский тип структуры высотно-зональных геосистем.

Описанная выше физико-географическая характеристика Жетысу (Семиречья), разработанная В.М. Чупахиным, содержит и схему высотно-зональных геосистем, с подробной типологией указанных геоструктур, приведенной в табл. 5 (Чупахин, 1987). Каждый описанный выше тип геосистемы в таблице структурно подразделен на подтипы, которые состоят из ландшафтных зон, ландшафтных поясов (табл. 5. 2). Возможность сельскохозяйственного использования земельного фонда показана в работе совместно с описанием почвы и растительного покрова ландшафтной зоны.

Характерной особенностью как Джунгарского, так и Северо-Тянь-Шаньского типов горных систем является природная особенность, позволяющая использование под пастбища практически всех ландшафтных зон: равнинно-предгорной, полупустынно-степной, низкогогорно-степной, среднегорно-лугово-степной, среднегорно-степной, высокогорно-лугово-степной, а на высоте от 3500 до 4000 м в высокогорно-нивально-гляциальной ландшафтной зоне автор отмечает вероятное: «...частичное использование в доступных местах альпийских лугов в качестве кратковременных летних пастбищ» (Чупахин, 1987, табл. 5, 8).

Физико-географическое районирование Семиречья показывает пригодность предгорных и горных ландшафтных зон, избирательно, для ведения сельского хозяйства, как для земледельческой отрасли, так и использования под пастбища.

Археологическое обследование и изучение территории Жетысу, начатые в 30-е — 40-е годы XX века А.Н. Бернштамом и продолженные впоследствии казахстанскими археологами, а также региональное картографирование памятников выявили, что в древнюю и средневековую эпохи все типы предгорного и горного ландшафтов, описанные выше, активно использовались и были населены кочевниками.

Разведочные исследования А.Н. Бернштама в регионе, произведенные в основном в предгорной полосе, послужили основанием для подготовки карты расположения памятников и культурологических выводов о том, что многочисленные курганы занимают большие площади широких предгорных террас (Бернштам, 1949). Исследователь рассматривал эту особенность как приуроченность памятников к зимовкам (Бернштам, 1950).

Семиреченской археологической экспедицией АН КазССР под руководством К.А. Акишева в 1956 году была проведена работа по выявлению, картографированию и изучению памятников Семиречья. Результаты исследований показали, что наиболее насыщенными районами скопления археологических объектов являются предгорья: на археологическую карту Казахстана были нанесены различные виды памятников, открытых и зафиксированных в процессе работы (Археологическая карта Казахстана, 1960).

Самым массовым видом археологических памятников явились погребальные комплексы, представленные курганами разных эпох. Картографирование показало, что могильники сосредоточены не только на широких площадях предгорных террас, но и на возвышенных участках горных саев (Агеева, 1961, с. 21-40; Максимова, 1959, с. 87-90).

Талдыкорганским отрядом Семиреченской археологической экспедиции под руководством Г.А. Кушаева были продолжены исследования по выявлению памятников кочевой культуры на территории Джунгарии (Кушаев, 1966).

Культура кочевников рубежа двух тысячелетий, представленная курганными захоронениями, по данным исследователей, оказалась характерной и для южных районов Семиречья. Северо-восточные склоны Каратау были обследованы А.Н. Бернштамом (Бернштам, 1941, с. 11), Г.Г. Бабанской (Бабанская, 1956, с. 189-206), А.Г. Максимовой (Максимова, 1962, с. 97-116).

Археологические исследования в предгорьях Киргизского Алатау, проведенные в различные годы, также выявили большое количество памятников, оставленных кочевым населением древности. А.Н. Бернштам обнаружил и частично изучил могильники, находившиеся «у выходов горных ущелий, по гребням саев и мелких водоразделов» (Бернштам, 1950, с. 62). В 70-е годы в этом же регионе в результате работ, проведенных под руководством А.Г. Максимовой, были открыты и изучены несколько могильников (Максимова, 1975, с. 141-160; 1976, с. 163-182).

Археологические изыскания по изучению памятников, расположенных в районе Киргизского Алатау, были продолжены в 80-е годы группой экспедиции Свода памятников (Досымбаева, 1987). Впоследствии не только выявлены, но и изучены целый ряд памятников на высокогорных плато в бассейне реки Мерке. Каменные курганы располагались в этой местности на высоте до 3000 м и более над уровнем моря (Досымбаева, 1995, № 4, с. 55).

География распространения погребально-поминальных комплексов на территории Жетысу показала ландшафтную приуроченность памятников к горной системе Тянь-Шаня, Джунгарии. По данным топографических наблюдений отмечено, что все изученные могильники расположены на террасах, выровненных поверхностях гребней, у подножия гор, вблизи от водных источников.

Изучения в области топографического расположения кочевнических памятников описываемого периода, в конкретном типе ландшафтной зоны, совместно с данными, характеризующими погребальный обряд в целом, стали основанием для реконструкции процесса становления и развития культуры кочевников.

Изменение культурного облика кочевнических памятников, расположенных на описываемой территории, в период с рубежа нашей эры и последующее формирование на их основе нового историко-культурного комплекса прослежено автором данной работы по материалам могильников, изученных в предыдущие годы (приложение 1, карта расположения памятников).

Изучение проблемы развития культуры кочевников описываемой эпохи связано с необходимостью осмысления информации, накопленной в археологической науке за многие годы. Материалы археологических памятников послужили основанием для пересмотра традиционных взглядов на хронологию и этнокультурную интерпретацию так называемых сако-усуньских погребальных комплексов. Повторный анализ археологических источников, совместно с данными этнографии позволяют поставить вопрос о генезисе культуры тюркских кочевников, истоки развития которой непосредственно связаны с историей населения Жетысу.

В качестве источников в работе использованы и сведения древних китайских хроник о локализации племени усуней в различные периоды истории. Систематизация всего объема археологических источников, сравнение полученных данных с материалами памятников усуней Восточного Туркестана позволили выделить из общего числа памятников погребальные комплексы усуней Жетысу и на основании анализа погребального инвентаря установить их периодизацию.

Результаты аналитической работы с комплексом источников привели к выводу о том, что в период с рубежа и в первые века н.э. на описываемой территории происходит смена культурных традиций. Смену исторической ситуации, прослеженную по материалам из погребально-поминальных комплексов, дополняют и подтверждают исторические данные, сохранившиеся в древних китайских письменных источниках.

Обобщение имеющихся в научном обороте сведений позволило прийти к заключению о том, что в 1-й половине 1-го тысячелетия (II-V вв. н.э.) Жетысу становится одним из ареалов Алтае-Тянь-Шаньского региона, на территории которого проходил процесс развития и становления культуры тюркских племен, нашедший свое яркое выражение в период формирования и расцвета Западного Тюркского каганата.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

1.1. Археологическое изучение погребальных памятников

II в. до н.э. — V в. н.э.

География распространения памятников усуней, локализующихся в основном на территории Жетысу, вместе с тем, несколько шире и охватывает территорию Северной Киргизии. Начало изучения погребальных памятников было положено М.В. Воеводским и М.П. Грязновым. В 1928-1929 гг. авторами были раскопаны курганы в могильниках Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины (Воеводский, Грязнов, 1938, № 3-4, с. 162-179).

Дальнейшее изучение памятников кочевников описываемого в работе периода связано с именем А.Н. Бернштама. В период 1933-1949 гг. ученым были обследованы и изучены некоторые комплексы памятников предгорных районов Семиречья и Тянь-Шаня. По материалам из раскопанных курганов автором был сделан вывод о том, что «сакская и усуньская» — есть две стадии единого культурно-исторического процесса (Бернштам, 1949, с. 344). Время бытования усуньских памятников определялось III в. до н.э. — V в. н.э. (Бернштам, 1949, с. 357). В пределах даты были выделены два периода: III в. до н.э. — I в. н.э. и II — V вв. н.э. (Бернштам, 1949, с. 355).

На основании анализа материалов из могильника Берккара, расположенного на северо-западных склонах хребта Каратау, кроме обоснования ранней даты могильника периодом III в. до н.э. — I в. н.э. (по поясной медной бляхе с изображением льва, держащего в пасти птицу), автор пришел к выводу о том, что отдельные типы украшений могут быть отнесены к «культуре раннего средневековья II-V вв. н.э.» (Бернштам, 1941, с. 11). А.Н. Бернштам отметил, что отдельные элементы украшения сосудов, к примеру, «налепной арочный орнамент с насечками, зашипами, овальные налеты распространенные как в посуде усуньского времени, так и на керамике тюркского периода» (Бернштам, 1952, с. 239; с. 24, рис. 100). Небольшой объем археологических источников не позволил ученому составить общую схему культурного развития кочевников описываемого периода, и автор высказал мысль о необходимости критического рассмотрения версии о приходе усуней на Тянь-Шань из Восточного Туркестана (Бернштам, 1949, с. 347; с. 357).

Свидетельства древних письменных источников, использованные А.Н. Бернштамом, совместно с археологическими данными, приводили автора к противоречивым выводам. Однако, касаясь проблемы этногенеза тюрков и придерживаясь позиций о том, что «...сакская культура... является основой для культуры усуней, широко распространенной в Семиречье» (Бернштам, 1947, с. 152), ученый полагал, что «к рубежу, особенно началу н.э. тюркоязычность была сравнительно широко распространена среди усунь...» (Бернштам, 1952, с. 215). Более

того, по мнению автора: «В Семиречье, где были блестящие условия развития кочевого скотоводства, тюркский этногенез шел особенно интенсивно...» и именно эта территория «в Средней Азии является узлом, центром тюркского этногенеза» (Бернштам, 1947, с. 153-154).

Дальнейшее изучение погребальных памятников усуней, теоретическое обоснование вопросов хронологии, этнокультурной интерпретации разрабатывались, в основном, казахскими и кыргызскими археологами.

В 1954 году Илийской археологической экспедицией были открыты и частично изучены курганы усуньского времени. Памятники, расположенные на левом и правом побережьях р. Или, обследованные К.А. Акишевым, в отчете о работе пронумерованы цифрами и соответственно обозначены в тексте: могильники №№ 1,2, 12 и т.д. Карта маршрутов экспедиции показывает концентрацию памятников в основном по правому берегу р. Или.

По мнению исследователя, «среди 49 курганов, раскопанных экспедицией, ...большинство... относится к усуньскому времени — II в. до н.э. — I в. н.э.» (Акишев, 1956, с. 28). Каменно-земляные насыпи «как правило, имеют кольцевые выкладки из камня под насыпью. В узкой грунтовой яме, ориентированной с востока на запад, в подбое, прорытом в северной стене, погребался покойник». Подбой закрывался вертикально заставленными бревнами, яма же заполнялась камнем. В случаях отсутствия подбоя яма была перекрыта деревянным накатом, затем «вокруг могильной ямы сооружалась выкладка, а сверху насыпался курган. В отдельных случаях деревянный накат обкладывался толстым слоем камыша» (Акишев, 1956, с. 28).

Описывая погребальный обряд, автор отметил бедность инвентаря: сосуды, расположенные в изголовье на уровне левого или правого плеча, железные ножи, шпильки, хвостовые позвонки барана. Датируя памятники II в. до н.э. — I в. н.э., автор был убежден в том, что исследованные курганы являются памятниками усуней (Акишев, 1956, с. 30-31).

Г.Г. Бабанская продолжила начатые еще А.Н. Бернштамом работы на могильнике Берккара, расположенном в предгорье северо-западных склонов хребта Каратау. Автор раскопок подтверждает ранее высказанный тезис о преемственности сакской и усуньской культур (Бабанская, 1956, с. 205).

В 1956 году Семиреченской археологической экспедицией Академии наук Казахстана была обследована основная часть территории Семиречья. Результатом большой, по объему изученных памятников, работы стало выявление десятков могильников, составлена археологическая карта региона и раскопано 182 погребения. На основе проведенных работ написана серия статей, посвященных некоторым вопросам истории и культуры населения этого края в усуньский период.

Е.И. Агеева, анализируя и обобщая итоги проведенных исследований, отметила, что «самый большой вещественный материал собран по периоду усуней, который генетически связан с предшествующими периодами. Основываясь на анализе керамики, весь материал усуньского периода был подразделен автором на три хронологические группы: III в. до н.э. — I в. до н.э.; I в. до н.э. — I в. н.э.; I — III вв. н.э. Следуя уже устоявшимся научным взглядам о преемственности сако-усуньской культуры, Е.И. Агеева по материалам исследованных ею памятников выделила характерные

черты, усуньских памятников. Эти памятники были представлены каменными и каменно-земляными насыпями с кольцом у основания курганов, грунтовыми ямами, перекрытыми деревом или же без перекрытий. Е.И. Агеева отметила, что среди сопровождающего инвентаря в погребениях отсутствуют предметы вооружения (Агеева, 1961, т. 12, с. 33-37).

Анализ других типов могильных ям, проведенный исследователем, в соответствии с приведенными в работе аналогиями хронологически расположен следующим образом (Агеева, 1961, т. 12, с. 37):

курган -	скорченное положение		- VI — V вв. до н.э.
курган -	деревянное перекрытие покоится на земляных ступеньках		- V — IV вв. до н.э.
курган -	ящики под насыпью	ранние	- IV — III вв. до н.э.
		средние	- II в. до н.э. — II в. н.э.
		поздние	- IV — V вв. н.э.

Разнообразие форм могильных сооружений, по мнению автора, отражает «сложность этногенетического процесса, проходившего на территории Семиречья» и дает возможность выявить линии этнокультурных связей: «во-первых, ... проникновение племенных групп с Алтая и Восточного Казахстана, зафиксированное захоронениями в каменных ящиках; во-вторых, ... массовое проникновение среднеазиатских племен, отраженное появлением подбойных захоронений. Курганы, содержащие ямы с деревянными ящиками-настилами и деревянными перекрытиями на земляных ступеньках, повествуют о сохранении в составе усуньского племенного союза племенных групп сэ и юеджей, зафиксированных данными письменных источников» (Агеева, 1961, т. 12, с. 39).

Знания в области естественно-географических условий Семиречья, личные полевые наблюдения, кропотливая работа с материалами из раскопанных объектов позволили Е.И. Агеевой правильно оценить сложность этногенетического процесса, выявить основные линии историко-культурных связей населения Семиречья, выделить усуньские памятники. Анализ некоторых типов сосудов «из усуньских курганов, ... таких как чаши-кубки со сферическим и уплощенным дном, имеющие сплошные вертикальные ручки-выступы, небольшие грушевидные сосудики типа кубков с петлеобразными ручками в центре тулова, являвшихся широко распространенным типом посуды в период VI — VIII вв. н.э.», послужили аргументом для вывода о том, что усунь «позднее вошли в качестве одного из основных компонентов в состав образовавшегося западно-тюркского каганата» (Агеева, 1961, т. 12, с. 35-36).

Изучение усуньских памятников, расположенных в долине р. Или, в 60-е годы было продолжено Г.А. Кушаевым. Анализ материалов из погребений, работа со значительным по своему количеству объемом артефактов, позволили автору «проследить динамику развития культуры усуней, основное направление их хозяйства и соответствующие ему общественные отношения и религиозные представления, а также классифицировать памятники по трем хронологическим периодам» (Кушаев, 1963, с. 139-282).

В пределах хронологической шкалы III в. до н.э. — III в. н.э. были выделены периоды: III-IV вв. до н.э.; I в. до н.э. — I в. н.э.; II-III вв. н.э. В периодизации погребальных памятников, основанной на типологическом анализе сооружений 87 курганов, памятники III-II вв. до н.э. представлены на местности цепочкой или несколькими цепочками курганов, строго идущими с севера на юг. Курганам присущи каменные кольца на насыпи и вокруг насыпи (Кушаев, 1963, с. 235). Могильники I в. до н.э. — I в. н.э. расположены на местности, как цепочками, так и разбросаны бессистемно. Каменные кольца у оснований курганов обнаружены лишь на памятниках четырех могильников. На 6 могильниках было раскопано 58 курганов. Периодизация памятников II-III вв. н.э. была произведена автором в результате изучения 44 курганов на 7 могильниках. Характерными особенностями памятников этого периода является отсутствие строгой планировки курганов и необязательное наличие каменных колец под насыпью (Кушаев, 1963, с. 236).

Со ссылкой на вывод А.Н. Бернштама о том, что «концентрические круги из камней в курганных насыпях — первый и довольно твердый признак для отнесения погребения к сако-усуньскому периоду» (Бернштам, 1952, с. 25), Г.А. Кушаев за основу своей классификации погребальных комплексов берет именно этот критерий (Кушаев, 1963, с. 236-237). По мнению ученого, «различия в расположении колец относительно насыпи кургана возникли в результате изменений, происшедших в религиозных и космогонических представлениях усуней, вызванных, в свою очередь, серьезными социально-экономическими изменениями, отразившимися и на памятниках» (Кушаев, 1963, с. 240). Следуя своеобразной логике мышления и созданной типологии курганов, автор приходит к следующему выводу: «Нам кажется, что курганы с кольцами по основанию насыпи в результате каких-то причин сменяются курганами с кольцами под насыпью, а курганы с кольцами на насыпи с рубежа нашей эры заменяются курганами с кольцами внутри насыпи на глубине 25-30 см от ее поверхности» (Кушаев, 1963, с. 240).

Однако описанный выше критерий типологии курганов, разработанный Г.А. Кушаевым, опровергается наблюдениями К.А. Акишева, изучившего конструкции могильника Кызылауыз I. Исследователь предположил, что «первоначально каменное кольцо окружало основание насыпи снаружи, позднее, в результате сползания насыпи оказалось под ней» (Акишев, 1963, с. 98). В географических условиях Семиречья аллювиальный процесс особенно интенсивен, а это означает, что «видимость или невидимость» колец, находящихся «вокруг насыпи или под насыпью», не могли служить хронологическим признаком.

Анализ погребальных сооружений, произведенный «по двум основным признакам», позволил Г.А. Кушаеву выделить два типа могильных сооружений. Тип захоронения, представленный в форме простой грунтовой ямы, по мнению исследователя, характерен для ранних памятников III-II вв. до н.э., а подбойные могильные ямы «были широко распространены с I в. до н.э. по III-IV вв. н.э.» (Кушаев, 1963, с. 248-249).

Повторный анализ типов погребений, по предложенной схеме Г.А. Кушаева, и сравнение погребального обряда показали, что если следовать описаниям уче-

ного, все изученные им комплексы являются памятниками одного этапа и характеризуют культуру усуней на одном хронологическом отрезке (ср.: Кушаев, 1963, с.169 со с. 190; со с. 211).

В дальнейшем Г.А. Кушаевым проводились разведочные работы в северо-восточной части Семиречья, Джунгарии. В 1966 году Алакульским отрядом Семиреченской археологической экспедиции под руководством автора были выявлены ряд могильников усуньского времени и раскопаны 15 курганов. Материалы этой экспедиции не опубликованы. В отчете отсутствуют фото и чертежи раскопок. Однако в тексте отчета отмечено, что материалы из курганов «позволили выявить некоторые особенности памятников середины 1-го тыс. н.э., преемственность материальной культуры древних усуней и тюрок» (дословно из текста отчета, см. Кушаев, 1966). Сосуды из погребений, раскопанных Г.А. Кушаевым, сохранились в хранилищах Института Археологии и используются в таблицах данного исследования.

А. Г. Максимова, постоянный участник, исследователь и руководитель отрядов Семиреченской археологической экспедиции, с середины 50-х годов проводила работы по изучению кочевнических памятников. Информация о памятниках, изученных автором в период работы в составе САЭ-1956 г., освещена в научной печати и соответствует общей позиции исследователей (Максимова, 1959, с. 87-90). Целый ряд памятников в 60-е годы были изучены А.Г. Максимовой в предгорьях Каратау.

Все курганные могильники, изученные А.Г. Максимовой, расположены, как правило, на возвышенных местах вблизи воды, небольшими группами. В шести могильниках было выявлено 79 конструкций, в составе которых 21 ограда, 50 курганов и 8 выкладок. Каратауские конструкции с джунгарскими и тянь-шаньскими объединяли следующие черты: форма и структура кургана (каменно-земляные), наличие колец у основания насыпи, выкладки, сопровождающие курганы, погребальный обряд, ориентировка погребенных. Отличительной особенностью, по мнению исследователя, является наличие перекрытий из камня над ямой. Могильники Кенсай и Кыр-Чебакты датированы автором I-III вв. н.э.

А.Г. Максимовой были продолжены исследования уже известного в литературе могильника Берккара. По результатам раскопок 10 курганов и анализу материалов из памятников, автор датирует их I-III вв. н.э., а по фрагменту керамики с овальным по форме налепом на боковине сосуда — IV-V вв. н.э. (Максимова, 1962, с. 97-116). Материалы из могильника Жетышоко были продатированы I-III вв. н.э. Анализируя погребальный обряд и материалы из памятников, расположенных на северо-западных склонах хребта Каратау, А.Г. Максимова выразила свое несогласие с мнением А.Н. Бернштама о принадлежности Каратауских погребений (в частности, Берккаринского могильника) кангюям. По мнению автора, материальная культура оставивших такие памятники племена близка усуням и «...весь погребальный инвентарь, а также характер надмогильных сооружений имеют очень близкие аналогии в памятниках Семиречья усуньского времени (III в. до н.э. — III в. н.э.)» (Максимова, 1962, с. 100).

Работы А.Г. Максимовой в области изучения усуньских курганов впоследствии были сосредоточены в предгорной полосе Киргизского Алатау. Подкурган-

ные захоронения, погребения в каменных выкладках, раскопанные в этом районе, по мнению исследователя, дополнили картину распространения усуньских памятников (Максимова, 1970, с. 121-128; 1976, с. 163-182). Но, датируя изученные памятники уже только I-III вв. н.э., поскольку не было оснований для более ранней даты, автор по-прежнему ссылается на такой признак, как «наличие каменных колец под и вокруг насыпи ..., свидетельствующих о преемственности усуньской и сакской культур» (Максимова, 1975, с. 160).

Археологическое изучение памятников усуней на территории Киргизии (после описанных выше исследований А.Н. Бернштама) было продолжено А.К. Кибировым. В результате экспедиционных работ, проведенных в течение ряда лет, исследователь пришел к выводу, что «самыми распространенными памятниками на Тянь-Шане являются погребения сако-усуньских племен (VII в. до н.э. — II в. н.э.)» (Кибиров, 1959, с. 64). Археологическая карта распространения памятников на территории Центрального Тянь-Шаня, по мнению А.К. Кибирова, наглядно указывает на «...территорию расселения племен...» (Кибиров, 1959, с. 69).

Основными критериями выделения усуньских курганов являлись уже ставшие традиционными наборы признаков: каменные, каменно-земляные насыпи, в отдельных случаях — земляные насыпи с кольцами у оснований и без них. Некоторые большие насыпи курганов на расстоянии от оснований имели ограждения в форме как круга, так и четырехугольника (в качестве аналогов указывается могильник Берккара) (Кибиров, 1959, с. 104).

Обычные грунтовые ямы, перекрытые деревом, каменными плитами, по мнению автора, также не противоречат общепринятому положению о признаках, характеризующих усуньские курганы. Анализ вещевого материала из погребений, перекрытых каменными плитами, позволил А.К. Кибирову выразить несогласие с датировкой изученных курганов периодом IV-III вв. до н.э. Автор считал, что их возраст может «хронологически... быть ближе... к нашему времени на одно-два столетия» (Кибиров, 1959, с. 105). Характерными чертами погребального обряда памятников усуньского племенного союза, по мнению автора, являлись преимущественная западная ориентировка погребенных, наличие в погребениях лепных сосудов, чаш, грушевидных кувшинов, сосудов кубкообразной формы с вертикальной ручкой и без нее, баночной формы, иногда с отпечатками тканей на внутренней поверхности сосудов. Железные ножи, кости барана так же, как и в усуньских погребениях с территории Казахстана, являлись обязательным атрибутом погребального инвентаря, соответствуя традициям погребального обряда усуньских племен (Кибиров, 1959, с. 105-107).

В результате работ по исследованию более 100 курганов с ямными погребениями в период 1953-1955 годов А.К. Кибиров пришел к выводу о том, что «многочисленность и повсеместную распространенность в Центральном Тянь-Шане разновеликих усуньских курганов можно объяснить, допустив, что после распада усуньского племенного союза с главной ставкой в городе Чи-гу, в юго-восточной части побережья Иссык-Куля, было образовано новое временное объединение усуней. Основной территорией этого владения могла быть область Центрального Тянь-Шаня (Кибиров, 1959, с. 108). Исследователь считал, что «основная масса... усуньских курганов... является погребениями не ранее, чем IV в.» и что «усу-

ни на этой территории были позднее, вплоть до тюркского каганата VI-VIII вв.» Археологическим подтверждением предположения о длительном пребывании в этом районе усуней являются «усуньские курганы, встречающиеся в Центральном Тянь-Шане повсюду в большом количестве» (Кибиров, 1959, с. ПО).

На основании анализа керамической продукции, А.К. Кибиров, вслед за А.Н. Бернштамом, подтвердил факт существования сквозных типов керамики, встречающихся в погребениях усуней и тюрков. Автор отметил, что аргументу об усуне-тюркских параллелях соответствуют: «находки в отдельных усуньских курганах чаши и горшков со сферическими днищами, но в первом случае с подковообразным полукруглым налепом в виде ручки на боковине сосуда, а во втором — со сплошными вертикальными ручками-выступами, что являлось широко распространенным и характерным элементом керамики тюркского каганата. И, наоборот, в курганах тюркского времени были найдены круглодонные сосуды, типичные для форм керамики, бытующей у усуней» (Кибиров, 1959, с. ПО). Ученый сделал попытку обосновать центральнотяньшаньское расположение племенного объединения усуней в период IV-V вв. н.э., привлекая для этого свидетельства древних китайских письменных источников (Кибиров, 1959, с. 109).

Изучение курганных погребений описываемого времени на территории Киргизии продолжили А.К. Абетеков и Ю.Д. Баруздин. В Таласской долине они раскопали целый ряд могильников. Ссылаясь на «разнообразие типов наземных сооружений», исследователи выделили три группы курганов. За основу деления был взят «внешний признак», то есть способ устройства насыпи (Абетеков, Баруздин, 1963, с. 28). Авторы свидетельствуют, что «несмотря на различие типов наземных сооружений, все три группы курганов имеют много общего: расположение курганов цепочкой, хотя для курганов с каменной насыпью, в основании которых концентрические круги, этот принцип часто нарушается. Всем группам присуща одинаковая конструкция могильных сооружений: это грунтовая яма с небольшой нишей в северной стенке, часто перекрытая каменными плитами или плахами. Расположение ям, ориентировка костяков, наличие керамики во всех группах одинаковы» (Абетеков, Баруздин, 1963, с. 28-29).

Допуская этническую близость населения, оставившего эти памятники, в вопросе датировки комплекса, исследователи ссылаются на широкий временной отрезок бытования различных по типу конструкций. Несмотря на наличие отдельных форм сосудов, браслетов и др. украшений (Абетеков, Баруздин, табл. II. 3, табл. III. 1, 2, 4, 5, 6, рис. 6, 7), указывающих на дату — 1-я половина 1-го тысячелетия нашей эры, авторы «рассмотренные памятники Таласской долины датируют первыми веками до н.э.» (Абетеков, Баруздин, 1963, с. 31). Но могильник Джаныш-Булак, расположенный на террасе левого берега р. Нарын, изученный А.К. Абетековым позднее, был отнесен к памятникам эпохи усуней и усуньской этнокультурной среды..., а дата определена в пределах I-III вв. н.э. (Абетеков, 1975, с. 65).

Подводя итоги многолетних исследований по изучению погребальных сооружений и погребального обряда кочевников в районе Внутреннего Тянь-Шаня, К.И. Ташбаева пришла к выводу о том, что «комплекс погребений относить к двум разным культурам (сакскому и усуньскому)... нет никаких

оснований» (Ташбаева, 1996, с. 60). Выражая свое несогласие с мнением Кибирова А.К., который «отнес их к памятникам усуней», автор высказала мнение, что «рассмотренные памятники Тянь-Шаня в основном синхронны с сакскими памятниками Кетмень-Тюбе и других районов Кыргызстана» (Ташбаева, 1996, с. 61). Погребально-поминальный комплекс Жапырык, являющийся ближайшей аналогией могильника Берккара, был отнесен также к эпохе ранних кочевников (Ташбаева, 1996, с. 44).

Антропологический анализ краниологического материала, на который часто ссылаются авторы в качестве поддержки своей версии о сако-усуньской культуре (Кушаев, 1963) или сакской (Ташбаева, 1996, с. 61), по мнению антрополога В.В. Гинзбурга, не так уж однозначен. Анализируя серию усуньских черепов, В.В. Гинзбург отмечает ее своеобразность, кроме «европеоидности, но с монголоидной примесью... (Гинзбург, 1959, с. 267), подчеркивает, что у илийцев много общего с гуннами Тянь-Шаня и, возможно, Центрального Казахстана (без деформаций)..., общими признаками которых было сочетание как европеоидных, так монголоидных расовых черт». По мнению В.В. Гинзбурга, «в данном случае перед нами одна из ранних локальных форм образования южно-сибирского антропологического типа..., становление которого... происходило к началу н.э.» (Гинзбург, 1959, с. 269).

Совершенно неожиданно звучит заявление И. Кожомбердиева о гунно-усуньском времени, которое охватывает, по мнению автора, I-V вв. н.э. Выделяя этот период, ученый выразил мнение, что «археологические памятники рассматриваемого времени... представлены могильниками с катакомбными захоронениями кенкольского типа» (Кожомбердиев, 1977, с. 15).

Попытка региональной классификации кочевнических памятников, по результатам многолетних исследований погребальных комплексов Киргизии, была проведена Ю.А. Заднепровским (Заднепровский, 1975). Объединив погребальные памятники в те или иные группы по типу могильного устройства, исследователь выделил семиреченские памятники в «айгырджальскую» группу, подчеркнув при этом их генетическую связь с памятниками сакских племен. В данную группу автором отнесены захоронения в обычных грунтовых ямах и захоронения в подбоях. По мнению ученого, захоронения в подбоях связаны с культурой юечжи, выражена надежда на то, что «захоронения в катакомбах могут оказаться погребальными памятниками усуней» (Заднепровский, 1975, с. 167). Время бытования различных по типу могильных конструкций ученый описывает следующим образом: «III-I вв. до н.э. — распространены «чильпекская» группа памятников, составляющая основную массу захоронений местного населения усуньского периода... и... население, оставившее эту группу памятников, правомерно отождествлять с потомками местного сакского населения». Следом за этим идут строки о том, «что погребальный обряд у пришлых юечжийских и усуньских племен отличался от обряда местного, подчиненного им населения» (Заднепровский, 1992, с. 81). А «айгырджальская» группа памятников (надо понимать «семиреченская», см. выше) хронологически занимает следующую шкалу: I-V вв. нашей эры (Заднепровский, 1992, с. 84). Культурно в эту группу занесены подбойно-катакомбные захоронения, которые «не связаны генетически с

могильниками сакского периода» (Заднепровский, 1992, с. 84). Выводы автора выражают следующие строки: «Со II-I вв. до н.э. на территории Семиречья и Тянь-Шаня шел активный процесс смешения местного ираноязычного населения с пришлыми племенами юечжей и усуней, имевшими центрально-азиатское происхождение» (Заднепровский, 1992, с. 85).

Другое мнение о вероятных центральноазиатских параллелях, которое прослеживается по памятникам «постскифского» периода Тувы и второго хронологического периода культуры усуней (I в. до н.э. — I в. н.э. по Г.А. Кушаеву) высказано А.М. Мандельштамом. По мнению автора: «Сходство наблюдается в расположении погребальных сооружений цепочками, сменившихся бессистемным, но имеющим иные закономерности», наличии наружных каменных оград круглой или квадратной формы, поминальных выкладок различной формы, под которыми обнаруживаются глиняные горшки и зольные пятна. Высказана мысль о заимствовании усунями у юечжей «в период обитания на востоке» традиции хоронить в подбойных могилах. Аналогии погребальному инвентарю из усуньских погребений в материалах из Тувы позднего этапа уюкской культуры: железных булавок с шаровидными завершениями, спиралевидных серег с поперечным колечком для подвески и других — приведены в качестве подтверждения идеи о взаимосвязи захоронений в подбоях с юечжи и влиянии через них на погребальную традицию усуней (Мандельштам, 1996, с. 99).

Касаясь вопроса о соответствии сведений китайских письменных источников по ранней истории усуней (Бернштам, 1949, с. 357), А.М. Мандельштам высказал мнение о верности традиционного истолкования источников, так как вышеописанные им центральноазиатские параллели являются археологическим подтверждением данных истории (Мандельштам, 1996, с. 95). По мнению исследователя, «два разных источника однозначно свидетельствуют о том, что в первой половине II в. до н.э. усунь обитали не в Средней Азии, а где-то вблизи от восточной окраины Восточного Туркестана» (Мандельштам, 1996, с. 96).

Продолжением дискуссии на тему о культурной интерпретации погребальных комплексов конца I-го тыс. до н.э. — начала I-го тыс. н.э. на территории Средней Азии явилась работа О.В. Обельченко (Обельченко, 1992). Многолетние исследования подкурганых захоронений на территории Бухарского оазиса позволили автору сделать ряд выводов, касающихся времени возникновения, существования того или иного типа захоронений, проследить процесс эволюции погребальных конструкций и осветить некоторые аспекты истории культуры населения с конца I-го тысячелетия до н.э. до середины I-го тысячелетия н.э. По мнению ученого, «основными подкурганскими сооружениями в курганах II в. до н.э. — I в. н.э. являлись подбойные могилы и катакомбы с дромосом, при том что ... подбой сооружался в западной стене». Далее, в период со II в. н.э. по IV в. н.э., основным типом могильного сооружения были захоронения в катакомбах, хотя в могильниках встречаются и подбойные могилы. Иными словами, в одну эпоху на всей территории Средней Азии сосуществовали захоронения в грунтовых могилах, в подбоях и катакомбах. Особенно широкое распространение в первые века нашей эры и в последующее время, погребения в подбоях и катакомбах получили на территории древней Ферганы, на Тянь-Шане и Памиро-Алае» (Обельченко, 1992, с. 106).

Погребальный обряд, по данным исследователя, характеризуется преобладанием труположения на спине, при котором руки и ноги лежат по длинной оси могил, с небольшими вариациями (к примеру, одна из рук или две могут находиться на тазовых костях, меняется и положение ног) в ориентации скелетов, определенность существует для каждой хронологической группы. «В погребениях... II в. до н.э. — I в. н.э. во всех курганах, независимо от того, были под насыпью подбой и катакомбы, скелеты лежали головой только на юг с отклонением к западу или востоку, ...северная ориентация скелетов обнаружена в погребениях II — IV вв. н.э., сосуществуя с восточной».

Состав погребального инвентаря, сопровождавшего умершего, был представлен оружием, украшениями, посудой и другими вещами. В качестве заупокойной пищи употреблялась передняя нога овцы, рядом с которой находился небольшой железный нож. Железные мечи располагались вдоль руки. Кинжалы лежали у пояса. В основном около правой ноги — наконечники стрел. «Кости барана находят, как правило, в погребениях II в. до н.э. — I в. н.э. (Обельченко, 1992, с. 109-132).

Касаясь вопроса эволюции погребальных сооружений, О.В. Обельченко считал семиреченские и североказахстанские подбойные захоронения, известные ему по публикациям, как самые ранние и что по курганам Семиречья можно проследить «процесс формирования подбойной могилы и переход от грунтовой могилы к подбою» (Обельченко, 1992, с. 143).

Исследования проблемы генезиса типов могильных сооружений по данным могильников Западной Ферганы, проведенные Б.А. Литвинским, стали основанием для выводов о тесной связи катакомбных и подбойных захоронений и «возможности неких общих исходных корней в генезисе этих могильных сооружений» (Литвинский, 1972, с. 67). По мнению ученого, именно семиреченские подбойные могилы имеют «первостепенное значение для выяснения происхождения среднеазиатских». Однако, допустив, что ямы с «заставкой», раскопанные в могильниках долины р. Или, являются переходными типами могильных сооружений от обычной грунтовой ямы к подбою, автор выразил несогласие с выводом Г.А. Кушаева о том, что «все изменения типа древних погребений следует искать в особенностях способа производства» (Литвинский, 1972, с. 68).

Распространение «в разных областях Средней Азии со II-I вв. до н.э. подбойных могил... свидетельствует об... общности среднеазиатских кочевников и сарматов» (Литвинский, 1972, с. 69). Кроме того, автор допускает возможность наличия различных типов погребальных сооружений в Западной Фергане в связи с существовавшей социально-половозрастной дифференциацией и др. факторами, о чем красноречиво говорит этнографический материал (Литвинский, 1972, с.72).

Хронологическая интерпретация западноферганских памятников произведена Б.А. Литвинским «в результате анализа каждого могильного комплекса, сопоставления их друг с другом внутри могильника и сравнения комплексов целых могильников». Суммарная картина периодизации, по Литвинскому, выглядит следующим образом: «...самые ранние могут датироваться I-II вв. н.э. Но основ-

ная масса погребений может быть датирована II-IV вв. н.э.; значительная — V-VII вв.» (Литвинский, 1972, с. 132).

Погребальные памятники Ферганы, изученные Н.Г. Горбуновой, в соответствии с системой признаков, разработанной автором, «распределяются неравномерно как по ландшафтным зонам, так и по районам долины. Они образуют локальные группы, среди которых в северо-западном и частично юго-западном районах предгорий расположены могильники из наземных каменных сооружений. В юго-западном районе преобладают подбои различных вариантов, сочетающиеся с катакомбами хангизского типа и с некоторым включением катакомб кенкольского типа, и глубокими грунтовыми могилами, часто с деревянным перекрытием и различной ориентировкой». Датировка выделенных памятников, по мнению Н.Г. Горбуновой, «вряд ли ранее рубежа н.э.» (Горбунова, 1981, с. 94-95). Объясняя существующие различия в погребальном обряде, автор допускает возможность того, что «в Средней Азии как бы сталкиваются движения двух потоков племен с северо-западных и северо-восточных ее окраин..., а ...некоторая пестрота погребальных сооружений на Тянь-Шане может объясниться контактами с Ферганой» (Горбунова, 1981, с. 96-97).

Историографический обзор проблемы, изучения погребальных памятников кочевников рубежа эры и первой половины первого тысячелетия нашей эры показывают на отсутствие единого мнения в вопросах интерпретации археологического материала. Противоречивость мнений объяснялась целым рядом факторов. Изначально ошибочное представление о генетической взаимосвязи сакской и усуньской культур породило не только неверный термин «сако-усуньская культура» и последующие хронологические неувязки, но и привела к тому, что даже сама постановка проблемы об истоках формирования культуры тюркских кочевников на территории древнего и средневекового Казахстана казалась недопустимой.

С другой стороны, по результатам проведенного нами историографического обзора проблемы стало очевидным, что в работах, посвященных изучению культуры усуней и других кочевых племен, обитавших на территории Жетысу во II в. до н.э. - V в. н.э., отсутствует анализ всего комплекса данных по истории культуры племен. А использование сведений из других источников носило выборочный характер.

Существенно дополнить этот пробел возможно с помощью информации, содержащейся в древних китайских письменных источниках. И это тем более необходимо, что объем сведений из этого вида источника содержит данные по локализации усуней в различные периоды истории. Сведения о местонахождении племени усуней в древних китайских письменных источниках, описанные в связи с военными акциями против сюнну, в которых они принимают участие на стороне китайцев, служат источниками, которые отразили характер экономических и политических взаимоотношений кочевых племен в рассматриваемую эпоху. Сравнение информации о локализации усуней вдоль караванных путей, на северной и южной дорогах позволяют определить географию расселения в пределах Туркестана и проследить этапы формирования племени до периода становления государства у усуней и их переселения на территорию Жетысу.

1.2. О локализации усуней по сведениям древних китайских письменных источников и их миграции на территорию Семиречья

Сведения китайских письменных источников о древних племенах, обитавших на западных и северо-западных границах Китая, содержатся в исторических сочинениях различных эпох.

В настоящей работе использованы переводы И. Бичурина китайских исторических летописей, суммированные в «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» и труд Н. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока». Последняя работа, по мнению самого автора, «задумана... как дополнение замечательного труда Иакинфа Бичурина» (Кюнер, 1961, с. 7). Н. Кюнер писал, что «по сравнению с «Собранием сведений...» добавлены сообщения о некоторых народах, игравших важную роль в истории северной части современного Казахстана и прилегающих районов Синьцзяна, как-то: о динлин, кангюй, усунь, яньцай, юебань...» Кроме того, в последней работе «...вне-сены соответствующие исправления к этим переводам и дан параллельный перевод текстов из других китайских сочинений, не использованных самим Бичуриным» (Кюнер, 1961, с. 8).

В 80-е годы сведения китайских древних источников по истории племен Туркестана были вновь проанализированы М.В. Крюковым (Крюков, 1988, гл. 6). Критическое осмысление сведений и комплекса данных из других источников позволили автору высказать мнение о локализации усуней на рубеже и в первые века нашей эры близ озера Баркуль (Крюков, 1988, с. 235-236).

Аналитический обзор текстов, доступный нам из указанных сочинений, позволил уточнить некоторые вопросы локализации усуней в ранний период их истории и вновь вернуться к проблеме миграции племени на территорию Жетысу. Сравнение данных китайских хроник и критический, последовательный анализ политических событий, в которых принимают участие усунь в различные периоды своей жизни на территории Восточного Туркестана, послужили основанием для выводов об этапах формирования и становления государства этого племенного объединения.

Первое упоминание об усунях в 110-й гл. «Ши цзи» связано с военными действиями хуннуского шаньюя Модэ (176 г. до н.э.). Усунь названо владением совместно с Лоулань, Хусе и другими. Лэулань или Лоулань — название государства, расположенного в непосредственной близости от оз. Лобнор. «Хусе, или правильнее Хусье и Усунь находятся на северо-запад от Гуачжоу. Усуньское государство периода (Чжаньго) находилось в Гуачжоу», — отмечает в своих замечаниях и поправках к работе Бичурина Н. Кюнер (Кюнер, 1961, с. 311). Следующие строки из «Исторических записок» о первоначальном проживании усуней между Цилян Шанем и Дуньхуаном, где они располагались совместно с юечжи, появляются после поездки Чжан Цяна к хуннам.

Именно этот текст, правда, с небольшими различиями содержится и в «ТТЦи цзи» и в «Ханьшу».

Бань Гу		Сыма Цянь
<p>Правитель усуней именуется Куньмо. Его отец Наньдоумо был правителем маленького царства, расположенного, как и большие юечжи, между горами Цилянъ-шань и Дунь Хуаном.</p>		<p>Правитель усуней именуется Куньмо. Его отец был правителем маленького царства на западных границах Сюнну.</p>

Кроме того, летописи этого периода содержат и сведения о том, что «...шаньюй перепоручил ему (Гуньмо) надзор за караулами при Западной стене» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 155).

О географическом расположении сюнну говорится, что «...Западная сторона хуннов простирается от Соляного озера на восток до великой стены в Лун-си» (Соляное озеро — Лобнор) (Бичурин, 1950, т. 2, с. 150). В том же «Повествовании о Давани» имеется упоминание о том, что Усунь находится на северо-востоке от Давани, на востоке Ганьми и Юйтянь» (Ганьми, иначе Гюйми — есть название княжества Кария; Юйтянь-Хотан) (Бичурин, 1950, т. 2, с. 149). «Повествование о Западном крае» совместно с разделом «Описание устройства земель» (нововведение в китайских хрониках) появляется в истории старшего дома Хань (Цянь-ханьшу).

В «Повествовании о Западном крае» Бань Гу описывает государства и владения, расположенные в Восточном Туркестане и Джунгарии, по следующей схеме: расстояние до ближайших владений или взаиморасположение их по сторонам света, численность населения и войска, данные о хозяйстве и обычаях. Именно в этом разделе Бань Гу называет этот регион Западным краем (Сиюй). У Сыма Цяня название Восточного Туркестана Западным краем еще отсутствовало.

Во вступлении к «Повествованию...» отмечено, что «все сии владения лежат от хуннов к западу, от Усуны к югу. На южной и северной сторонах Западного края находятся большие горы, между которыми река протекает. Западный край от востока к западу содержит 6000 ли длины, от юга к северу до 1000 ли широты; на востоке отделяется от Китая крепостями Юй-мынь-гуань и Янь-Гуань, на западе ограничивается Луковыми горами».

Владения, расположенные к югу от усуней, по мнению китайского историка Хэ Цю-Тао, есть подчиненные Китаю государства (Чжаньго). Коментатор хроники отмечает, что это были государства с городами и предместьями, т.е. «сказано о Гумо, Вэньсу, Гуйци, Яньци» (Кюннер, 1961, с. 74, прим. 30). Тот же коментатор сообщает, что «земли усуней прилегали к южной стороне Тянь-Шаня, прямо на север достигали Яньци, на восток достигали Чэши (Цзюйши) (Крюков, 1988, с. 244). Смежны с сюнну. На северо-западе общаются с Канцзюй, т.е. ...западная и северная сторона усуней примыкает к Канцзюй» (Кюннер, 1961, с. 74). В последовательном описании границ расположения западных государств говорится, что Гумо, Вэньсу (Аксу), Куча на севере смежны с Усунем (Кюннер, 1961, с. 204).

Утанцзыли смежно с Усунем на западе (Кюннер, 1961, с. 205). Владение Гуаньду расположено в долине Яньдунь. От Кашгара на юг около Луковых гор места не-обитаемы... На севере смежно с Усунем (Бичурин, 1950, т. 2, с. 188).

Письменные источники содержат также сведения о древних караванных путях, по которым шло сообщение с государствами и владениями Западного края. В период, описываемый в «Ханьшу», во II-I вв. до н.э., в Западный край вели две дороги: «одна, пролегая через Шаньшань по северную сторону Южных гор (Кунь Лунь), идет по направлению реки (Тарим) на запад до Яркияна и называется Южною, северная дорога от местопребывания западного чешыского владетеля подле Северных гор (Бэй-Шань) идет на запад до Кашгара и называется северною дорогою». Она «по переходе через Луковые горы ведет в Давань, Кангюй» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 170). В комментарии к этой информации о расположении дорог отмечается, что «усуни находились под северными горами. Те из китайских посланников, которые пользовались южною дорогою, следовали северным берегом Тарим, все они находились на юг от границ усуней» (Кюннер, 1961, с. 77, прим. 54).

Столица усуней Чигу в «Повествовании о Западном крае» указана «от Чанань в 9800 ли. На восток до местопребывания наместника 1721 ли, на запад до Кангюйской границы 5000 ли» (Бичурин, т. 2, с. 190). В китайской исторической литературе эта информация уточняется и комментируется следующими словами: «Усунь жили в городе Чигу, впоследствии переселились в Цунлин; это свидетельствует, что усунь находились на юг от гор. Ныне на север от Аксу и Яньшань цвет земли чисто красный, предполагали, что это та страна (где жили усунь)» (Кюннер, 1961, с. 73, прим. 15). В другом примечании рассмотрены и уточнены данные о расположении Чигу по отношению к Чаньяню: «Если сравнить с расстоянием от Чаньяня, следует писать 1662 ли, говоря только на восток, узнаешь, что (Усунь) не находится на север от гор. В справке Хэ Цю-Тао: «Если Усунь находилось на север от гор, то следует говорить «на юго-восток» (Кюннер, 1961, с. 73, прим. 21).

Описание территорий Западного края, начатое еще со второго века до нашей эры и впервые изложенное в «Исторических записках», традиционно велось и в последующие эпохи. В «Истории Поздней Хань» («Хоу ханьшу») сведения хроник освещены за период с 25 по 220 гг. н.э. Однако в этот период происходят значительные изменения во взаимоотношениях империи с западными государствами и сведения хроник фиксируют их следующим образом: при императоре Ван Ман (17-23 гг. н.э.) «...Западный край вознегодовал и отложился», при Минди (58-75 гг. н.э.) «Западный край 65 лет был в разрыве с Китаем и потом опять вступил в сообщение» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 216). При Шунь-ди (126-144 гг. н.э.), «...в 127 году Бань Юн опять покорил Харашар, а после сего Кучу, Яркян, Хотан, Кашгар..., но Усунь и владения, лежащие от Луковых гор на запад, отторглись совершенно» (Бичурин, т. 2, с. 220).

О переменах, произошедших в первые века нашей эры, как на исторической арене, так и на географической карте Восточного Туркестана в древних китайских хрониках упоминается неоднократно. Прочтение текстов перевода «Повествование о Западном крае» показывает, что владения

Гумо, Вэньсу, Куча, Карашар, Хотан, по описаниям «Цяньханьшу» смежные с Усунь, теперь не имеют общих границ. Владение Утанцзыли вовсе исчезает из числа описанных территорий (Бичурин, т. 2, с. 222, 235). И, только в описании Заднего Чешы (Цзюйши) (по: Крюков, 1988, с. 244) сказано, что «Заднее Чешы по северной дороге простирается на запад до Усуни (133 г. н.э.). (Бичурин, 1950, т. 2, с. 237).

Последовательность описаний, после падения династии Хань, содержится в «Описании трех царств» (Сань го чжи), составленном в конце III века, в котором использовались фрагменты из обзора Вэй («Вэй люэ»). Единственным сведением об усунь в этом обзоре является упоминание о новой северной дороге, ведущей «на западе... в Усунь и Канцзюй». Хроники «Вэйшу» отмечают изменение политической ситуации в период с конца IV века до середины VI века. Об усунях и событиях, имеющих отношение к ним, сказано: «жужаньцы несколько раз производили набеги на него, почему он переселился в Луковые горы. Городов нет, а усуньцы переходят со скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В 437 году н.э. отправили в Китай уполномоченных Дуаюань и других послов. Это государство потом постоянно направляло послов» (Кюнер, 1961, с. 98).

В описании дорог, ведущих в западные государства, о расположении их по южной и северной дорогам, в «Вэйшу» нет упоминания об усунях. Записано следующее: «Идущая по северную сторону гор по направлению реки до Яркяна называется южною дорогою, которая по переходе за Луковые горы ведет в государства Большой Юечжи и Аньси; идущая от местопребывания Западного чешыского владетеля подле северных гор (автор отмечает Небесные горы) по направлению реки на запад до Кашгара называется северною дорогою, которая по переходе через Луковые горы ведет в Давань, Кангюй, Яньцай и Харашар» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 221).

Именно потому, что усунь периода Хань локализовались к западу от сюнну, с южной стороны Северных гор, а государства Западного края (Восточного Туркестана) — к югу от усуней, все сведения летописей обнаруживали этот племенной союз на территории северо-запада Восточного Туркестана, т.е. к западу от озера Баркуль. В период с первых веков нашей эры известия об усунях носят не только отрывочный характер, но и отмечают, что «Усунь отторглись...». Последнее означало локализацию государства усуней в другом месте, а письменное свидетельство о соседстве его с юебань на северо-восточных границах достаточно убедительно говорит о расположении государств теперь уже на территории современного Казахстана.

Вероятно, зафиксированное в летописях первоначальное местоположение усуней между Цилянью Шанем и Дунхуанем является достоверным. Оно соответствует легендарному периоду в жизни племени, когда усунь было «небольшим владением». Впоследствии, после поездки Чжань Цяня в Усунь приблизительно в 144 г. до н.э., в письменных источниках появляется вместо определения «владения Усунь» — «государство Усунь» (Кюнер, 1961, с. 77, прим. 51). Летописи свидетельствуют, что «Гуньмо приложил попечение о поправлении состояния своего народа и подчинил окрестные небольшие го-

рода...» И далее: «По смерти шаньюя Гуньмо со своим народом отделился и отказался от поездок в орду хунну». Вероятные перемещения усуней в пределах Восточного Туркестана совпадают с периодом становления его как государства в конце II в. до н.э. — I в. до н.э. В описываемый период усуньский племенной союз достигает наибольшего могущества и его сила становится необходимой Ханьской империи для сдержания агрессии сюнну, постоянно угрожавшей Китаю с севера и северо-запада.

Становление государственности усуней проходило в условиях жесткой конкуренции и носило сложный характер. Совместные китае-усуньские военные действия против сюнну в летописях зафиксированы дважды. Хроники сообщают, что «сюнну выслали конницу для облавы в Чешы, и чешысы, действуя заодно с ними, обще нападают на Усунь» (71 г. до н.э.) (Бичурин, 1950, т. II, с. 193). В этой кампании против сюнну и чешы принимали участие 200 тыс. конницы. «Гуньмо со своими князьями выступил в земли сюнну с западной стороны и прошел до стойбищ Лули князя... увел в плен до 40 000 человек..., получил в добычу более 700 000 голов лошадей, рогатого скота, верблюдов и ослов. Всю эту добычу усуньцы взяли себе и возвратились» (Бичурин, 1950, т. II, с. 193-194). В «Шофэнбэйчэн» есть уточнение: «Гуньми... достиг правого Лули князя». В примечании Сюй Суна отмечено, что правый Лули князь начальствовал и жил на западной стороне прямо против Шанцзюнь. «Это западная сторона владений сюнну, связанная (смежная) с Усунь, Усунь раньше времени прибыли сюда с западной стороны, именно с запада от Пулэйгули (Лули)» (Бичурин, 1950, т. II, с. 80, 81; Кюнер, 1961, с. 82). Китайские войска выходили из пунктов Хэси, Чжанье, Юнчжун и Цзю Цзюаня и должны были соединиться с усунями для того, чтобы совместно напасть на сюнну у озера Пулэй (Кюнер, 1961, с. 82). Однако события развернулись таким образом, что усунь раньше времени пришли и самостоятельно разгромили сюнну. Эти сообщения представляют ценность фактической фиксацией локализации усуней в 71 г. до н.э. рядом со своими соседями, сюнну и чешы (цзюйши), с которыми они имели общие границы, что устанавливается в достаточной степени достоверно.

Другая военная акция, связанная с походом сюннуского шаньюя Чжи-Чжи, зафиксированная в «Цяньханшу», подробно рассмотрена Ю. А. Зуевым (Зуев, 1957, с. 62-72). Взаимоотношения усуней со своими соседями канцзюй, сюнну и Китаем во второй половине I века до н.э. проанализированы ученым на фоне важных исторических ретроспектив. Заслуживающими внимание, в связи с действиями Чжичжи, являются известия о том, что шаньюй северных сюнну, вторгшись с наемными отрядами в земли Усунь и Даюань (Фергана), «вроде бы завладел этими двумя государствами, а на севере он напал на (государство Иле...)». По мнению Ю. Зуева, графическое сочетание Иле является наиболее ранней транскрипцией названия реки Или. В связи с упоминанием в летописях государства Иле, этот же автор приводит свидетельства о его фактическом существовании. В труде Фань Суаньлиня «История династии Цзинь, 265-420 гг.» написано: «Государство Канцзюй находится примерно в двух тысячах ли на северо-западе от Даюань, оно соседит со странами Суи

(Согдиана) и Иле». А другой автор, К. Сиратори, касаясь вопроса локализации древней Согдианы и Кангхи, отмечал, что «Иле означает название страны по нижнему течению реки Или» (Shiratori, 1928, II, p. 94-97). В связи с указанной выше кампанией, локализация Усунь указана на расстоянии в 1000 ли от Таласа (Зуев, 1957, с. 62-72).

В обзоре различных мнений относительно первоначального расселения усуней, содержащемся в очерках истории Восточного Туркестана, приведены веские доводы в пользу местонахождения племени близ озера Баркуль (Пулэй — в китайских источниках). М.В. Крюков полагает, что «дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации данных письменных источников являются некоторые упоминания усуней в документах, найденных в развалинах ханьской крепости близ Лобнора. В одном из них сообщается о чиновнике военно-земледельческого поселения, убитом разбойниками усунями» (Крюков, 1988, с. 235-236).

Из аналитического обзора сведений, приведенного выше, следует: если, с одной стороны, в период II-I вв. до н.э. письменные источники локализуют усуней на территории Восточного Туркестана, отмечая при этом, что «в Западном крае это наибольшее государство», а с другой — отчетливо фиксируют государство Иле по нижнему течению реки Или, остается лишь довериться историческим фактам. А факты говорят: на рубеже эры усунь не могли находиться на территории низовьев реки Или.

Вероятно, строки из тех же летописей о том, что «Усунь отторглись совершенно», с указанием даты 127 г. н.э., и соответствуют периоду миграции племени на территорию Жетысу, которая в действительности имела место в первые века нашей эры.

В самом начале I в. н.э. взаимоотношения Китая и Усунь продолжали ставшую уже традиционной связь на уровне «брачных контрактов» и обмена посольствами (Бичурин, 1950, т. II, с. 197-198). Однако уже в этот период отмечались факты откочевки усуней на земли Западного Туркестана. К примеру, один из престолонаследников Гуньмо «Бихуаньчжи, взяв до 80000 душ своих подданных, ушел на север в Кангюй...» (Бичурин, 1950, т. II, с. 198).

Миграция усуней в северном и северо-западном направлении могла носить форму не только вынужденной откочевки, как это было с Бихуаньчжи. В сведениях китайских хроник зафиксирован факт усиления могущества усуней за счет подчинения себе многих других владений. Следствием усиления государства усуней явилось обогащение социальной верхушки, во владении которой находилось «от 4000 до 5000 голов лошадей» (Бичурин, 1950, т. II, с. 195). Дефицит пастбищ, необходимый для экстенсивной формы скотоводства, привел к обнародованию указа «о запрете пасти свой скот на пастбищах Гуньмо» (Бичурин, 1950, т. II, с. 197). Фактор дефицита пастбищных земель мог послужить в качестве одной из причин последовательной и постепенной миграции усуней в направлении освоения территорий северо-западных и юго-западных склонов Джунгарии и Тянь-Шаня, географические условия которых соответствовали привычной природной среде обитания кочевников-туркестанцев.

ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕМИРЕЧЬЯ

II В. ДО Н.Э. – VВ. Н.Э.

2.1. Погребальные сооружения.

Типы погребений

Археологические памятники рубежа эры и 1-й половины 1-го тысячелетия нашей эры на территории Семиречья представлены многочисленными курганными могильниками. Расположенные в горной и предгорной полосе, на террасах, саях горных рек и речушек, они представляют древнюю культуру населения региона. Археологическая карта экспедиций, составленная и изданная в 1960 году (Археологическая карта, 1960), и карта, составленная нами (см. приложение 1, иллюстрация, карта), отражают историческую и культурно-ландшафтную характеристику процесса развития древних и средневековых культур кочевников.

В проблеме изучения древней истории кочевых обществ одним из основных археологических источников являются материалы из раскопок погребально-поминальных комплексов. Идеологические представления различных обществ оказывают непосредственное влияние на формирование традиций погребального ритуала. Поэтому вещественные явления, способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, остатки тризн и жертвоприношений, являющиеся предметом исследования в археологии, служат источником информации об этнокультурных процессах, проходивших на территории конкретного региона в тот или иной период.

Являясь частью религиозно-мифологической системы, погребальный обряд, основанный на целой системе обычаев (обычай «прощания» с умершим, обычай отмечать место захоронения и многое другое), содержит в себе информацию о действиях человека, связанных с переходом в иное состояние: переход от мира живых в мир мертвых. «Целью погребального обряда является захоронение умершего, избавление общества от умершего посредством реализации определенных предписаний, направленных на создание погребального памятника, а его религиозная цель — обеспечение условий для надлежащего перехода умершего или его «души» в иной мир, сохранение «равновесия» между «тем» и «этим» миром путем совершения ряда определенных операций» (Ольховский, 1986, с. 68). Создание погребального памятника, в составе которого находятся погребальное сооружение, сооружения ритуального характера, — конечный этап в цепи погребально-поминального ритуала, регламентированного традициями общества.

Археологическим источником «погребально-поминальный обряд служит в силу своих исключительных качеств — одномоментности и стратиграфической четкости» (Никитина, 1985, с. 3). Универсальность погребального обряда в изучении вопросов культурогенеза связана с тем, что погребальные памятники свойственны каждой культуре, а это значит, что они четко локализируются на опре-

деленной территории, хронологически дифференцируются и в силу традиционности являются консервативными. А консервативность погребально-поминального обряда объясняется тем, что религиозные взгляды, связанные с указанной традицией, основаны на «неписаном своде погребальных правил и представлений, предписывающих стиль поведения в конкретной ситуации» (Ольховский, 1986, с. 67).

Рассматриваемые в данной работе памятники объединены в одну группу по локализации их в предгорном и горном районах и по признаку топографического расположения на местности. Сосредоточение кочевнических памятников периода рубежа эры и раннего средневековья в описываемом регионе, локализация определенной группы погребальных комплексов в конкретном типе ландшафтной зоны, с определенным набором признаков погребального обряда являются одними из наиболее существенных черт, характеризующих культуру населения той или иной эпохи.

Все погребальные памятники рубежа эры и первых веков нашей эры — это подкурганные захоронения и погребения в оградах. Сооружение насыпей в качестве надмогильного сооружения — традиционный и характерный признак погребальных комплексов кочевников.

Общее количество изученных комплексов исторического периода II в. до н.э. — V в. н.э. на территории Семиречья составляет 54 могильника. Количество погребально-поминальных конструкций, входящих в состав этих памятников — 3930, из них раскопками изучены 475 курганов, 52 выкладки и 51 ограда (приложение I, табл. 2).

Курганы на местности располагались компактно: пространственное расположение памятников подчинялось рельефу горного, предгорного ландшафта. Использование топографических особенностей местности: выровненных террас, гребней для сооружения погребальных комплексов, с одной стороны, соответствовало воззрениям кочевников, хоронивших соплеменников у подножия родовой горы, а с другой, такого рода памятники маркировали родовые территории.

В соподчиненности конструкций внутри самого могильника, в котором курганы меньшего размера группируются или «следуют» за курганами большего размера, отражена социальная стратифицированность общества кочевников описываемой эпохи. Размеры курганов различны: от 3-6 до 15-30 м в диаметре; высота курганов от 0,3 до 1,2-2 м.

Конструктивной особенностью семиреченских курганов является сооружение насыпей из камня (табл. 2). Камень широко использовался как в качестве основного материала для сооружения насыпей, оград, выкладок, колец вокруг основания курганов, так и для закладки погребальных ям, подбоев и катакомб. Каменные плиты служили в качестве перекрытий ям, обкладки стен погребальных камер и как строительный материал в погребениях с каменным ящиком (табл. 2 и 4).

Погребальными памятниками эпохи, наряду с курганами, являлись и ограды, входившие в состав могильников (табл. 2). В могильнике Утеген 2, состоявшем из 73 конструкций, находилось 26 оград; в могильнике Капчагай 3 — 29 оград (всего 52 конструкции). В составе могильников 1 и 2, расположенных в долине реки Или, выявлены соответственно 5 и 2 ограды. Захоронения в оградах характерны и для памятников, расположенных на северо-восточных склонах хребта Каратау: в могильнике Кенсай в числе 45 погребальных сооружений находилось

15 оград, в Кыр-Чебакты — 4 (всего 78 сооружений). В Берккаринском могильнике раскопаны 2 ограды с погребениями.

Овальные, круглые, подпрямоугольные в плане выкладки из камня сопровождают 30% могильников. Расположенные с восточной, западной, юго-восточной стороны кургана, они представляют собой наброску камней размером 1,5 x 2 м; 1,2 x 1,8 м или же выкладку из камней по периметру, без наброски, с размерами сторон от 1,3 x 2,2 м до 2,5 x 2,5 м. Раскопками выявлено отсутствие в них захоронений. Находки в выкладках сосудов, фрагментов керамики, отдельных костей животных, угольков и остатков от кострищ свидетельствуют о связи этих конструкций с погребально-поминальным ритуалом.

Неотъемлемой конструктивной деталью курганов являются каменные кольца или прямоугольные ограды, окружающие насыпи по их основанию. Установлено, что такие конструкции имеются в 85% изученных комплексов. Повторяя округлую форму насыпи, чаще всего они сооружались в форме колец, одинарных, двойных. Наряду с кольцами зарегистрированы прямоугольные каменные пояса, сооруженные вокруг основания насыпи: в могильниках Берккара, Кызылауыз, Калкан 1. К тому же, могильник Берккара демонстрирует целый ряд разнообразных конструкций, отличающих его от других памятников этого периода (Бабанская, 1956, табл. I, II, рис. 1,2). Являясь одним из самых крупных по количеству погребально-поминальных сооружений (всего 547), вероятно, этот памятник содержит информацию о культурах не только одного этноса. Хронологически укладываясь в рамки описываемой эпохи, конструкции Берккары настолько многообразны и сложны, что однозначный интерпретационный подход к памятнику неприемлем.

Огромные насыпи из камня, с вымосткой площади вокруг кургана, прямоугольные выкладки в один, два или три ряда по периметру центрального сооружения, небольшие, диаметром от 1,5 до 3,0 м, ограды, составленные также по периметру погребальной конструкции, оформление «выходов» и «входов» к кургану характерны и для могильника Жапырык, расположенного на территории Внутреннего Тянь-Шаня (Ташбаева, 1996, рис. 4.5). Можно только предполагать, что аналогичные комплексы являются яркими свидетельствами, характеризующими этническую ситуацию эпохи.

Погребения, выявленные в процессе исследования памятников (всего 429), показывают все многообразие типов захоронений. Во всех без исключения курганах, оградах, вне зависимости от типа, размеры погребений соответствовали антропометрическим данным умершего с учетом места для инвентаря. Ямы удлиненно-овальной формы с закругленными углами, длиной до или чуть более 2 м, шириной от 0,6 до 1,2 м. Глубина ям самая различная, от 0,7 до 2,2 м.

Основным типом погребения являются захоронения в обычных грунтовых ямах. В исследуемых памятниках они составляют 375 погребений, или 90% от общего числа изученных. 32 могильника содержали погребения только этого типа (табл. 1 и 3). Дополнительной конструктивной деталью погребений в ямах является сооружение заплечиков. Заплечики выявлены в кургане 4 могильника Сарытогай 1, в кургане 13 могильника Сарытогай 2, в курганах 20 и 23 могильника Сарытогай

3, в курганах 73 и 74 могильника Актерек, в курганах 25-27 могильника Курты (табл. 3). Запечки соорудались с целью установки на них перекрытий погребальных камер. Перекрытия из дерева, установленные на запечках, находились в 13 погребениях (табл. 4). В отдельных случаях деревянные перекрытия устанавливались на вертикальных столбиках, установленных на дне ямы. Следы от столбиков выявлены в двух курганах могильников Сарытогай 1 и Сарытогай 3 и в одном из курганов могильника Капчагай 3 (табл. 4).

Перекрытия из дерева, установленные наклонно от северного края ямы к южной и получившие в литературе название «заставка», находились в 11 погребениях. Заставки из дерева зафиксированы в грунтовых погребениях. Дерево в таких погребениях использовалось также для покрытия самого погребенного. В 6 курганах деревянными плашками, положенными вдоль, были покрыты тела умерших (табл. 4). Для перекрытий грунтовых погребений использовались и каменные плиты. Всего в 57 курганах плиты перекрывали ямы под насыпью, на уровне древней поверхности (табл. 4).

Вторым по количеству типом погребений в Семиреченских погребальных памятниках являются захоронения в подбоях. Изучено 58 подбойных погребений. Все конструкции подбоев располагались в северной стене погребальной камеры. Размеры подбоев также соответствовали антропометрическим данным погребенных. В стене, противоположной подбою, находились уступы, на которые опирались плиты перекрытия или же деревянные плахи, перекрывавшие подбой. В 10 подбойных погребениях каменные плиты закрывали вход в подбой, в 6 подбоях входы были перекрыты деревянными плахами (табл. 4). В остальных случаях перекрытия подбоев не определены.

Следующий тип погребений представлен грунтовыми ямами с нишами, которые сооружены в северо-западной или северо-восточной стене, всего изучено 14 захоронений. Территориально, ямы с нишами характерны для погребальных памятников южных районов Семиречья. 7 таких погребений находились в составе могильника Караша 1, одно в могильнике Шошкала. Ниши в погребениях, судя по находкам в них сосудов и остатков пищи, сооружались для установки в них сосудов с ритуальной пищей, сопровождавшей умершего человека.

Погребений в каменных ящиках выявлено 7. Все они установлены на дне грунтовой ямы. Стены ящиков и перекрытия сооружены из каменных плит. В 5 погребениях плиты перекрытий находились *in situ*. Захоронения в каменных ящиках были в составе могильников, расположенных в северо-восточной части Семиречья. Из пяти погребений могильника Кадырбай 3 в трех выявлены описываемые конструкции, по одному ящику обнаружено в могильниках Чиликский, Шормак 1, Тайгак 1 и Кызылсай (табл. 3).

Погребальные сооружения Семиречья объединяет еще одна характерная деталь, о которой необходимо упомянуть. Выкладки из камня на уровне дневной поверхности, очерчивающие контуры могильных ям, зафиксированы под насыпями 67 курганов (табл. 4). Зависимости выкладок от типов погребений не отмечено, так как каменные выкладки находились под насыпями всех описанных выше типов ям.

Захоронения зафиксированы во всех исследованных погребениях могильников Семиречья. В работе учтены данные и из погребений, подвергшихся разру-

шениям в результате ограблений. Сведения о типах захоронений отсутствуют в погребениях могильников Тамды и Шормак 2, так как в этих памятниках сохранились только конструкции погребальных камер. В остальных случаях фиксация, проведенная археологами, позволила установить тип захоронения по остаткам полуразрушенных, но оставшихся *in situ* костей скелетов умерших.

Основной тип захоронения представлен положением умерших на спине, с расположением рук вытянуто вдоль туловища. Количество таких захоронений 264, информация зафиксирована по материалам 53 могильников и отсутствует на могильнике Шормак 3 и могильнике 29Б.

К описываемому типу захоронений относятся погребения, в которых положение рук умершего несколько отличалось. Зафиксировано 22 скелета, у которых левая рука была согнута в локте и кисть ее находилась на тазовых костях. Кисть правой руки находилась в области таза в 12 погребениях и в 19 ямах обе руки погребенных были согнуты в локтях и лежали на тазовых костях. В кургане 20 могильника Сарытогай 1 зафиксировано двойное захоронение, в котором кисть левой руки первого погребенного лежала в области таза, а руки второго погребенного были расположены вдоль туловища.

В 9 погребениях выявлены захоронения умерших, находившихся в скорченном положении на левом боку и в 2-х погребениях умершие лежали на правом боку. Зафиксированы парные погребения, в которых положение скелетов различалось тем, что один из них находился на спине, а второй — в скорченном положении. Погребенные были ориентированы в одном направлении (могильник Дехкан, курган 105; могильник Унгур Кора 2, курган 26).

Необходимо также отметить, что зависимости лево- и правосторонней согнутости рук и расположения кистей на тазовых костях от положения скелетов и типов погребений не установлено. Также не установлена взаимозависимость типа погребения и положения погребенного в «позе всадника». Различия в положении позы умерших отмечены во всех типах погребальных сооружений (табл. 1).

Ориентирование погребенных головой на запад зафиксировано в 144 захоронениях и является ведущим. Не менее представительна и ориентировка погребенных на северо-запад, общее количество таких захоронений составляет ПО единиц. Головой на юго-запад умершие ориентированы в 31 погребении. В трех ямах скелеты направлены головой на север и в пяти — на северо-восток (табл. 5).

Различная ориентировка скелетов характерна для всех типов погребений изученных погребальных комплексов Семиречья. Северо-западная ориентировка погребенных в ямах отмечена в могильнике Сарытогай 1. В могильнике Сарытогай 2 курганы 3, 13, 47 содержали захоронения, ориентированные на северо-запад — юго-восток; курганы 46, 62, 59 могильника Сарытогай 3 - на северо-запад, курган 55 — на северо-восток, в кургане 85 — на северо-запад. Погребенные в могильнике Актерек направлены головой на северо-запад.

В могильнике Джуантобе 1 курганы содержали захоронения с ориентировкой скелетов на юго-запад. Отличается ориентировка погребенных и в могильнике Джуантобе 2: в грунтовых ямах курганов 28, 34, 71, 77 погребенные ориентированы головами на юго-запад, а в ямах курганов 13 и 78 — на северо-запад. Скеле-

ты курганов 80, 103 и 105 могильника Дехкан ориентированы на северо-запад, в кургане 15 — на север-северо-запад, а в остальных случаях — восток-запад.

Захоронения в подбоях также не показывают единообразия, например, в подбойном погребении Актерекского комплекса погребенный был ориентирован на северо-запад, курган 131 могильника Дехкан в подбое содержал погребенного, ориентированного на запад. В Куртинском могильнике захороненные были ориентированы тоже на запад.

В могильниках Кадырбай II, III во всех типах захоронений: в подбое, в грунтовой яме, в каменном ящике погребенные ориентированы головами на запад. Северо-западная ориентировка умерших выявлена в погребении в грунтовой яме кургана 19 могильника Кадырбай II, в каменном ящике кургана 21 погребенный был ориентирован головой также на северо-запад.

Погребения могильника Шормак I, в каменном ящике кургана 17 и в обычной яме, показывают ориентировку погребенных головой на юго-запад, в остальных случаях западная ориентировка остается ведущей. В погребении кургана 180 могильника Шормак III погребенный ориентирован головой на северо-запад.

В исследованных автором курганах могильников Кызылауыз, Госпа, Коржайляу, Тасты булак погребенные находились в обычных грунтовых ямах в положении на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, с ориентацией головы на запад.

Северо-западная ориентировка погребенных зафиксирована как в грунтовых погребениях могильника Караша 1, так и в подбоях могильника Караша 2. Памятники, расположенные на склонах хребта Каратау, также не позволяют выявить отличия в ориентации погребенных и их взаимозависимости от типов погребений. В могильниках Узунбулак, Шошкала, Берккара, в изученных погребениях соотношение западной, северо-западной и юго-западной ориентировки погребенных приблизительно равно, но другие памятники этого микрорайона показывают стабильность северо-западной ориентировки (Жетышоко, Кыр Чебакты, могильники около гор Баба Ата, Кенсай).

Устойчивую западную ориентировку погребенных демонстрируют илийские захоронения. В 118 случаях зафиксированы погребения с ориентацией головой на запад, 15 погребений содержали погребенных с северо-западной ориентировкой, в трех погребениях — на северо-восток и лишь в одном случае — на юго-запад. Илийские памятники также не показывают отличительных особенностей в ориентации захоронений и зависимости описываемой формы обряда от типов погребальных конструкций.

Еще несколько дополнительных признаков, характеризующих погребальный обряд населения Семиречья, отчетливо выделяются в памятниках и должны быть описаны в работе. В целом ряде могильников (Сарытогай 2, 3, Мойынтогай 1, 2, Талгарский, Узунбулак, Берккара, могильник 29Б) погребенные были положены на подстилки. Всего выявлено 20 погребений, в которых зафиксированы подстилки под погребенными. В 16 погребениях подстилки были изготовлены из растительного материала, в двух погребениях в качестве подстилок использовалось дерево и в двух случаях на дне ямы была обнаружена подсыпка песком и галькой.

Использование огня в погребально-поминальном ритуале выявлено в 41 погребении, из них следы огня зафиксированы в насыпи дважды, под насыпью, на уровне

древней дневной поверхности — в 9 погребениях; в засыпи могильной ямы -10 раз; на дне ямы обнаружены угольки и скопления золы в 18 погребениях. Охрой были окрашены кости скелета в погребении 2 могильника Кызылауыз, и кусочек охры находился в области грудины, кусочки мела найдены в 6 погребениях.

Сопровождение умерших пищей являлось составной частью погребального ритуала, поэтому находки костей животных в погребальных камерах достаточно часты. Отмеченная исследователями такая характерная деталь, как фиксация в погребальных ямах определенных частей туши животного, показана в работе в количественных показателях. Кости барана в погребениях представлены в основном в виде хвостовых позвонков. В 85 погребениях обнаружена именно эта часть туши животного. Находки костей в сосуде зафиксированы в 21 погребении, рядом с сосудом кости барана были положены в 64 погребениях (табл. 5). Во всех без исключения ямах расположение ритуальной пищи было регламентировано, и она находилась в головах погребенного. Кости лошади в погребениях выявлены в 6 ямах (табл. 5). Отдельные кости лошади обнаружены под насыпью кургана 1 могильника Талгарский. В выкладке 83 и кургане 143 могильника Шошкала кости лошади выявлены в засыпи могильной ямы. В засыпи ямы и на ее дне зафиксированы отдельные кости лошади в оградах 56 и 58 могильника № 2.

В 18 погребениях находились другие кости, в числе которых были ребра и лопаточная часть барана, а также просто неопределенные косточки животных.

На основе проведенного классификационного анализа признаков погребальных сооружений и типов погребений представляется возможным выделить следующие разновидности погребальных конструкций и типов захоронений.

Типы погребальных конструкций:

1. Грунтовые ямы:
 - а) перекрытие из дерева на уровне дневной поверхности;
 - б) перекрытие из дерева, установленное на заплечиках;
 - в) перекрытие типа заставки;
 - г) перекрытие из каменных плит на уровне дневной поверхности.
2. Подбойные погребения:
 - а) перекрытие каменными плитами;
 - б) перекрытие из дерева.
3. Грунтовые ямы с нишами.
4. Ямы с каменным ящиком.
5. Катакомбная форма погребения.

Типы захоронений:

1. Погребенный положен на спину, руки вытянуты вдоль туловища.
2. Погребенный положен на спину, левая рука полусогнута в локте, расположена в области таза.
3. Погребенный положен на спину, правая рука полусогнута в локте, расположена в области таза.
4. Погребенный положен на спину, обе руки полусогнуты в локте, расположены в области таза.

2.2. Погребальный инвентарь. Сосуды, предметы вооружения, ножи, пряжки, предметы женского туалета, подвески

Погребальный инвентарь в захоронениях представлен устойчивым набором вещей, сопровождавших умершего человека. Установлено, что во всех типах погребальных конструкций, вне зависимости от размеров курганов, будь то большие (диаметром 16-30 м) или малые курганы, диаметром 3-4 м, погребальный инвентарь состоит из определенного набора предметов: сосуд, железный нож, ритуальная пища.

Состав вещей в погребениях был несколько разнообразнее в более богатых захоронениях, а также набор инвентаря различался в зависимости от половозрастной принадлежности. Предметы женского туалета (серьги, бусы, кольца, иногда зеркала, булавки) представлены в широком ассортименте. В небольшом количестве были найдены предметы вооружения, всего несколько наконечников стрел и рукоятей от мечей, в одном случае целый меч. Орудия труда: зернотерки, оселки, терочки, пряслица, находимые в погребениях описываемого времени, также немногочисленны.

Различного типа пряжки, изготовленные из бронзы, железа и кости, находились как в мужских, так и женских захоронениях. В единичных случаях в погребениях найдены печати и булавы. Расположение вещей в ямах регламентировано: сосуды, ритуальная пища в виде хвостовых позвонков барана с железным ножом были расположены в головах. В ряде курганов сосуды обнаружены слева от костей левой руки: в кургане 46 могильника Дехкан, в кургане 25 Чиликского могильника и в кургане 41 могильника Джуантобе II.

Посуда из дерева немногочисленна и в основном представлена мисками, зафиксированными в погребениях кургана 25 Чиликского могильника, во втором погребении кургана 25 могильника Караша 1, в кургане 34 могильника Джуантобе 2, в кургане 32 могильника Шормак 1. Сохранность этого типа сосудов очень плохая, исследователи отмечают, в основном, их наличие в погребениях и использование мисок в качестве посуды для мясной пищи. Обычно в них находили кости барана и ножи. С учетом описанного обстоятельства в типологическую характеристику сосудов посуда из дерева не включена.

Сосуды. Общее количество целых керамических сосудов, выявленных в погребениях, изученных на территории Семиречья, — 314 (табл. 6). Типологическое распределение выглядит суммарно примерно одинаково: горшков — 85 шт., кувшинов — 82 шт., мисок — 82 шт. и кружек — 65 шт. (табл. 6).

Количество сосудов в погребениях редко превышает обязательный набор из двух форм посуды: миска, горшок и кувшин; кружка и миска; кружка или же горшок и кувшин. Присутствие такого набора посуды можно объяснить обязательным, установленным традицией, составом сопровождающей умершего ритуальной пищи: жидкая — в емкостях для питья, мясная — в мисках или горшках.

Дополнительное количество сосудов, до 5 штук, было найдено в кургане 25 могильника Сарытогай 3. 4 сосуда находилось в погребениях кургана 18 могиль-

ника Шормак 1. По три сосуда обнаружено в четырех из всех раскопанных и изученных погребений в курганах 14, 81 могильника Сарытогай 1 и в курганах 40, 105 могильника Дехкан.

Типологический анализ форм сосудов позволил выделить четыре основные группы керамики: горшки, кувшины, миски, кружки. Каждая из этих групп сосудов подразделена на отдельные типы, соответствующие форме, параметрам и внешним признакам сосудов.

Горшки. В качестве формовочных масс описываемого типа керамических изделий использовались глина, гранитная дресва, органика. Тесто сосудов плотное, с гладким мелкозернистым изломом. Сосуды изготавливались спиральным налепом на твердом шаблоне и дополнительно поверхность сосуда замывалась, заглаживалась лощилом.

Круглодонные горшки — невысокие, диаметр дна меньше диаметра венчика (табл. 7.1-8). Венчики сосудов прямые (табл. 7.2, 4, 6, 7) или же слегка скошены внутрь горшка (табл. 7.1,3, 5, 8). Этот тип сосуда наиболее представителен и является частой находкой в погребениях описываемого периода.

Плоскодонные горшки, близкие по форме оформления венчика и тулова горшкам круглодонным, отличаются от них лишь оформлением дна (табл. 7.9-11). Горшки плоскодонные с широким устьем и со стенками тулова, слегка скошенными внутрь сосуда (табл. 1.12-14), характерны в основном для погребений, расположенных на территории долины реки Или.

К группе горшков относятся также круглодонные, невысокие сосуды со слегка раздутым туловом и едва намеченной шейкой. Венчики этого типа горшков отогнуты наружу (табл. 7.15-18). Невысокие горшки описанных выше форм, но с характерным элементом — одной сплошной ручкой, прикрепленной на одной из боковых сторон сосуда, найдены во многих погребениях Семиречья (табл. 8.12, 13, 18-22). Близкие по типу горшки, плоскодонные, но с двумя боковыми ручками-выступами выявлены в погребениях могильников Дехкан, Кенсай (табл. 8.8, 9, 17).

Кувшины из погребений описываемых памятников являются типом лепных сосудов, представительность которых аналогична горшкам, т.е. количественно их найдено всего на три штуки меньше. Всего 82 кувшина. В соответствии с формой данного типа сосудов выделяются следующие типы.

Кувшины удлиненных пропорций с высоко выделенной шейкой, вытянутым туловом, с широким устьем, плоскодонные. Этот тип кувшинов более характерен для погребений памятников, расположенных в районе северо-восточного Семиречья (табл. 9.1-4, 7, 8).

Круглодонные кувшины с вытянутым туловом и выделенной шейкой, с широким устьем и венчиком, отогнутым наружу, известны по материалам памятников всего региона (табл. 9.6, 16). В ряду кувшинов выделяется тип круглодонного кувшина с шарообразным туловом с почти прямой или слегка изогнутой невысокой шейкой, более характерной для Илийских погребений (табл. 9.10-14). Такие же сосуды найдены в погребениях Талгарского могильника (табл. 10.10-12) и в кургане 44 могильника Кыр-Чебакты, расположенного у подножий хребта Каратау (табл. 10.4).

Орнаментированные сосуды являются редкой находкой в общей массе семиреченской керамики. Два сосуда из кургана 19 могильника Кадырбай 19 и из кургана 45 могильника Чулак Джигиде 2, орнаментированные треугольниками и точечным заполнением, по форме близки к типу круглодонных кувшинов (табл. 9.17, 18).

В керамической коллекции описываемой группы имеется ряд сосудов с линейным орнаментом. Параллельными поясками, расположенными по всему тулову кувшина, орнаментирован кувшин из кургана 25 могильника Сарытогай 3. Форма этого круглодонного кувшина с широким, шарообразным туловом, высоким прямым горлом и прямо скошенным венчиком является единственным экземпляром такого типа (табл. 10.2).

Орнаментация линейными полосками характерна и для отдельных типов сосудов из погребений Талгарского могильника. Круглодонный, с широким туловом, узкогорлый, с небольшим устьем и отогнутым наружу венчиком кувшин из кургана 4 могильника Талгар также не имеет аналогов в коллекции сосудов из погребений описываемого периода (табл. 10.3).

Такой же вид орнамента украшает стенки двух других кувшинов из погребений могильника Талгар. Высокий кувшин из кургана 6 с невысокой, но отчетливо выделенной шейкой сосуда и отогнутым наружу венчиком, плоскодонный, орнаментирован полосками по тулову (табл. 10.5). Другой кувшин, тоже плоскодонный с высоким раздутым туловом, с носиком-сливом, расположенным ниже устья сосуда, украшен полосками в верхней части и двумя линиями у дна (табл. 10.8).

Группа мисок широко представлена в посуде кочевников Семиречья описываемого времени. Общее количество найденных и археологически зафиксированных сосудов этой группы — 82 шт. Основной тип мисок по форме достаточно прост и легко поддается описанию. Низкие, круглодонные сосуды с широким устьем, со срезанным плоско венчиком, малых, средних и больших размеров (от 15 до 35-40 см в диаметре устья) (табл. 11.1-12).

Миски круглодонные, но с закругленным венчиком, также широко распространены в погребениях памятников Семиречья. В ряду круглодонных сосудов отчетливо выделяется тип мисок с отогнутым наружу краем и выемкой, расположенной ниже венчика (табл. 11.18, 20-24). Данный тип мисок выявлен в памятниках на территории всего Семиречья.

Несколько экземпляров объединены в отдельный тип по способу оформления венчика. Отогнутые наружу венчики таких мисок оформлены небольшим валиком-воротничком. Такого типа миски найдены в насыпи кургана 27 могильника Тасты булак, в кургане 3 могильника Узунбулак. Миски круглодонные, с ребром, разделяющим тулово сосуда, с венчиком, скошенным внутрь, обнаружены в кургане 105 могильника Дехкан и в кургане 18 могильника Кенсай (табл. 12. 13-15). Единичные экземпляры плоскодонных мисок с простым, срезанным прямо, подтреугольным в сечении венчиком найдены в кургане 3 могильника Шошкала, кургане 28 могильника Джуантобе II (табл. 12. 7, 8). Плоскодонные, широкие миски со срезанным краем венчика выявлены в могильной яме из выкладки

83 могильника Шошкала и из погребения кургана 7 могильника Берккара (табл. 12.9, 10).

Миски типа пиал с небольшим поддоном были обнаружены в погребении кургана 69 могильника Сарытогай 3 (табл. 12.4) и в погребении 3 кургана 9 могильника Узунбулак. Отдельные круглодонные миски снабжены ручками овальной формы с насечками на них. Размеры такого типа сосудов соответствуют общим параметрам формы и функционального назначения посуды как емкости для мясной пищи. В погребениях в этих мисках находили кости барана.

Всего выявлено 9 сосудов с овальными ручками, расположенными на боковых стенках, симметрично с обеих сторон, или же по 4 налепа, прикрепленных к противоположным боковым стенкам сосудов (табл. 13.1, 2, 4, 7, 8, 11, 12, 16).

В единственном экземпляре обнаружен сосуд типа чайника с носиком, прикрепленным сбоку, чуть ниже венчика, и петлевидной ручкой, расположенной в противоположной носику, боковине сосуда. Чайник плоскодонный. Под носиком сосуда находится вертикальной формы налип, рассеченный по всей длине насечками. Одна из боковых стен чайника украшена овальным налипком. Этот оригинальный по форме и назначению сосуд происходит из выкладки 135 могильника Шошкала (табл. 13.6).

Среди другой категории сосудов — кружек — выделяются несколько видов. Невысокие, круглодонные кружки с простым оформлением венчиков, высотой 10-15 см, петлевидные ручки у которых прикреплены сбоку, в средней части тулова. Стенки таких кружек слегка раздуты и сужаются к устью (табл. 14.1-3, 5, 6). Большею частью данный тип сосуда обнаружен в илийских погребениях.

Следующий тип круглодонных кружек, высотой до 20 см, отличается более вытянутым туловом и широким устьем, образованным за счет отогнутого наружу, закругленного венчика. Петлевидные ручки таких кружек также прикреплялись к боковине сосуда сбоку, ниже венчика (табл. 14.15, 16; табл. 15.2, 5, 12). Описываемый тип сосудов встречается в погребениях памятников на всей территории Семиречья.

Кружки круглодонные, с плоским оформлением дна, невысокие, с петлевидной ручкой, прикрепленной верхним краем к венчику сосуда, характерны для погребений памятников, расположенных в районе хребта Каратау (табл. 14.17-19, 21-23). Единственная кружка такого типа происходит из могильника Сарытогай 1, курган 12 с территории Восточного Семиречья. Кружка с аналогичной формы ручкой, но с носиком-сливом подтреугольной формы, расположенным на одной линии с венчиком сосуда, была найдена в ограде 32 могильника Кенсай (табл. 14.24). В единственном экземпляре представлена кружка с плоским дном, петлевидной ручкой, прикрепленной ниже венчика, из ограды 13 могильника Кенсай. Особенностью этого сосуда является оформление боковых стенок в форме прямого горлышка, переходящего в тулово резким перегибом и образующего своеобразный уступ (табл. 15.14).

В выкладке 47 могильника Кенсай обнаружена плоскодонная кружка с петлевидной ручкой, прикрепленной ниже венчика. Стенки сосуда прямые.

Форма ее близка современным кружкам (табл. 14. 8). Илийские погребения содержат еще один тип кружек, форма которых позволяет выделить их в отдельный разряд. Высокие (до 30 см высотой), плоскодонные, с простым срезанным венчиком, кружки имеют петлевидные ручки, расположенные в середине боковой стенки сосуда (табл. 15.7-9). Близка к этому типу и другая кружка, но с закругленным дном, с петлевидной ручкой, прикрепленной к боковине сосуда (табл. 15. 6).

Ниже описаны керамические изделия, представленные в памятниках Семиречья в единичных экземплярах и не поддающиеся классификации по группам и типам.

Сосуд типа фляги из кургана 69 могильника Актерек, со слегка уплощенными стенками, с двумя петлевидными ручками, прикрепленными с противоположных сторон, и округлым отогнутым наружу венчиком и отчетливо выраженной горловиной. Плечики сосуда покатые, стенки округлые, дно плоское. Размеры сосуда: высота 24 см, диаметры венчика — 11 см, тулова — 20 см, дна — 14 см (табл. 16.11). К типу фляг, но без боковых ручек, можно отнести и сосуд из выкладки 2 могильника Кенсай (табл. 16. 6). Кувшин с шарообразным туловом, узким горлышком, с закругленным дном и с наlepным валиком с насечками, расположенными в месте перехода к тулову, был найден в кургане 20 Чиликского могильника. Плоскодонный горшок с таким же валиком с насечками обнаружен в кургане 46 этого же могильника (табл. 16.13, 14).

Редким явлением можно считать орнаментацию плоскодонного сосуда из кургана 46 могильника Сарытогай 3 (табл. 16.7). Орнамент представляет собой две параллельные линии, прочерченные у дна сосуда и одну вертикальную с симметрично расположенными вдоль этой полосы точками.

Ваза с высоким поддоном в единственном экземпляре найдена в кургане 56 могильника Шошкала (табл. 16.10). Венчик сосуда закруглен и слегка загнут внутрь. Небольшой плоскодонный горшок с поддоном, прямо срезанным венчиком происходит из кургана 7 могильника Жетышоко (табл. 16. 2). Два шаровидных горшка с закругленными венчиками и дном происходят из курганов 6 и 12 могильника Талгар (табл. 16.4, 5).

Результаты технологического анализа керамики, проведенные Т.М. Тепловодской, помогли установить данные о сырьевом материале, формовочных массах, использовавшихся в качестве специальных отошителей глины. Технологические данные о самой глиняной массе, из которой формовался сосуд, способы обработки поверхности и температурный режим обжига сосудов были получены в результате микроскопического изучения образцов керамики из погребений могильников Семиречья. Образцы керамики были отобраны в фондах Музея Института археологии им. А.Х. Маргулана. В качестве образцов использовались оставшиеся в сохранности сосуды из коллекции САЭ-56 (40 сосудов) и керамика (целые сосуды и фрагменты) из кургана 27 могильника Тасты булак. Для изготовления кувшинов сырьем служила оже-лезненная глина, в качестве формовочных масс для всех типов сосудов древние гончары применяли сходный состав: гранитная дресва, органика, глина.

Кувшины формовались способом лоскутного налёпа на твердом шаблоне. Другим способом изготовления сосудов являлась лепка спиральным налёпом на твердом шаблоне. Донце сосудов выдавливалось из одного комка. Поверхность этого типа сосудов обрабатывалась с помощью следующих приемов: замывка, заглаживание лошилом.

Кувшин (табл. 9. 9) из погребения кургана 69 могильника Актерек по составу сырья и формовочных масс выделяется из этой серии. В качестве сырья для его изготовления использована высокоожелезненная глина, в состав которой, кроме обычных примесей — кварцита, известняка, входили гипс и слюда. Формовочные массы, дополнительно к привычным — гранитной дресве и органике, содержат примеси шамота. Типологически этот кувшин, не отличаясь от группы таких же сосудов: вытянутые пропорции, выделенная плавно профилированная горловина, круглодонность, — отличается эlegантностью формы, строгим соблюдением пропорций, отчетливо выраженным, закругленным венчиком.

Технологические приемы изготовления сосудов других типов очень близки описанным выше. Состав сырья и формовочных масс свидетельствует о том, что для приготовления теста сосудов использовались местные глины с содержанием железа, известняковой слюды, гранитной дресвы. Спиральный, кольцевой, лоскутные налёпы на твердом шаблоне — характерные приемы формовки сосудов. В серии кружек отмечены тканевые прокладки, использовавшиеся на шаблоне, на котором формовался сосуд. Обжиг сосудов производился приблизительно при одном температурном режиме — более 700°С. В серии мисок при той же текстуре теста, при формовке кольцевым ленточным налёпом отмечена дополнительная доводка на гончарном круге.

В целом, основная серия сосудов из погребений имеет общие характеристики: сходство в рецептах, способах формовки, обработке поверхности. Почти все сосуды, за исключением отдельных мисок, лепные. Следовательно, технические приемы производства свидетельствуют о том, что основной состав сосудов был изготовлен из местного сырья, самим населением, оставившим эти памятники.

Взаимовстречаемость различных типов сосудов в погребениях представлена следующими вариантами: в кургане 25 могильника Сарытогай 3 находилось 5 сосудов. Формы этих керамических изделий (кувшин, кружка с петлевидной ручкой, две миски с округлыми стенками и дном, один плоскодонный горшок) практически представляют все основные типы сосудов из исследуемых погребений. В кургане 105 могильника Дехкан три сосуда находились за головой погребенного. Представительность различных форм сосудов в этом погребении не менее интересна: плоскодонная миска с ребром в верхней части сосуда и загнутым внутрь венчиком, миниатюрная плоскодонная чашка с прямыми стенками и кружка с цилиндрическим сливом. Кувшин классической «кочевнической» формы, но с петлевидной ручкой, находился вместе с горшком с ручками-выступами в погребении кургана 46 описанного выше могильника. Миска с выделенным бережком, круглодонная, совместно с круглодонным, архаической формы горшком найдены в кургане 54 могильника

Курты. Миниатюрная чашечка типа «кесе» (пиала) с невысоким поддоном зафиксирована в кургане 68 могильника Сарытогай 3. Поддон, необычное для кочевнической посуды оформление донца сосудов, отмечен и на горшке с петлевидной ручкой из погребения кургана 59 этого же могильника. Сосуды из Чиликского могильника дополняют разнообразие форм керамики: кружек, мисок, горшков. В погребении кургана 20 находился кувшин с раздутым туловом, узкой горловиной и орнаментальной полосой в виде валика с насечками. Этот же мотив орнамента украшал основание горловины горшка из погребения 42 в вышеназванном могильнике.

Классификация керамики по типам позволила составить таблицы встречаемости различных форм в составе одного могильника. В таблицах учтен комплекс информативных данных: погребальное сооружение, обряд, типы сосудов и состав другого инвентаря. Взаимовстречаемость типов сосудов в различных погребениях могильников наглядно демонстрируют таблицы 17-35, представленные в приложении к работе.

Сочетание различных типов керамики в составе одного могильника, внутри одного погребения, является свидетельством хронологической синхронности различных форм сосудов. Подтверждением такого вывода служат результаты перекрестного анализа комплекса данных: погребального обряда, намогильных и могильных конструкций, инвентаря, технологические показатели.

Хронологическая идентификация отдельных форм сосудов проведена с учетом комплекса данных, полученных с каждого исследованного памятника. В погребениях Семиречья в группе кувшинов выделено несколько форм, которые можно соотнести с периодом II в. до н.э. — I в. н.э. Это — круглодонные кувшины с шаровидным туловом, удлиненным горлышком и прямым венчиком (табл. 9.10-14, 16, 22) и кувшины удлиненных пропорций с широким устьем (табл. 9.1-4, 6). К этому же периоду относится группа круглодонных кувшинов, орнаментированных в верхней части тулова треугольными фестонами с точечным заполнением (табл. 9. 17, 18). Круглодонные миниатюрные кружки с петельчатыми ручками, прикрепленными ниже венчика (табл. 14. 2, 3, 5), а также кружки с округлым дном, но более удлиненных пропорций, тоже с петельчатыми ручками (табл. 15. 2, 3, 5) являются характерным типом керамики в погребениях II в. до н.э. — I в. н.э.

Широкое распространение на рубеже нашей эры получили и круглодонные горшки с простым оформлением закраин, иногда с закругленными венчиками (табл. 7.1, 3, 5, 6). В эту же группу входят миски больших, средних и малых размеров (табл. 11. 1-6).

Горшки плоскодонные, с простым оформлением закраин, с округлым туловом (табл. 7. 11) и горшки с перегибом в средней части сосуда также встречаются в погребениях первого периода (табл. 7.12-14).

Среди редких форм, отмеченных в группе более ранней керамики, нужно отметить два сосуда. Первый из них — плоскодонный горшок с имитацией шва на стенке сосуда из кургана 46 могильника Сарытогай 3 (табл. 16. 7), второй — круглодонный высокий кувшин с носиком и петлевидной ручкой из кургана 8 могильника Караша 2 (табл. 10. 9).

Предметы вооружения, ножи, пряжки. Предметы вооружения, найденные в погребениях описываемого времени, немногочисленны. Исследования показывают, что их отсутствие нельзя объяснить как следствие ограбления, так как в погребениях, не подвергшихся разрушениям, оно отсутствовало вообще. Возможно, в традиционной практике регламентации погребального обряда кочевников Жетысу периода рубежа нашей эры, строго соответствующей социальному ранжированию общества, оружием сопровождали погребенного, бывшего при жизни предводителем воинского подразделения или войска. Предположение о соответствии находок социальному рангу погребенного подтверждается фиксацией предметов вооружения в элитных курганах и отсутствием таковых в общей массе исследованных памятников Жетысу в целом, как в мужских погребениях, так и в женских (Досымбаева, 1996, с. 10). В связи с незначительностью предметов вооружения вызывает интерес соотношение описываемой категории инвентаря в погребениях кочевников Жетысу — Семиречья описываемой эпохи и многочисленных сосудов на фоне данных из памятников этого же периода с соседних территорий. К примеру, по результатам исследования памятников Восточного Алтая, авторы отмечают, что «наиболее массовой категорией сопроводительного инвентаря являются предметы вооружения ... и очень редки находки посуды..., известны лишь два металлических котелка с вертикальными боковыми ручками..., деревянный кувшин с боковой ручкой, фрагмент чаши и один керамический сосуд» (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 39).

Перекрестие от кинжала было обнаружено в погребении кургана 23 могильника Шормак I, упоминание о котором сохранилось только в отчете Семиреченской археологической экспедиции 1956 г. (Агеева, 1956).

Мечи в погребальных памятниках Жетысу были обнаружены в двух погребениях. Эфес меча с почти прямым перекрестием и лунообразной формы навершием (навершие серповидной формы) найден в погребении кургана 270 могильника Берккара (табл. 31. 11) (Бабанская, 1956, с. 204).

Мечи описанной формы изготавливались в период, когда в степной полосе Евразии получают распространение памятники прохоровской (сарматской) культуры, что сегодня не вызывает сомнения ни у кого из археологов (Мошкова, 1963, с. 34; Смирнов, 1975; Могильников, 1997, с. 169, рис. 39, 2, 3).

Однолезвийный меч с длиной клинка 80 см, с дуговидным перекрестием и почти прямой рукоятью найден в подбое погребения кургана 56 могильника Курты (Агеева, 1961, рис. 4). Форма навершия не установлена, но верхняя часть рукояти плавно расширена и имеет законченный вид. Меч с длинным узким клинком, однолезвийный, с продольными бороздками на рукояти (табл. 26.10). Такая деталь (продольные бороздки на рукояти), вероятно, сохранилась как архаичный элемент декора оружия со времени эпохи раннего железного века. Подобное оформление рукояти было на одном из мечей из Агалыксайского могильника с Согда (Обельченко, 1978, рис. 1, 2). По мнению исследователя, эта «деталь указывает на генетическую связь этих мечей с железно-бронзовыми акинаками» (Обельченко, 1990, с. 116).

Железные мечи сарматов, близкие по форме оформлений перекрестий, являются двулезвийными мечами и представляют собой типы оружия, характерного для ранней истории сарматов (Смирнов, 1984, рис. 122, 1, 5; 1994, рис.90, 15; 92, 33; 93, 1).

Фрагменты однолезвийного меча длиной 70 см были найдены в комплексе с железными наконечниками стрел в ограде 56 могильника 2 на правом берегу реки Или (табл. 36. 21). Фрагментарность находок не дает полной картины формы оружия и не позволяет реконструировать форму навершия меча. Однако такая характерная деталь, как однолезвийность, позволяет провести некоторые аналогии. Прямые клинки кенкольских мечей «... соответствуют вооружению второй четверти I тыс. н.э., ... наличие в их составе экземпляра со слабоизогнутой рукоятью может свидетельствовать в пользу возможности генезиса сабли на базе совершенствования палаша не только в сармато-аланской среде, но и у ... кочевников Средней Азии» (Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 90-91).

Развитие древней формы меча и эволюция его из двулезвийного в однолезвийный прослежена Н.Я. Мерпертом по материалам из Восточной Европы. По мнению исследователя, «к концу IV в...., специфические военные условия и соответствующие им изменения тактики вызвали, изменения в вооружении восточной группы сармато-аланских племен. Оборонительный доспех становится более легким, вместе с ним применяется и наступательное оружие, в первую очередь, меч... . Новое оружие получает быстрое распространение. Двулезвийность стала излишней. Появились первые однолезвийные полосы, пока еще прямые» (Мерперт, 1955, с. 160).

Со ссылкой на исследователей, раскопавших памятники, в которых найдены однолезвийные мечи, автор называет дату IV-V вв. и отмечает, «что... эволюция формы (сарматского) меча привела к созданию нового, качественно отличного оружия, ...появление которого отражает значительные изменения, происшедшие в этногеографии и культуре степей нашего юго-востока в послегуннский период, значительную роль «общечеловеческого элемента» в материальной культуре этого времени» (Мерперт, 1955, с. 164).

О находках однолезвийных мечей среди погребального инвентаря в погребениях тюркского времени совместно с глиняными, деревянными сосудами, бронзовыми пряжками с подвижным язычком, железных наконечников стрел различной формы и др. упоминает К.А. Акишев (Акишев, 1956, с. 29).

Наконечники стрел в погребениях зафиксированы в единичных экземплярах. По одному они находились в курганах 61, 72, 270, 448 могильника Берккара, в кургане 56 могильника Курты, в кургане 20 могильника Капчагай III. Железные наконечники стрел найдены в ограде 58 могильника 2 (5 шт.), а комплект из 13 наконечников стрел происходит из ограды 56 этого же могильника. В их числе 3 костяных, 23 железных наконечника стрел. В связи с тем, что большая часть из упоминаемых вещей вооружения плохой сохранности и имеется лишь их описание, в таблице приведены только типы стрел, формы которых реконструируются в достаточной степени достоверно (табл. 36. 20).

Костяной наконечник стрелы из погребения кургана 20 могильника Калкан 3, специфической формы, с заостренным концом и вильчатым основанием (табл. 36. 22) является редким типом в группе предметов вооружения. По мнению С.И. Руденко, такие наконечники стрел «употреблялись для охоты на ...зверя» и характерны для культуры хунну (Руденко, 1961, с. 26, рис. 22, е, ж).

Другой, костяной черешковый наконечник стрелы из погребения кургана 56 могильника Курты с треугольным сечением головки, трехлопастной (табл. 26. 9), из этого же погребения, подобен мелким костяным стрелам из Кенкола (Сорокин, 1956, с. 3-14).

В группе железных наконечников стрел выделяются несколько типов. Плоский, двухлопастной, с трехгранным черешком, железный наконечник стрелы из кургана 270 могильника Берккара (табл. 31. 12), по мнению Г.Г. Бабанской, «повторяет прежние бронзовые формы и появляется не ранее III в. до н.э.» (Бабанская, 1956, с. 204, табл. VIII.3).

Ближкие по типу описанному наконечнику из Берккары железные наконечники стрел распространены в степном Приишимье в период со II в. до н.э. — I в. н.э. и продолжают бытовать также во II-IV вв. н.э. (Хабдулина, 1994, табл. 51. II).

Железные черешковые наконечники стрел с плоским подтреугольным оформлением пера, а также стрелы листовидной формы с удлиненным черешком (до 8 см) из погребений курганов 56 и 58 могильника № 2 получают распространение в памятниках Южного Урала и Приуралья в период VII-XIV вв. (Иванов, 1987, рис. 1, 11). Ближайшие аналогии железным, черешковым наконечникам содержатся в тюркских погребениях Восточного Казахстана (Арсланова, 1968, рис. 2,8; 13-15).

Ножи — тип инвентаря, присутствие которого в захоронениях является достаточно частым. Всего зафиксировано 116 ножей. Ввиду того, что сохранность железных ножей очень слабая, зачастую исследователи только фиксируют их наличие и отмечают их местоположение в погребальной яме. В погребениях ножи расположены, как правило, в головах, рядом с сосудами, в сосудах. Авторы, исследователи отмечают факты нахождения этих предметов лежащими на мясной пище или вертикально воткнутыми в кости крестцовых позвонков барана.

Диагностирование описываемого типа инвентаря по признакам, характеризующим форму, а также материал, из которого они изготовлены, позволяет выделить несколько типов. Отдельные формы ножей представлены в единичном экземпляре.

Однолезвийный бронзовый нож с изображением животного на рукояти, из кургана 8 могильника Караша II типологически представляет собой одну из наиболее ранних форм ножей (табл. 37. I. 1). Датировка описываемого типа ножа послужила А.Г. Максимовой основанием для установления даты могильника Караша II периодом VI-V вв. до н.э. и культурной атрибуции его как сакского памятника. Вместе с тем, наличие комплекса признаков, как то: захоронение в подбое, расположение инвентаря в головах, присутствие бус из халцедона, агата, а также железной булавки и

оформление сосуда ручкой в форме «ушка» в этом же погребении (табл. 10, 9), противоречат такой датировке памятника в целом. Безусловно, появление и бытование подобных форм бронзовых ножей с изображением животных на конце рукояти в эпоху раннего железа и соотнесение их со скифо-сакской культурной традицией. (Ильинская, 1976, рис. 1). Однако в случае с погребальным комплексом Караша II бронзовый нож не может служить основанием для датировки всего могильника в целом, в том числе и погребения, в котором описываемый бронзовый нож был найден вместе с железной шпилькой и сосудом с ручкой-ушком. Вероятно, что данный тип ножа сохранился в качестве сакской архаики в культурной среде кочевников более позднего периода.

Бронзовый однолезвийный нож с закругленной формой рукояти происходит из кургана 1 могильника Бешатыр II (табл. 37. I. 4). Форма рукояти ножа, едва заметный уступ в месте перехода к лезвию сближают его с типом кольчатых ножей из памятников Горного Алтая, бытующих в период конца I-го тыс. до н.э., доживая до I в. н.э. (Суразаков, 1989, рис. 4, 7, 8), что допускает их хронологическую синхронность. Формально сходны с ними и ножи с округлой формой рукояти из курганов 4 и 6 могильника Утеген III (табл. 37. I. 2, 3), но они изготовлены уже из железа.

Ножи однолезвийные с треугольным сечением лезвия, с едва заметным уступом в месте соединения с рукоятью, длиной от 10 до 16 см, с шириной лезвия 1,5-2 см, являются наиболее распространенной формой описываемого типа инвентаря в погребениях могильников Жетысу (табл. 37. II. 1-9). Именно этот тип железных ножей характерен для памятников усуней. Хронология данного типа инвентаря устанавливается благодаря комплексу других датирующих вещей, а также соответствием его с типологией, предложенной Б.А. Литвинским. В курганах Ферганы железные ножи с узкой лезвийной частью и прямой спинкой из группы I, отдела I и типа I происходят из памятников II-IV вв. (Литвинский, 1978, с. 10-11, таблица I).

Размеры ножей, их местонахождение на мясной пище свидетельствуют о том, что этот тип инвентаря в погребальном обряде использовался в определенных ритуальных целях. В тюркских оградах Алтая «...обряд сопровождения ритуальной пищей, т.е. задней частью туши овцы, вместе с ножом, положенным на деревянное блюдо, лоток или лист коры, является традиционно тюркским» (Кубарев, 1984, с. 55-56).

Возможно, что первоначальное положение ножей было вертикально вонзенным в регламентированную обрядом часть туши жертвенного животного, так как в литературе описаны случаи фиксации в погребениях ножей именно в таком положении. По истечении времени ножи оказывались на костях, и при раскопках их обнаруживали в таком положении. Вместе с тем, по данным изучения архаической символики погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы, Б.Х. Кармышевой приведена интересная информация, сохранившаяся в тюркской среде (Кармышева, 1986). В качестве жертвенного животного в доме умершего выступает баран. Со слов информатора исследователь записывает: «...а у тюрков, что живут в соседнем Каль-кишлаке, в этот

день режут барана, варят его мясо и подают всем собравшимся» (Кармышева, с. 147). «Для приготовления ритуальной пищи под названием «аталя» использовались части туши барана: печень, почки, сердце, кишки и куски мяса из разных мест». «Посуда, в которой готовили «аталя», затем, опрокинутая вверх дном, оставалась на том месте, где обмывали покойника. Рядом опрокидывали и чашки. Там же в земляной пол втыкали нож, которым резали внутренности и мясо для «аталя», или какой-либо острый предмет (иглу, например)» (Кармышева, с. 152-153). Приведенная выше информация, сохранившаяся в тюркской среде совместно с описанием отдельных сторон погребальных обычаев тюрков, вероятно, таит в себе и смысл традиции обязательного сопровождения ножом погребенного. Возможно, этим ножом, который впоследствии оказывался в составе погребального инвентаря, пользовались для заклятия жертвенного животного, и именно он оказывался затем воткнутым в положенную ритуалом часть мяса, сопровождавшего покойного в потусторонний мир.

Пряжки. Этот вид погребального инвентаря не многочисленен, но выразителен и убедителен как хронологический и этнокультурный индикатор. Выделены несколько типов пряжек, каждый из которых представлен одним или несколькими экземплярами.

7мл /. В каменном ящике кургана 14 могильника Кадырбай II на вертлужных костях лежали две половинки ажурной бронзовой пряжки с изображением борьбы двух животных (табл. 28. 11). Пряжка квадратная, с размерами сторон 3,5 x 3,5 см, близкая по форме к прямоугольным минусинским ажурным поясным пластинам, которые, по мнению А.А. Дэвлет, имеют хуннское происхождение (Дэвлет, 1976, с. 226).

Прямоугольные пряжки Иволгинского могильника со сценой борьбы тигра и дракона с пряжкой из Кадырбая II сближают округлые отверстия, расположенные в нижней части пряжек. Датировка Иволгинского могильника III в. до н.э. — началом н.э. распространяется и на прямоугольные пряжки (Давыдова, 1971, с. 93-105). К тому же обряд погребения могилы 138, из которой происходят две ажурные пряжки (Давыдова, 1971, с. 103), аналогичен погребальному обряду, распространенному на территории Семиречья на рубеже эры, а могильные камеры по устройству идентичны с погребальными конструкциями Талгарского могильника.

В соответствии с классификацией, предложенной М.Г. Мошковой, прямоугольные пряжки с ... изображением животного внутри рамки или ажурные пряжки относятся к 1-му отделу 3-го типа. Они появляются в конце III-IV вв. до н.э. в единичных экземплярах в памятниках прохоровской культуры (Мошкова, 1963, с. 40, табл. 25.17, 20).

Сцена терзания, являясь характерным сюжетом изобразительного искусства эпохи ранних кочевников, в памятниках конца 1-го тыс. до н.э. практически не встречается. На пряжке из Берккары, выполненной из бронзы, также отражена идея борьбы, однако способы передачи изображения иные (Бернштам, 1947, рис. 5). Обе пряжки, найденные в погребениях могильников Кадырбай II и Берккары, объединяет смысловое содержание сюжетов,

общая тематика и функциональное назначение самих предметов. Описываемая общность может служить доказательством единых корней происхождения данного типа инвентаря. В III-IV вв. до н.э. происходит процесс перехода от скифского к сарматскому искусству и стилистически пряжка из Берккары соответствует данному периоду (Бернштам, 1947, с. 11).

Тип 2. Пряжки железные, округлой формы, с подвижным язычком немногочисленны. В описаниях находок они зафиксированы в 22 погребениях. Ввиду плохой сохранности информация о них зачастую содержится только в отчетах. По мнению специалистов, «...железные круглые или прямоугольные пряжки с подвижным язычком в качестве ведущей и единственной формы становятся лишь на рубеже эры и в первых веках нашей эры» (Мошкова, 1963, с. 40, табл. 25.31-33). Этот тип пряжек широко представлен в погребальных памятниках 1-й половины I-го тыс. н.э. в памятниках Южного Казахстана и является наиболее распространенной формой поясной гарнитуры (Максимова, Мерщев и др., 1968, табл. III.7-9; табл. XXI.7; XXXI.6).

Прямоугольные и круглые железные пряжки с подвижным язычком наибольшее распространение получают в тюркскую эпоху и достаточно представительны в памятниках Алтая (Гаврилова, 1965, табл. X. 1; табл. XIV. 1-3, 5, 6; табл. XX.9, 28, 29, 32).

Накладные бляшки, бронзовые, прямоугольные, двойные, с узкой прямоугольной прорезью из погребения кургана 24 могильника Капчагай 3 (табл. 36.17) и являются типичным элементом наборного пояса воина-кочевника степей Евразии в раннем средневековье (Распопова, 1965, 4, рис. 1). Датировке пряжки соответствует и бронзовая подвеска из этого же кургана 24 (табл. 36.19), являющаяся характерным типом инвентаря древнетюркских погребений Алтая (Гаврилова, 1965, табл. 22-26).

Предметы женского туалета, подвески. Находки различных предметов женского туалета в разном наборе зафиксированы во многих погребениях. Наиболее представительны булавки (шпильки), часто находимые в области черепа, под ним. Всего найдено 50 шпилек. Эти вещи достаточно типичны и представляют собой заостренные железные или бронзовые стержни длиной от 6-7 до 27 см, с закругленной головкой (табл. 39.1-6).

Разнообразие типа представлено отдельными экземплярами шпилек, различающимися оформлением головки (табл. 38.7, 9, 13) или оформлением стержней в виде украшения их рифлением (табл. 38.8-10, 12). Распространение описываемого типа инвентаря на всей территории Туркестана (табл. 38.14-19) свидетельствует об единых истоках традиционной культуры региона. Хронологически появление булавок в период рубежа нашей эры и дальнейшее бытование их в первой половине I-го тыс. н.э. обосновывается перекрестным анализом всего комплекса датирующих вещей.

Серьги, в количестве 35 штук, в погребениях Жетысу выявлены в различных по типу погребальных конструкциях. Изготовленные из бронзовой, железной и золотой проволоки серьги представлены несколькими формами. Ведущим типом являются спиралевидные, с замкнутым концом и с маленьким колеч-

ком, припаянным к основанию основного кольца (табл. 40. I. 1-6). Близкой к описанному является форма серег из кургана 26 могильника Шормак I (табл. 33.8). Основное кольцо данного типа серег не имеет спиралевидного окончания, но на нижнем основании его также припаяно колечко (табл. 40.7-9). В погребении кургана древнетюркского времени, раскопанного в окрестностях Алматы, в состав инвентаря входила сережка, аналогичная по форме серьге из могильника Шормак I (Курманкулов, 1980, рис. 3.3).

Спиралевидные серьги в памятниках Тувы получают распространение вместе с зеркалами с небольшой боковой рукояткой в конце скифского периода (Мандельштам, 1996, с. 100).

Вариант спиралевидной серьги, но не с колечком, а со стерженьком в основании кольца был обнаружен в кургане 21 могильника Кадырбай II (табл. 40. I. 13). Последующую эволюцию спиралевидных серег демонстрируют серьги из погребений могильников Берккары (табл. 40. I. 14, 16, 23-25). Распространение подобных типов украшений во II-V вв., по мнению автора раскопок этого памятника, является несомненным (Бабанская, 1956, с. 203, табл. VII. 1-3).

Следующая разновидность серег представлена украшениями из памятников, расположенных в предгорьях Киргизского Алатау. Серьги с дополнительными двойными колечками, камешками, по мнению Максимовой, получают распространение в период I-III вв. н.э. (Максимова, 1975, с. 160, рис. 3, 5, 6, 15).

Серьга из кургана 77 могильника Джуантобе II (табл. 40. I. 17), найденная в памятниках Семиречья в единственном экземпляре, по оформлению стержня, обвитого проволокой, наиболее близка сережке из кургана 410 из Берккары (табл. 40. I. 24). Другой аналогией витых стерженьков является обломок серьги из некрополя Кулана (табл. 36. 6).

Также в единственном экземпляре в погребении кургана 448 могильника Берккара найдена оригинальная бронзовая сережка (табл. 40. I. 25). Датируя этот тип серьги первыми веками н.э., Г.Г. Бабанская отмечает, что «такие серьги... доживают до V-VI вв. н.э.» (Бабанская, 1956, с. 203, табл. VII. 10).

Мода на серьги данного типа, получившие в археологической литературе наименование «салтовские», по мнению Д.А. Сташенкова, была распространена в период конца VII-X вв. Серьги, имеющие форму разомкнутого кольца, в основном округлой или овальной формы, с шариком-отростком на верхней части кольца и с удлиненной привеской, широко бытовали среди кочевого и полуседлого населения Евразии, «являясь неотъемлемой частью единой евразийской моды, входя первоначально в набор воинских предметов-символов» (Сташенков, 1997, с. 61, 62, рис. 1, 7, 8).

Находки бус зафиксированы в 49 погребениях. Как правило, количество украшений этой группы немногочисленно: одна, две бусины или несколько штук. Однако в ряде случаев исследователи отмечают присутствие низки бус, насчитывающих десятки или даже сотни бусин.

Наиболее представительной эта группа украшений была в кургане 3 могильника Сарытогай II — 252 бусины. Более сотни бусин найдено в погребении кургана 56 могильника Шошкала; в погребении ограды 1 могильника

Капчагай 3 находилось 103 мелких бусины, в кургане 1 могильника Утеген 2 — 118, в кургане 5 могильника Кызыл Эспе — 176. Ожерелья из бусин различной формы, изготовленные из пасты, стекла, полудрагоценных камней, иллюстрирует красочная цветная таблица III в работе Г.А. Кушаева. (Кушаев, 1963, табл. III).

Характеристика этого типа украшений в работах исследователей, изучивших тот или иной памятник, описана совместно с составом другого погребального инвентаря. Общая информация о факте нахождения бус в погребениях, отсутствие подробного технологического анализа и других данных, способствующих проведению бусенной типологической классификации, заставляет нас ограничиться лишь общим описанием отдельных форм бус, изготовленных из камня и стекла.

Одной из ведущих форм бус являются глазчатые. В илийских коллекциях глазчатые бусы встречаются в ожерельях по одной или несколько штук совместно с другими формами (Кушаев, 1963, табл. III). В погребении кургана 59 могильника Шошкала глазчатая бусина с глазками-вставками, шестигранная, находилась в центре ожерелья из мелкого бисера (табл. 40. II. 7).

Описываемые формы этого типа бус, с глазками в белых, бело-зеленых ободках, красного, синего цветов (Кушаев, 1963, табл. III.5, 6), изготовленные из стекла, получив распространение в период III-II вв. до н.э., «продолжают существовать на всем протяжении прохоровской культуры» (Мошкова, 1963, с. 44-45). В памятниках Северного Кавказа периода IV-V вв. данный тип украшений сосуществует с различными формами бус из камня, стекла, коралла (Деопик, СА, 1959, 3, с. 57, 64).

Рубчатые бусы из стекла (табл. 40. II. 1, 7, 14), представленные в женских погребениях Жетысу, наиболее многочисленны. Аналогии этим мелким бусам известны по материалам из погребальных памятников Южного Казахстана периода 1-й половины 1-го в. н. э. (Максимова, Мерщиев и др., 1968, табл. VII. 16, 17; табл. XI.4.а, б). Среди украшений позднеантичного Хорезма такие бусы были в составе ожерелья из дворца в Топрак-кале (Трудновская, 1952, табл. I.1, 2). По наблюдениям над технологией изготовления бус джетыасарской культуры, Л.М. Левина пришла к выводу о том, ... «что большинство из них изготовлены из тянутых трубочек и палочек ... и небольшое количество изготовлено индивидуально. Бусы, изготовленные из стекла, сделаны в мастерских с полным технологическим циклом». Анализ технологических приемов изготовления такого типа бус позволил автору заключить, что «такие приемы: индивидуальная навивка, прессование на плоскости, были характерны для византийской школы, складывание которой относится к IV в. н.э., а расцвет — к средневековью» (Левина, 1996, с. 225).

Не менее представительными являются бусы различной формы из полудрагоценных камней, в ожерельях из погребений курганов 29, 130 могильника Сарытогай 2, погребения кургана 34 могильника Джуантобе II (табл. 40. II. 3-5, 86). В составе ожерелий из илийских памятников бусы из сердолика, агата составляют основную группу украшений (Кушаев, 1963, табл. III.3, 5, 6).

Находки бус из сердолика, агата как в мужских, так и в женских погребениях характерны для памятников всего периода, от рубежа нашей эры до позднего средневековья на всем пространстве Центральной Азии. В джетыасарской культуре в числе других нестеклянных бусс доминируют... и сердоликовые (Левина, 1996, с. 224). Результаты комплексного исследования различного типа бусенных коллекций из восточноевропейских памятников, проведенного В.Б. Ковалевской, позволили сделать вывод о том, что «сердолик был одним из самых любимых драгоценных камней раннего средневековья, использованным для изготовления бус. Постепенное количественное увеличение находок бус из сердолика в погребениях, по мнению исследователя, возрастает от периода III-IV вв. (4%), V-VI вв. (12%), VII вв. (56,59%) и в VIII-IX вв. (70,98%)» (Ковалевская, 1998, с.13).

В это же время в одних низках находятся бусы бочонкообразной формы, изготовленные как из стекла, так и каменные. Наряду с однотонными появляются и полосчатые бусы (табл. 40. 9-12). Технология нанесения орнамента на бусы, а также способы сверления отверстий для продевания нитей подробно описаны в работах специалистов, посвященных проблеме изучения украшений (Трудновская, 1952; Деопик, 1959; Ковалевская, 1998, с. 23).

Призматические бусы, получившие распространение в описываемую эпоху, наряду с другими формами, продолжают бытовать в период средневековья. Этой же формы бусы обнаружены в комплектах из кургана 60 могильника Калкан 1, кургана 34 могильника Джуантобе II. В курганах 131 могильника Дехкан и 21 могильника Кадырбай III найдено по одной бусине описываемой формы (табл. 40. П. 2, 3,5). Материалом для изготовления многогранных бус служили стекло, пирит, сердолик, агат, халцедон. В Шаушукумском могильнике такие бусы входили в состав инвентаря катакомб первого типа (Максимова, Мерщиев и др., 1968, табл. XIX. 9в).

Появление бус удлинённых пропорций, призматических, а также изготовление большинства бус шарообразных, гранёных из сердолика по материалам памятников Северного Кавказа определяется периодом IV-V вв. Кроме того, В.Б. Деопик отмечает, что «сердоликовые бусы более широкое распространение получают позднее» (Деопик, 1959, 3, с. 51).

Бочонковидные бусы из кургана 4 Талгарского могильника (табл. 40. II.8), находились в одной низке с глазчатыми, бусиной в форме усеченного конуса и бусиной в форме «клюва птицы» (табл. 40. II. 8, а, б). Редкие типы бус, представленные в единичных экземплярах в комплектах ожерелий Семиречья, иногда находят аналогии в материалах из других памятников. К примеру, каменные бусы в форме «клюва птицы» найдены в кургане 43 могильника Актобе (Максимова, Мерщиев и др., 1968, табл. XI.3в, г). Также в единственном числе такая бусина была в составе ожерелья из Думан-калы в Хорезме (Пташникова, 1952, табл. I.4).

Бусы удлинённых пропорций, бочонковидной формы, призматические, изготовленные из различного материала получают широкое распространение в тюркский период и входят в обязательный набор женского туалета средневековой эпохи (Арсланова, 1968, рис. 162-164; 1969, рис. 1, 4).

Зеркала из бронзы насчитывают всего 4 экземпляра. В соответствии с формой своих ручек зеркала подразделены на два типа. Первый из них обнаружен в погребении кургана 21 могильника Кадырбай III (табл. 41. I. 1). Зеркало с длинной рукояткой, заканчивающейся округлой петлей, в погребении располагалось в середине большой берцовой кости правой ноги. Рядом с зеркалом находилось фигурное украшение и шесть бронзовых колечек (табл. 28.10, 12).

Зеркала с длинной ручкой, но без круглых петель найдены в грунтовых погребениях, перекрытых каменными плитами в Кочкорской долине (Кибиров, 1959, с. 74, рис. 3, 5, 6). В памятниках Горного Алтая этот тип зеркала найден в кургане 10 могильника Катонский, III в. до н.э. — начало II в. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 113-114, рис. 4, 7, 17). Согласно классификации Кузнецовой, подобные зеркала имели место в скифских памятниках IV-III вв. до н.э. (Кузнецова, 1987, с. 40, рис. 4). В джетысарской культуре находки подобных зеркал, выделенных во второй подтип, второго типа, для «периода от последних веков до н.э. по III в. н.э. составляют 20 %, а в захоронениях IV-VI вв. — 80 %» (Левина, 1996, с. 237).

Следующий тип плоских, дисковидных зеркал с короткой боковой ручкой, с отверстием на ней выявлен в погребениях, расположенных в долине реки Или, и представлен тремя экземплярами (табл. 41. I. 3-5) (Кушаев, 1963, табл. I.13, 15).

В курганах Западного Казахстана, Нижнего Поволжья такого типа зеркала находят в период I в. до н.э. — II в. н.э. (Синицын, 1956, табл. XII; Синицын, 1959, с. 134). Встречаясь в составе инвентаря вместе со спиралевидными серьгами, «зеркала с небольшой боковой рукоятью варьирующей формы характерны для сравнительно поздних погребений» (Мандельштам, 1996, с. 100).

Находки браслетов зафиксированы в 2-х погребениях: в кургане 1 могильника Кызылауыз 1, 62 могильника Калкан 1 (табл. 41. П. 1, 2). В усуньских погребениях Киргизии о находках таких браслетов пишет А.К. Кибиров (Кибиров, 1959, рис. 4, 2, 3).

Перстни, кольца, нашивные бляшки, брошь по одному экземпляру найдены в различных по типу погребениях Семиречья (табл. 41. IV, V). Золотые нашивные бляшки из Талгарского могильника (табл. 41. IV. 3-6) стилистически близки вотивным вещам из огузских памятников Западного Казахстана (Иванов, Гаруштович, 1998, с. 586, рис. 2). Датировка отдельных вещей устанавливается благодаря комплексу информативных данных из конкретного памятника.

Уникальным по своему содержанию и форме является кольцо с бинарным изображением птиц из кургана 93 могильника Бетагач (табл. 41. III. 5). Фигурки противостоящих птиц, выполненные в профиль, с опущенными крыльями, на изображении касаются клювами друг друга. Грудинки и хвосты птиц сливаются с ободком кольца. Стиль, манера исполнения и трактовка образов птиц соответствуют канонам культуры средневековых кочевников (Петенева, 1995, 4, с. 51). В целом, датировке могильника Бетагач эпохой средневековья

соответствуют и другие находки из кургана 216. Бочонковидная, полосчатая бусина из халцедона, оселок удлиненно-овальной формы с отверстием для подвешивания, совместно с упомянутым выше кольцом составляют типичный набор инвентаря кочевников тюрков (табл. 20. 4, 7-9).

Булавы, в двух случаях из камня, в одном из железа, найдены в погребениях могильников Шормак I, Актерек, Курты. В кургане 56 могильника Курты, в одном погребении были обнаружены железная булава и однолезвийный меч, о котором упоминалось выше (табл. 26. 10, 11). Комплект инвентаря из кургана 56 не только подтверждает наши предположения о сопровождении оружием представителей высшего воинского сословия в обществе кочевников Жетысу. Однолезвийный меч служит также основанием для определения времени всего комплекса вещей, в число которых входит и железная булава и само захоронение в подбое, периодом первой половины 1-го тыс. н.э.. Круг аналогий другим изделиям из камня представлен в памятниках всей степной полосы Центральной Азии достаточно широко хронологически и территориально. Но такая ценная находка, как гемма из кургана 4 могильника Талгар является не только редкой, но и единственным экземпляром среди других категорий погребального инвентаря в целом. На гемме изображено животное в бегущей позе, с обращенной назад головой и высоко поднятым хвостом (табл. 41.10). Изображения животных в аналогичных позах, с обращенными назад головами или же с подчеркнута высоко поднятыми хвостами известны по геммам из джетысарских памятников (Левина, 1996, рис. 161, 6, 8). По убеждению Л.М. Левиной, «... геммы из джетысарских захоронений датируются в пределах III-IV, IV-V вв. н.э. ... и могли попасть в Восточное Приаралье в результате торговых связей с Ираном еще в III в. н.э.» (Левина, 1996, с. 243). Комплекс других материалов из Талгарского могильника, металлические изделия (табл. 41.3-7), сосуды (табл. 10.3, 5, 7-8, 11-14), так же как и гемма укладываются в пределы периода 1-й пол. 1-го тыс. н.э. Кроме того, мы писали выше, что зооморфный мотив золотых изделий из погребений могильника Талгар стилистически близок вотивным вещам с изображениями птиц из огузских погребений Западного Казахстана. К серии инвентаря, сходного по тематике с материалами из описываемого могильника, можно отнести и кольцо с бинарным изображением птиц из кургана 93 могильника Бетагач, уже упомянутое нами. Следовательно, вероятность достоверной аргументации культурной идентификации погребений кочевников Жетысу периода первой половины 1-го тыс. н.э. с памятниками кочевников тюрков становится еще более очевидной.

Деревянный гребень в единственном экземпляре найден в погребении кургана 48 могильника Джуантобе 1. Аналогичные гребни в женских погребениях джетысарцев «являются обычной находкой в туалетных наборах» и, по мнению Л.И. Левиной, они встречаются «в курганах первых веков нашей эры в Восточном Туркестане (Левина, 1996, с. 228). Необходимо дополнить, что деревянные гребни, найденные именно в погребениях усуней Восточного Туркестана, в качестве иллюстрации воспроизведены в типологической таблице данного исследования (табл. 41.V. 7).

ГЛАВА III. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЖЕТЫСУ

Материалы погребальных комплексов, исследуемых в данной работе, послужили основой хронологии памятников и выделения двух периодов развития в общей схеме периодизации древней культуры населения региона.

В периодизации памятников учитывался весь комплекс признаков, выявленных при изучении погребального обряда: расположение могильника, погребальное сооружение, погребение, положение погребенного; место и состав инвентаря в погребении, категории инвентаря.

Учитывая сложность датирования всего погребального комплекса (могильника) в целом, так как в состав огромных могильных полей входили разновременные курганы, хронологические построения даются по отдельным памятникам, периоды бытования которых определены с достаточной убедительностью по категориям инвентаря.

3.1. Памятники II в. до н.э. — I в. н.э.

Среди общего количества раскопанных САЭ-56, под руководством К. А. Акишева и других археологических экспедиций, а также памятников, изученных в последующие годы, к погребальным комплексам II в. до н.э. — I в. н.э. относятся курганы 14, 19, 21 могильника Кадырбай III; курган 24 могильника Кадырбай II; курганы 53, 57 могильника Курты; курганы 23, 26, 32 могильника Шормак I. В могильнике Берккара к группе памятников этого периода отнесены курганы 62 и 270 с характерным набором инвентаря (бронзовая пряжка в первом, предметы вооружения во втором).

Среди памятников, расположенных в долине реки Или, к указанному периоду относятся курганы с захоронениями в деревянных конструкциях (курганы 21, 23 в могильнике Унгур Кора 1). Погребения с деревянными конструкциями внутри ямы, представляющими собой поперечные перекрытия, покоящиеся на вертикальных столбах (курган 23 могильника Кызылауыз 3), также получают распространение в период конца I-го тыс. до н.э. (Кубарев, 1987, с. 13).

Захоронения в каменном ящике в кургане 89 могильника Кызыл-Эспе, в кургане 2 могильника Кызылсай являются еще одной формой подкурганной погребальной конструкции, характерной для памятников Жетысу этой эпохи.

К памятникам описываемого периода относятся также захоронения с перекрытиями, поставленными в наклонном положении от северной стены к южной (курган 55 могильника Чулак Джигиде 1) (Кушаев, 1963, рис. 40).

Подбойные погребения в памятниках долины реки Или распространены в это время наряду с описанными выше типами погребальных камер (курганы 37, 67 могильника Калкан 1).

Керамика из различных типов конструкций, получивших распространение в этот период, демонстрирует типологическое единообразие. Сходство ведущих форм круглодонных кувшинов вытянутых пропорций с таковыми из других памятников Жетысу показано на рисунках таблицы 9 (табл. 9. 1-6, 10). Группой круглодонных кувшинов с вытянутой и отогнутой шейкой, с шарообразным туловом илийские погребальные комплексы отличаются от аналогичных, из других микрорайонов Семиречья (табл. 9. 19-16, 22).

Шарообразность тулова кувшинов, как характерную особенность формы сосудов периода III-I вв. до н.э., выделяет по памятникам Западной Сибири В.А. Могильников (Могильников, 1997, с. 32). Эта же форма характерна для посуды прохоровской культуры (Мошкова, 1974, с. 45).

В комплекте керамического набора совместно с кувшинами описанной формы, как правило, встречаются миски с округлой формой дна, с прямым оформлением края сосуда (табл. 11.1- 5, 17), кружки с петлевидными ручками с таким же округлым оформлением донца (табл. 14.3, 5, 6).

Находки бронзовых и железных ножей с округлым оформлением рукояти, дисковидных зеркал с короткой ручкой и спиралевидных серег совместно с сосудами описанных выше типов не противоречат датировке их периодом со II в. до н.э. — I в. н.э.

Формально-типологический анализ инвентаря из илийских погребений в комплексе с данными по всем диагностирующим время признакам позволяет соотнести эти памятники с кругом сако-сарматских памятников рубежа эры — начала I тыс. н.э.

К группе памятников II в. до н.э.—I в. н.э. относятся несколько погребальных конструкций могильника Кадырбай III, расположенного в 26-27 км от станции Сарыозек по дороге на Талдыкорган. Могильник представлял собой две группы курганов: северную, состоящую из нескольких неправильных цепочек, и южную, образованную из компактно расположенных, без особого плана, насыпей. Последние сложены из земли с камнем, по периметру основания курганов находятся кольцевые выкладки из камней, а в центре — куча камней. В южной группе раскопано 6 курганов. Курган 14 — диаметром 3 м, высотой 0,18 м. В грунтовой яме, на глубине 0,46 м находился каменный ящик размером 2,8 м х 0,65 м х 0,55 м. До уровня ящика яма была заполнена камнями. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой ориентирован на запад. За головой погребенного, справа стоял сосуд типа кружки с округлым дном. Около правого плеча лежали кости барана, железный плоский нож, на вертлужных костях обнаружены две половинки ажурной бронзовой пряжки с изображением борьбы двух животных; около костей таза — поделка из бронзы (застежка от пряжки) (табл. 28.11) (Агеева, 1959, с. 83, рис. 2.14).

В кургане 19 (диаметр 6 м, высота 0,27 м) захоронение совершено в подбое, находившемся в северной стене. Вход в подбой был закрыт каменными плитами. Могильная яма была заполнена крупными камнями. Погребенный находился в положении на спине, головой ориентирован на запад. В западном углу подбоя, за головой стоял сосуд с костями барана, находившимися внут-

ри. Сосуд представлял собой грушевидной формы кувшин с округлым дном. Горловина кувшина орнаментирована рядом треугольников с точечным заполнением внутреннего пространства. Треугольники обращены вершинками вверх (табл. 28.10) (Агеева, 1959, рис. 2.2).

В кургане 21 (диаметр 8 м, высота 0,23 м) захоронение совершено в каменном ящике, заполненном крупными камнями. Погребенный находился в нем в положении на спине, головой ориентирован на север — северо-запад. Левая рука была слегка согнута в локте. Инвентарь погребения представлен следующим набором: сосуд кувшинообразный, с округлым дном стоял в северо-западном углу, рядом, справа, выше головы, лежали хвостовые позвонки барана и плоский железный нож. Около левого плеча находилась каменная терка. В середине большой берцовой кости найдено бронзовое зеркало с длинной рукояткой, заканчивающейся округлой петлей, выше — фигурное украшение из бронзы, шесть бронзовых колечек. В области шейных позвонков — шестигранные стеклянные бусы, халцедоновые и цилиндрические пастовые, под черепом — серебряная спиралевидная серьга (табл. 28, рис. 10, 12) (Агеева, 1959, с. 83, рис. 2-13).

Могильник Кадырбай II состоял также из двух групп курганов: северо-восточной, насчитывающей 13 бессистемно разбросанных курганов, и юго-восточной из 28 курганов, идущих неправильной цепочкой с юго-запада на северо-восток. Земляные насыпи содержали камни и по полам имели кольцо из камней, а в центре овальную или прямоугольную выкладку. В юго-восточной группе было раскопано 5 курганов. Курган 24 — диаметром 6 м, высотой 0,36 м. Погребенный находился в положении на спине, ориентирован с востока на запад. В западном конце ямы стоял кувшин с высокой горловиной и округлым дном (табл. 27. 5) (Агеева, 1959, с. 83, рис. 2.1).

Описанные выше погребальные конструкции, обряд захоронения и погребальный инвентарь вписываются в общую схему развития культур «второго периода эпохи ранних кочевников... III в. до н.э. — I в. н.э.» (Черников, 1975, с. 135).

Наибольшее сходство с обрядом погребения курганов могильника Кадырбай III демонстрируют памятники кара-кобинской группы Горного Алтая, кулажургинского типа из Восточного Казахстана, содержащие подкурганские захоронения в каменных ящиках (Суразаков, 1988; Самашев, 1987). Однако «каменные ящики кара-кобинцев содержали ... костяки на правом боку, с подогнутыми ногами, головой ориентированные на восток, с небольшими отклонениями». Западная ориентировка встречается реже. Автор отмечает, что положение погребенных в ящиках, на спине, характерно для поздних памятников (Суразаков, 1988, с. 126). В аналогичных конструкциях из Восточного Казахстана «ящики составлены в основном из четырех плит, перекрытых двумя или несколькими плитами. Погребенные имели восточную ориентировку, ...с остатками заупокойной пищи в виде крестца барана» (могильник Джаргас). По мнению автора, наборы инвентаря, положение вещей в ящиках близки к усуньским из Семиречья (Самашев, 1987, с. 111). С. Черников, от-

мечая сходство погребального обряда кулажургинцев с усуньскими из Семиречья, «погребения с западной ориентировкой, с преобладанием грунтовых ям, отсутствием лошадей и бедным инвентарем», датирует II в. до н.э. — I в. н.э. (Черников, 1975, с. 135).

Захоронение в подбое кургана 19 могильника Кадырбай II аналогично погребению 45 могильника 17, изученного на правом берегу Или, с единственным различием: в последнем подбой содержал два скелета (Акишев, 1956, с. 15, рис. 11). Датировка этого памятника II в. до н.э. — I в. н.э. соответствует действительности. Правда, Кушаев в свою классификацию усуньских погребальных комплексов внес поправку и отнес его дату ко времени II-III вв. н.э. (Кушаев, 1963, с. 211-212). Дело в том, что подбои с характерным типом погребения, соответствующим обрядом и составом инвентаря в среднеазиатско-казахстанском регионе характеризуют культуру древнего населения именно в период со II в. до н.э. (Обельченко, 1992, с. 132). Надо дополнить, что кувшин из анализируемого погребения идентичен сосуду из погребения кургана 46 могильника Чулак Джигиде I (Акишев, 1956, табл. 24.A). Орнамент в виде треугольников, опущенных вершинами вниз, с точечным заполнением пространства фигур, расположен в обоих случаях на шейке сосуда. Сосуды описываемой формы являются характерным типом керамики в памятниках чумышско-ишинской группы Горного Алтая. Время бытования их — III-II вв. до н.э. — определено в соответствии с комплектом вооружения и другого инвентаря, характерного для этой группы. Предложенная датировка в сторону омоложения памятника обоснована следующим: кольчатые однолезвийные ножи из могильника Бийск II с территории Горного Алтая в памятниках Семиречья в этот период не имеют места. Со II в. до н.э. появляется другая форма ножей, тоже однолезвийных, железных, со слабо выраженным уступом, но без кольцевых наверший. Кроме того, комплекс инвентаря, сопутствующий погребениям Семиречья в период со II в. до н.э. по I в. н.э., меняется как по количественному составу, так и типологически.

Могильник Шормак I, отдельные погребальные конструкции которого выделены в качестве памятников, характеризующих описываемый период, расположен в урочище Шормак в 8 км от пос. Конуролен, по обе стороны дороги, ведущей в пос. Коктал, у подножия горы Атыжок. Могильник состоял из 81 насыпи, идущей неправильными цепочками с северо-запада на юго-восток. Все курганы на поверхности обозначены кольцом из камней, проходящим по его полам. В центре курганов сооружены овальные и круглые выкладки. Всего раскопано 7 курганов. Курганы 23 и 32 содержали погребения-подбои; в кургане 23 подбой был перекрыт поперек деревянными плахами, в кургане 32 — каменными плитами, но в обоих случаях подбой сооружены в северных стенах ям. Сами ямы заполнены крупными камнями. Приступки сооружены вдоль южных стен ям. Погребенный в кургане 23 ориентирован на северо-запад, в кургане 32 — на запад, в обоих случаях скелеты находились в положении на спине (табл. 33.1-3).

Погребальный инвентарь из погребений II в. до н.э. — I в. н.э. представлен круглодонными кувшинами округлой формы с выделенной шейкой и

раструбообразным горлом, иногда орнаментированными треугольными фестонами (табл. 9. 10, 17; табл. 28. 9; табл. 33. 9), кружками с петлевидными ручками (табл. 17. 6, 7; табл. 33. 10, 11). Формы мисок и горшков так же, с округлым дном и простым оформлением венчиков. Металлические изделия представлены бронзовым зеркалом с ручкой, оканчивающейся округлой петлей (табл. 28. 10), прямоугольной пряжкой со сценой терзания (табл. 28. 11). Незначительное количество предметов вооружения: эфес меча, духлопастной наконечник стрелы из кургана 270 могильника Берккара, пряжка со сценой терзания из этого же могильника, а также костяной наконечник стрелы из кургана 20 могильника Калкан 3 дополняют информацию о хронологии памятников Жетысу указанного выше периода. К украшениям, получившим распространение в памятниках II в. до н.э. — I в. н.э., относятся глазчатые бусы и бисер, шпильки с шаровидной головкой и спиралевидные серьги с дополнительным колечком, изготовленные из бронзы, золота.

3.2. Погребальные памятники II-V вв. н.э.

Культура кочевников в период II-V вв. н.э. представлена на территории Жетысу (Семиречья) памятниками, основные характеристики которых соответствуют признакам памятников предшествующего периода. Соответствие основных черт памятников указывает на дальнейшее развитие кочевой культуры. И если в период II в. до н.э. — I в. н.э. появление погребений в подбоях, каменных ящиках, в деревянных срубках с инвентарем, маркирующим время, является фактом становления нового историко-культурного комплекса, то сохранение этих же типов погребальных конструкций, но с инвентарем, датирующимся I-II; II-V вв. н.э., свидетельствует о фактах формирования и развития традиционных черт в культуре древнего населения Семиречья 1-й половины 1-го тыс. н.э. По данным исследователей, на территории Саяно-Алтая захоронения в каменных ящиках, изученные на могильнике Кок-Паш, маркируют культуру населения региона раннетюркского времени (Бобров и др. 2003, с. 17,30).

В качестве иллюстрации описанного выше предположения можно привести целый ряд примеров, подтверждающих достоверность данного тезиса. В кургане 42 Чиликского могильника выявлено погребение в каменном ящике (табл. 22. 2). Сосуд из погребения датируется II-IV вв. н.э. Захоронение в яме кургана 46 этого же могильника было перекрыто деревянными плашками, поставленными наклонно («заставка»). Кувшин из этого погребения, со специфическим валиком-жгутом, с насечками, нанесенными на валик, относится к периоду бытования таких форм сосудов в 1-й половине 1-го тыс. н.э. и в средневековье (табл. 22. 3, 5).

В погребении кургана 56 могильника Курты, совершенном в подбое, вещи, сопровождавшие умершего, однолезвийный меч, совместно с костяным трехперым наконечником стрелы и булавой, без всякого сомнения, можно отнес-

ти к предметам, распространенным в рассматриваемый период (табл. 26.4-5, 9-11).

II-IV веками датируются подбойные захоронения курганов 67, 72 могильника Утеген II, в которых находились сосуды с ручками-уступами (табл. 8.21, 22), обнаруженные совместно с сердоликовыми бусами (Кушаев, 1963, табл. VII. 10, 11).

Этим же периодом убедительно датируются захоронения в грунтовых ямах в курганах 4, 28 могильника Унгур Кора 1 и 2; курган 11 могильника Бесшатыр 2, расположенные на территории долины реки Или, благодаря находкам в них плоскодонного кувшина, орнаментированного по тулову параллельными рядами горизонтальных полос, и ожерелий бус из полудрагоценных камней и стекла (табл. 10.6); (Кушаев, 1963, табл. III.3, 5, 6).

Последующее, последовательное развитие культуры кочевников Семиречья в первой половине первого тысячелетия иллюстрируется конструкциями Талгарского могильника. Обкладка стен погребальной камеры камнем и сооружение деревянных срубов в яме, сосуды, орнаментированные рядами горизонтальных полос, бочонковидные бусы из стекла, различные по форме золотые накладные бляшки и находка геммы позволяют отнести их ко времени 1-й половины 1-го тыс. н.э. (табл. 10.3, 5, 7, 8, 11-14; табл. 40. 8, 14-17; табл. 41. 3-7, 9, 10) (Максимова, 1980, с. 114-122).

Однако, кроме сквозных типов погребений, описанных выше и характерных как для периода II в. до н.э. — I в. н.э., так и для II-V вв. н.э., на территории Семиречья в рассматриваемой в данном исследовании эпохе появляются памятники с захоронениями другого типа. Анализ признаков, диагностирующих этот тип погребений, показывает их культурную идентичность с погребальными памятниками с территории Восточного Туркестана. Материалы памятников усуней из Восточного Туркестана, открытые и изученные за период 1979-1989 гг. позволяют идентифицировать памятники усуней Жетысу с достаточной достоверностью (Historic relics of Xinjiang, 1993, 4, p. 1-14; 1994, 2, p. 1-21). Необходимо отметить, что в составе погребального инвентаря восточно-туркестанских памятников усуней находились предметы, датирующиеся эпохой раннего железа. Памятники усуней Жетысу, аналогичные восточно-туркестанским по всем данным, диагностирующим тип погребального памятника и обряд, отличаются по инвентарю, датировка которого укладывается в период 1-й пол. 1-го тыс. н.э.

Грунтовые, овальные в плане, погребения могильников Сарытогай 1-3, Джуантобе 1, 2, Дехкан, Актерек, Бетагач, Кенсай, Берккара, Кызылауыз, Тоспа наглядно демонстрируют культуру усуней на территории Жетысу (таблицы 17-21, 23, 29-32). Могильные ямы в курганах усуней на уровне древней дневной поверхности отмечены выкладками из камней и заполнены камнями. Отличительной особенностью этого типа погребальных камер является удлиненно-овальная форма ямы, которая перекрыта деревом на уровне древней дневной поверхности; деревом, установленным на заплечиках, сооруженных вдоль длинных стен внутри ямы или перекрытых каменными плитами. Одним из определяющих признаков можно считать

наличие подстилок под погребенными людьми. Обряд захоронения сходен с погребальным обрядом, распространенным в описываемую эпоху. Умершего укладывали на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, ориентируя головой на запад или северо-запад.

Группа керамики, которую можно соотнести с периодом II-V вв. н.э., выделяется более отчетливо. Вопросы периода возникновения различных форм посуды рассмотрены в работе в комплексе с материалами из памятников оседло-земледельческого круга с территории Южного Казахстана. Керамика из погребений Жетысу, отдельные ее типы: кружки с петлевидными ручками, плоскодонные, круглодонные миски с закругленными венчиками, кувшин с горизонтальной орнаментацией, полосами, которые нанесены по тулову сосудов, овальные налепы на стенках горшков, находят ближайшие аналогии в ранней керамике бассейна р. Арысь Отрарского оазиса, III-V вв., IV-VI вв. н.э. (Байпаков, Подушкин, 1989, табл. 4, 5).

Формы кружек из городища Актобе II, оформление кувшинов ручками-ушками, овальных налепов (ложных ручек) чашек насечками, типологически наиболее близки семиреченской посуде из захоронений усуней (Максимова, Мерщиев и др., рис. 24, 25). Материалы могильников Актобе, Шаушукумский также показывают сходство отдельных типов и деталей сосудов (Максимова, Мерщиев и др., табл. X.1.4; табл. XII.5; табл. XIV.1).

Джетыясарская керамика этапа Джетыясар I демонстрирует сходство со следующими типами семиреченской посуды: горшки с округлыми стенками, кружки с петлевидными ручками, миски с закругленным плоским дном, чаши (Левина, 1971, рис. 15, 76-79; 103-106; 120-142). Керамика Каунчи I представляет точные копии высоких кружек; способ оформления ручек сосудов так называемыми «ушками» на горшках каунчинской керамики, изгибов на верхней части плоскодонных мисок позволяет использовать их не только в качестве ближайших аналогий, но и высказать предположение об уже устоявшихся единых традициях гончарства в период 1-й половины 1-го тыс. нашей эры (Левина, указ. работа, рис. 59, 8-14; 91-87; 116-117; 120; 123).

Керамика из курганных могильников Ферганы не только сходна с семиреченской посудой, но имеет самые близкие параллели. Миниатюрные кружки с петлевидными ручками, прикрепленными к венчику сосуда, кружки с ручками-выступами, чаши с поддоном, высокие кружки аналогичны формам из могильников Семиречья (Литвинский, 1973, табл. 1; табл. 2.1-4. 13, 16, 14, 19, 20, 22; табл. 9.1-6; табл. 8.9-10; табл. 10.25-33).

Облик керамической продукции памятников юго-западных предгорий Ферганы становится наиболее близким к кочевническим формам в период с середины 1-го тыс. н.э. до V-VII вв. Сосуды с поддоном, миски с конусовидными выступами и овальными налепами, имитирующими бараны рога, кувшинчики с широким горлом, кувшины с цилиндрическим носиком, украшения сосудов прочерченным линейным орнаментом показывают единство и сходство керамических производств этого времени (Брыкина, 1982, с. 57-58).

Различия между семиреченскими и ферганскими керамическими изделиями состоят в составе сырья и способах формовки сосудов. Время существования основной массы ферганской посуды определяется II-IV вв., с существенными дополнениями, что некоторые типы в мало измененном виде существовали и позже (Литвинский, 1973, с. 165).

Круг аналогий с материалами из памятников оседло-земледельческого круга Казахстана и Средней Азии имеют только определенные типы сосудов: кружки, горшки, миски и некоторые формы кувшинов. Посуда кочевническая (круглодонные кувшины, плавно профилированные, миски, чашки с округлыми стенками без выраженного венчика, горшки также характерной формы) в этом круге памятников не встречается. Датировка такого типа сосудов облегчается взаимовстречаемостью различных форм, найденных в составе керамических коллекций из одного погребения.

Типологический анализ керамики из погребений памятников Семиречья послужил для Е. Агеевой основанием для вывода о том, что в «I-III вв. н.э. одновременно с посудой предшествующего времени появляются отдельные образцы, сделанные на гончарном круге. Широко бытуют небольшие кувшинчики-кубки с петлеобразной ручкой в верхней части тулова, овальные волнистые налепы на круглодонных мисках. Эта посуда широко представлена в керамике тюркского времени» (Агеева, 1961, с. 35). На территории Северной Киргизии «в одном из усуньских курганов Кочкорской долины находилась чаша с округлым дном, с подковообразным налепом с косыми насечками по нему, характерная для тюркского времени» (Кибиров, 1957, с. 81-88; Кибиров, 1959, рис. 3.3; табл. 13.3).

Круг аналогий описываемого типа керамики подтверждает бытование специфичной формы сосуда в период 1-й пол. 1-го тыс. нашей эры и в древнетюркскую эпоху (Досымбаева, 1999, 3). Подтверждением того, что отдельные формы сосудов из погребений второго периода находят свое воплощение в посуде тюрков, является изображение круглодонной чашечки в руках древнетюркского изваяния из могильника Коржайляу (табл. 36. 1). Подкурганное захоронение в этом могильнике, погребальный обряд и инвентарь были типично усуньскими (табл. 29. 1, 2).

Изображения сосудов на каменных изваяниях Алтая, Саяно-Алтая демонстрируют разнообразие форм керамики тюркской кочевнической среды, в числе которых встречаются и аналоги сосудам из погребений Семиречья (Евтюхова, 1952, рис. 63; Кубарев, 1984). Сосуды из семиреченских погребальных комплексов имеют прямые аналогии во втором, третьем, четвертом и шестом типах сосудов, представленных в типологической таблице В.Д. Кубарева (Кубарев, с. 32-36, рис. 6).

Исследования орнаментальных узоров на керамических сосудах из памятников Семиречья и Средней Азии VI-IX вв. помогли Т.Н. Сениговой установить, что «наиболее простым мотивом узора являются овальные и круглые ямки, чередующиеся с насечками, наносившиеся по краям или основанию ручки котлов». Подобное оформление сосудов было «свидетельством глубоких традиционных связей орнаментального искусства Тараза с искусством кочевого мира местных племен» (Сенигова, 1974, с. 21-27).

Сосуды с ручками в виде круглых налепов характерны для нижнего слоя Пянджикента и встречены «в слоях III-VI вв.» (Распопова, 1960, с. 143).

Результаты формально-типологического, технологического анализа образцов керамики из изученных погребений кочевников Жетысу показывают бытование отдельных типов керамики в хронологической шкале первой половины 1-го тыс. н.э. и в период с VI в. как в культуре тюрков-кочевников, так и в среде оседлого населения.

Вместе с тем, грунтовыми погребениям соответствует специфическая форма сосудов, которую необходимо описать подробнее. В ряде погребений правобережья реки Или, в курганах могильников Дехкан, Кадырбай, Кенсай, в погребениях могильников с территории Северного Кыргызстана в описываемый период получают распространение сосуды типа горшков с двумя ручками или одной ручкой, прикрепленной к боковине сосудов (табл. 8. 8-24). Ручки сосудов представляют собой сплошные выступы и получили в археологической литературе наименование «ушек». Датировка сосудов описываемого типа II-IV веками обоснована Б.А. Литвинским по материалам памятников Западной Ферганы (Литвинский, 1973, таблицы 1, 2, 9, 10). Наиболее близкое культурное соответствие этой форме горшков известно в керамической коллекции могильников Субаши I, III из Восточного Туркестана (табл. 8. 1-7, 14) (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4, p. 1-14; 1994, 2, p. 1-21).

Кроме описанной формы, сходство типов сосудов из захоронений Семиречья и восточно-туркестанских показывают кружки с петлевидными ручками (табл. 14. 9, 10; табл. 15. 1) и небольшие чашки с поддоном типа «кесе» (табл. 12.5).

Железные ножи, зеркала, шпильки, гребни, подвески из погребений памятников Восточного Туркестана сходны и составляют единый ряд с аналогичными предметами из могильников Семиречья (табл. 37. II. 1-9; таблица 38. 1-3, 14-17; 39. 6-8; 41. V. 6-8).

Погребальные конструкции, обряд, инвентарь могильников Тимулиг, Халатубай, Сутунбулак (расположен в 60 км к югу от Чабучаха, у подножия горы Усунь) почти до деталей сходны с памятниками, получившими распространение в Жетысу (Семиречье) во II-V вв. Хронологическая принадлежность восточно-туркестанских усуньских комплексов ханьскому периоду определена авторами, благодаря находкам двулезвийного железного меча (могильник Халатубай), сосудам и витым серьгам (могильник Сутунбулак), зеркалам, сосудам (могильник Тимулиг). Культурное атрибутирование описанных комплексов как кочевнических, а этнически, как памятников, принадлежащих древним усуням, по мнению исследователей, не вызывает сомнений.

ГЛАВА IV. ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА В ПЕРИОД II В. ДО Н.Э. - V В.Н.Э.

Характерной особенностью исторического процесса на территории Центральной Азии, начиная с последних веков I-го тыс. до н.э., является изменение облика и содержания культурного комплекса кочевников, что в свою очередь нашло отражение и в культуре населения Жетысу.

Во II в. до н.э. — I в. н.э., в течение всего первого периода погребальные памятники Жетысу (Семиречья) показывают сходство с погребальными комплексами практически всей степной полосы Центральной Азии. Культурный комплекс памятников обнаруживает сходство по всем основным признакам: погребальные сооружения, обряд, типы сосудов, украшения, вооружение. И это не случайно — кочевой мир в этот период переживает процесс разложения родового строя. Именно это время характеризуется разделением труда, увеличением производства в скотоводстве, скот приобретает функцию денег. Стадо из общего владения переходит в собственность глав отдельных семей. Письменные источники свидетельствуют: за китайскую принцессу надо было внести дары в определенном количестве скота, а Гуньмо Цылими не велел пасти скот на его пастбищах, и что богатые члены общества усуней имели до 4000-5000 голов скота. «С приобретением стад и прочих новых богатств, в семье произошла революция..., вводится отцовское право», что в конечном итоге ведет к распаду родового строя (Ф. Энгельс, 1985, с. 225-370). Характеристика периода «эпохой железного меча», как нельзя лучше отражает суть исторического процесса. Общественный переворот, в результате которого родовой строй изживает себя, во многом объясняет подвижность населения, которую археологи наблюдают по материалам погребальных комплексов конца I-го тыс. н.э. «Если члены одного рода или племени жили ранее на одной территории», то «это давно прекратилось. Повсюду были перемешаны роды и племена... Члены родовых объединений не могли уже собираться для рассмотрения своих общих дел; кое-как улаживались еще только незначительные дела, такие, как проведение религиозных празднеств» (Энгельс, 1985, с. 360). Последнее обстоятельство подтверждают строки из письменных источников с упоминанием о том, что усуньский гуньмо перестал приезжать на ежегодные праздники объезда леса, проводившиеся шаньюем сюнну.

Классическим подтверждением процесса распада родового строя с характерной перемешанностью родов и племен служат погребальные памятники этой эпохи. Памятники Жетысу не являются исключением. Материалы из погребений показывают их сходство с памятниками всего кочевого мира Евразии. Естественно, что в каждом отдельном регионе традиционные местные элементы накладывали отпечаток на характер культуры. На Алтае получают распространение памятники гунно-сарматского типа, северо-западная тер-

ритория распространения аналогичных комплексов носит черты савромато-сарматской культуры, а на земле Жетысу в этот период идет становление сако-сарматского круга памятников (Кадырбай II, Берккара, Караша II, Тасты булак и целый ряд илийских комплексов).

Возможно, что памятники первого периода II в. до н.э. — I в. н.э. являются отражением процесса, о котором шла речь выше. Более того, пространственные перемещения племен в это время зафиксированы в источниках без указаний какой-либо определенной даты. Но сведения достаточно убедительно говорят, о том, что на земле, на которую приходят усунь, прежде обитали племена сэ и юечжи. Возможность «опознания» юечжей китайских источников путем изучения археологических материалов достаточно сложна.

Ряд исследователей полагают, что в кочевнических памятниках Северной Бактрии сарматские элементы (типы могильных сооружений, вооружение) могут быть присущи культуре юечжи (Мандельштам, 1974; Обельченко, 1992). О сходстве погребальных памятников Средней Азии и Семиречья периода со II в. до н.э. мы писали выше. О юечжах, которые были в оппозиции сюнну, а затем нанесли поражение сакам и впоследствии осели на их территории, письменные источники упоминают в связи с описанием путешествия Чжан Цяня (Бичурин, 1950, т. II, с. 147-149). По мнению Б. Огеля, сопоставившего сведения из западных письменных источников с китайскими, Греко-Бактрии нанесли поражение не юечжи, а племена саков. Племена саков, прежде обитавшие в районе Иссык-Куля, потерпев поражение от юечжи, уходят в Согдиану, а последние остаются на их земле. Но уже в 125 г. до н.э. Чжан Цянь не находит юечжей на Иссык-Куле. Автор полагает, что эта дата может соответствовать времени ухода племен юечжей, оказавшихся на территории Бактрии и, возможно, окончательно завершающих процесс разрушения этой державы (Ogel, 1975, p. 172).

Эпоха железного меча, насыщенная различными событиями, «эпоха великого переселения народов» содержала в своей основе вполне обоснованную экономическую подоплеку: процесс разделения труда, увеличение производства, появление частной собственности на скот, землю, раскол общества на классы, соответственно, требовали отчуждения земли. Именно поэтому все военные мероприятия описываемого периода направлены на захват новых земель, новых территорий.

Во II в. до н.э. усунь из «небольшого владения» на территории Дуньхуана, переселившись на южную сторону Тянь-Шаня, становятся «одним из сильнейших владетелей» Западного края (Восточный Туркестан) (Бичурин, 1950, т. II, с. 190).

Материалы из могильников Чжаосу, Субаши I, III, Халатубай, Тимулиг и Сутунбулак убедительно свидетельствуют о принадлежности их культуре усуней.

Погребальные памятники усуней первого периода характеризует та же общность черт, которая прослежена по материалам памятников гунно-сарматского периода Алтая. Сходство археологических материалов объясняется как длительными контактами: «усуньский владетель в одно время с Большими Юечжи кочевал около Дуньхуан» (Бичурин, 1950, т. II, с. 191), так и родством культур: «в обыкновениях сходны с хуннами» (Бичурин, 1950, т. II, с. 150). Но, несмотря на

близость культур, сохраняется существенное различие, которое и отличает погребальные памятники усуней и сохраняется позднее. Это отличие представлено захоронениями в грунтовых ямах с деревянными перекрытиями, отсутствием в погребениях захоронений с конем и предметов вооружения, большой представительностью керамических сосудов.

Сведения древних китайских источников об усунях ханьского периода не содержат ни одного описания географических особенностей Семиречья, по которым можно было бы хоть как-то локализовать их на этой территории. Более того: «Большинство современных исследователей считают местом первоначального расселения усуней земли близ оз. Баркуль» (Крюков, 1988, с. 235).

Социально-экономический переворот, охвативший в целом кочевое общество на рубеже эр, не оставил в стороне и племенное объединение у-суней (а-сманов) (Крюков, 1988, с. 233; Зуев, 1967, с. 5). По мере усиления и становления государства усуней захватывают и постепенно осваивают новые территории к северу от Небесных гор (Тянь-Шаня). Освоение территорий могло проходить безболезненно, так как в первые века нашей эры основную массу населения Семиречья представляли родственные по культуре племена саков, юечжи, хуннов.

Уже во II в. н.э. основной землей усуней становится территория Семиречья, а письменные источники отмечают, что «в 127... Усунь отторглись совершенно». Начиная с этого времени известия о них практически исчезают, в письменных источниках усуней не локализуют больше в соседстве с владениями и государствами Западного края (Восточного Туркестана). Заднее Чешы (Цзюйши) имеет смежные границы с Усунь на западе (Бичурин, 1950, т. II, с. 237), а государство Юебань, по «Вэйшу», лежит от Усуня на северо-запад (Бичурин, 1950, т. II, с. 258; Крюков, 1988, с. 243). Локализация двух последних государств, Цзюйши и Юебань, не ясна до сих пор.

Сомнение вызвано изначально неверной постановкой проблемы. Доминировавшие длительное время в казахстанской исторической науке и уже устоявшиеся представления о том, что усуней обитали на территории Семиречья со II в. до н.э., якобы культура племени постепенно деградирует к III в. н.э. и затем вообще исчезает с исторической арены, затрудняли поиск и изучение истоков культур многих древних этносов, культуры тюркских кочевников в том числе.

Вместе с тем, в научной литературе высказывались мнения о взаимном влиянии и преемственности культур племен хунну, юечжи и усуней, внесших определенный вклад в развитие культур тюркских кочевников средневековья. «Племена юебань в V в., смешавшись с усунями, образовали культуру кенкольского типа, — полагал А.Н. Бернштам, — и затем этот союз в VI в. известен в конфедерации дулу Западного Тюркского каганата под именем «чубань» (Бернштам, 1949, с. 361). Мнение о том, что часть хуннов, смешавшись с юечжами (Гумилев, Хунну, 1960, с. 240), основала в Семиречье княжество Юебань, высказано А.П. Уманским, исследовавшим памятники «эпохи великого переселения народов». Автор напоминает, что княжество Юебань существовало во II-V вв. н.э. на обширной территории, прилегающей к обоим берегам Иртыша (Уманский, 1985, с. 55-62).

Сходные с семиреченскими курганами, получившими распространение в первый период развития, погребальные памятники кулажургинского типа с

территории Восточного Казахстана, культурно тяготеющие к алтайским гунно-сарматским погребальным комплексам (Черников, 1975; Самашев, 1987; Елин, 1990), вероятно отражают процесс взаимодействия и становления культур на этапе соседства государства Юебань с населением Семиречья в период рубежа эр и первых веков нашей эры. Описанное подтверждается и материалами памятника Кулбабас, исследованного археологической экспедицией под руководством А. Толеубаева на территории предгорий Тарбагатай (Толеубаев, 1999, с. 23-31). Среди типичных погребальных сооружений, близких по своим конструктивным особенностям подкурганым, грунтовым захоронениям, в кургане 2 могильника Кулбабас было открыто двойное погребение, одно из которых было совершено в катакомбе. В катакомбе кургана 2 погребенный находился в деревянном ящике, сходном по своему устройству с известными кенкольскими конструкциями, а второе захоронение совершено в обычной яме (Толеубаев, 1999, с. 27, рис. 6,7). Особенности конструкции, погребального обряда, инвентаря позволили автору провести параллели с культурным комплексом как сюнну, так и усуней и определить время функционирования памятника — II-I вв. до н.э. (Толеубаев, 1999, с. 27).

Во II в. до н.э. - I в. н.э. памятники кулажургинского типа в Семиречье открыты и изучены в основном на территории северо-восточных районов Алматинской области. Типы погребальных сооружений могильников Кадырбай II, III представлены захоронениями в подбоях и каменных ящиках (курганы 21, 24 — Кадырбай II, в подбоях; курганы 21-23 — Кадырбай III, в каменных ящиках, курган 24 — в подбое). Из этого следует вероятность наличия локальных вариантов культурных образований типа кулажургинских в период и первой половины 1-го тыс. н.э. на всей территории Жетысу.

Предположение Л.Н. Гумилева о том, что племена юебань есть наследие смешений хунну с юечжами, возможно, находит свое подтверждение в культуре, представленной типами описанных выше конструкций. В состав территории объединения Юебань входила и часть современной территории Алматинской области, южные и юго-западные районы Жетысудо Каратау (Берккара, Кенсай) во II-V вв. также были землей Государства У-суней (а-сманов).

Этническая пестрота, о которой периодически напоминают археологи, сталкивающиеся с явлением поливариантности в погребальном обряде, имела место на всех этапах исторического развития населения Евразии. Государство У-сунь не составляло исключения: погребальные памятники второго периода, типы конструкций, материалы из погребений показывают на существование в одно и то же время различных по устройству могильных ям. В составе могильников находились захоронения в грунтовых ямах, перекрытых деревом, в каменных ящиках, в подбоях и катакомбах. Погребальный обряд во всех типах погребений сходен, состав инвентаря также существенно не различается. Однако наличие разнотипных погребальных конструкций говорит в пользу того, что отдельные группы населения придерживались в обряде традиций, сложившихся в первоначальной этнической среде.

В первые века нашей эры часть кочевников сако-сарматского круга оседает на землю (могильники Актобе II, Шаушукумский, Борижарский), вследствие

чего возникает целый ряд оседло-земледельческих поселений, культура которых носит синкретический характер. Кочевнические элементы в материалах памятников оседло-земледельческого круга являются убедительным доказательством культурно-исторического процесса эпохи (Байпаков, Подушкин, 1989). С другой стороны, у кочевников у-суней формируется экономический тип хозяйственного устройства, характерной чертой которого является сочетание скотоводства с земледелием. Известны поселения, раскопанные на территории Алматинской области и Северной Киргизии (Самашев и др. 2005; Абетекоев, 1970).

Картографирование памятников у-суней, систематизация материала, имеющегося в распоряжении сегодня, позволяют высказать мнение о том, что территория Жетысу (Семиречья) явилась географической средой, на которой шел активный исторический процесс становления и формирования нового хозяйственно-культурного типа. Отличительной особенностью последнего служит, во-первых, закрепление определенной территории и приспособление ее к экономически сложившемуся типу хозяйствования. Кочевничество в обществе у-суней на этом этапе приобретает формы завершенной, замкнутой системы. Именно в этот период складывается тип кочевания, который станет характерным у кочевников Семиречья на протяжении ряда столетий, вплоть до современности: использование под летние пастбища зоны горных альпийских лугов, под зимние — низовьев горных рек в долинах рек Чу, Или, Таласа и др. Во-вторых, длительное, на протяжении столетий, проживание на одной и той же территории повлекло за собой естественное приспособление удобных горных террас под небольшие участки для возделывания определенных сельскохозяйственных культур. Размеры поселений, количество жилищ на них красноречиво говорят о том, что это направление в хозяйстве у-суней не было масштабным и служило в целях полноценного функционирования жизнедеятельности социума.

Хозяйственно-культурный тип (ХКТ) Государства У-сунь характеризуется как преимущественно кочевой с отдельными элементами оседлой культуры. Процесс формирования и развития ХКТ кочевого общества Семиречья первой половины I -го тыс. н.э. проходил в условиях интенсивного развития и становления культуры оседло-земледельческого населения Южного Казахстана и Средней Азии. Взаимодействие и взаимовлияние культур, кочевнической и оседло-земледельческой, наглядно демонстрируются материалами памятников эпохи.

Социально-экономические изменения, развитие ХКТ кочевников, земледельцев «в рамках среднеазиатско-казахстанской историко-культурной области (ИКО) содействовали на протяжении древней и средневековой истории установлению между этносами — носителями всех этих ХКТ — своеобразных форм взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового обмена, общественно-политического и культурного взаимодействия...» (Андрианов, 1988, с. 13).

Анализ археологических источников показывает, что в рамках ХКТ кочевого населения Жетысу в период II-V вв. нашли свое место представители этносов с различным мировоззрением, но со сходной материальной культурой (различные типы погребений с одинаковым составом погребального инвентаря).

С другой стороны, в первой половине 1-го тыс. н.э. на территории Жетысу (и это одна из особенностей общего этнокультурного процесса эпохи) идет становление и формирование тюркской культуры. По мнению А.Н. Бернштама, «население сако-усуньского периода окончательно в гуннский период переходит в русло тюркского этногенеза» (Бернштам, 1949, с. 361). Археологические материалы позволяют аргументировать это предположение. В оригинальном и сложном по своим конструктивным деталям кургане 448 могильника Берккара (Бабанская, 1956, с. 192, рис. 1), в погребальной яме была найдена бронзовая серьга «салтовского типа» (табл. 36. 7), вместе с которой находилась золотая бляшка в форме полумесяца (табл. 41. 4. 2) и костяной черешковый наконечник стрелы. Характерной особенностью украшений средневековья являлись шарики, припаянные к ободкам, подтверждением чего служит и якоревидная подвеска из некрополя Кулана (возможно, серьга), выполненная в том же стиле (табл. 36.9), что и сережка из Берккары и типичные салтовские украшения.

Г.А. Кушаевым в 1956 г. издан материал из тюркских погребений, расположенных на территории долины реки Или (Кушаев, 1956, с. 215-218). Конструкции погребальных сооружений, кольца вокруг насыпей, выкладка над могильной ямой идентичны с описанными автором усуньскими памятниками, расположенными там же. Сопроводительный инвентарь тюркских погребений представлен наконечниками стрел, однолезвийным мечом, пряжкой, которые автор отнес к VI-VIII вв. (табл. 36.2, 3, 19, 20).

Изученный нами курган могильника Коржайляу, по конструкции и обряду сходный с памятниками предыдущей эпохи, компактно расположен рядом с древнетюркскими по типу поминальными оградами (всего в составе могильника 9 курганов и несколько оград). Продолжение погребальной традиции, сформировавшейся во втором периоде (II-V вв. н.э.), прослежено и по материалам из кургана 34 могильника Джуантобе II, кургана 131 могильника Дехкан, кургана 54 могильника Курты. Каменно-земляная насыпь кургана 34 могильника Джуантобе II содержала погребение в обычной подпрямоугольной яме, перекрытой деревом вдоль. Погребенный находился на спине, на подстилке, головой был ориентирован на запад — юго-запад. В северо-западном углу на деревянном блюде лежали ребра барана с железным ножом на них. Керамический сосуд — горшок с округлыми стенками и дном находился рядом. В области шейных позвонков найдены бочонковидные бусы из агата, полосчатые и четырехгранные из пирита и халцедона (табл. 36. 16).

В кургане 131 могильника Дехкан, в погребении с подбоем, заставленном деревом, скелет находился на спине, головой на запад, погребальный инвентарь располагался справа от головы вместе с керамическим сосудом, железной шпилькой, в погребении найдены кусочек охры и шестигранная бусина из стекла (табл. 36. 15).

В кургане 54 могильника Курты, в подбое, сооруженном в северной стене, находился погребенный, погребальный обряд аналогичен описанным. Украшения из могилы представлены серьгой с бусиной и шестигранной бусиной (табл. 36. 14).

Погребальный обряд, зафиксированный в кургане могильника Каракыстак 1, который изучен в период полевого сезона 2006 года, до деталей сходен с обрядом захоронений в усуньских курганах. В подпрямоугольной по форме яме, перекрытой деревом поперек, находился погребенный, ориентированный головой на запад. Золотая прямоугольная по форме нашивная пластина с изображенной в геральдической позе птицей свидетельствует, что памятник сооружен в тюркское время (Досымбаева, 2007; см. пластинку на обложке книги).

Описанные выше погребения близки по обряду и захоронению, который изучен в могильнике Коржайляу. Кроме того, обнаруженные в этих погребениях шестигранные бусины позволяют датировать их VI-VII вв. Ближайшей аналогией им являются бусины из кургана 1 Орловского могильника Восточного Казахстана (Арсланова, 1969, с. 43-57, рис. 1.4). С могильником Курты инвентарь из Орловского могильника объединяет находка однолезвийного меча в первом и однолезвийной сабли во втором (Арсланова, 1969, табл. I). Вероятно, сабля из Орловского могильника представляет одну из ранних форм сабель, получивших распространение на территории Казахстана. Судя по лезвию, эта сабля не имела характерной для средневековых сабель изогнутой полосы. Прямолезвийность орловской сабли свидетельствует о типологической близости ее однолезвийным мечам IV-V вв. Н.Э. ТИПОЛОГИЯ переходных форм описываемых типов оружия слабо представлена на казахстанском материале, и разработка вопросов хронологии мечей, сабель и других типов оружия не осуществлялась. Хронология Орловского памятника достаточно убедительно произведена по комплексу датирующих вещей из погребения. Курганное сооружение этого памятника также близко по своим конструктивным особенностям к семиреченским каменно-земляным насыпям с каменным кольцом по основанию (Арсланова, 1969).

Все типы внутримогильных конструкций, выделенные по материалам памятников Жетысу, продолжают свое существование и на следующем древнетюркском этапе истории населения. Каменные, каменно-земляные насыпи с кольцами в основании курганов, с захоронениями в обычных грунтовых ямах, перекрытые деревом, подбой, перекрытые камнем, жердями, каменные ящики в ямах, захоронения в катакомбах продолжают погребальную традицию предшествующего времени в эпоху древних тюрков, сохраняя даже такие элементы, как уступы, заплечики, ниши в ямах. Подтверждением этому являются раскопки на памятниках средневековой Тувы. На могильниках Аргалыкты I, IX (раскопки Ю. Трифонова), Аймырлыг I (раскопки В. Овчинниковой) захоронение человека производилось в подбое, наземные сооружения этих видов внутримогильных конструкций обычно округлой в плане формы, диаметром от 3 до 6 м, высотой от 0,3 до 0,8 м.

Характерной деталью подбойных погребений Тувы является окружающая могилу кольцевидная ограда из крупных камней, соприкасающихся друг с другом, выложенных в один ряд (сравни ограды из могильников Госпа, Кызылауыз) (табл. 30). Выкладки над могильными ямами позволяют судить о размерах и границах этих ям. Общими в обряде между тувинскими и семиреченскими памятниками являются: остатки тризны в виде задней части бара-

на, сосуд с питьем, наличие остатков костра. Автор отмечает, что у «погребенного в подбое количество стрел больше, чем у тех, которые были захоронены в обычной грунтовой яме. Кроме того, весь состав инвентаря у погребенных в подбое богаче. По замечанию исследователя, захоронения, совершенные в подбоях в древнетюркское время в Туве, характеризуют общественное положение умерших. В подбоях хоронили воинов высшего сословия» (Овчинникова, 1983, с. 67).

Отличительными признаками, дифференцирующими описанные тувинские памятники, являются сопутствующие погребенным захоронения коней в этих же ямах и отсутствие таковых в памятниках древнетюркского времени на территории Жетысу.

Вопросы дискуссии на тему, культуре какого этноса могли соответствовать погребения с конем, подробно освещены Д. Савиновым (Савинов, 1984, с. 55). Исследователи считают, что сопроводительное захоронение коня в памятниках Горного Алтая является результатом влияния носителей пазырыкской и каракобинской культур (Нестеров, 1990, с. 115). Однако в пределах Восточного Алтая памятники III-V вв. н.э. сопроводительных захоронений коней не содержат. «Характер этнокультурных процессов... связан с влиянием хуннской культурной традиции или племен, хорошо знакомых с ней» (Савинов, 1994; Елин, 1990, с. 119-129).

С другой стороны, исследованиями последних лет на территории Саяно-Алтая признано существование хронологических несоответствий хуннских памятников материалам позднехуннского времени (Бобров и др., 2003, с. 36). Археологический контекст материалов памятников региона свидетельствует об отсутствии на Горном Алтае в первой половине 1-го тысячелетия нашей эры единой археологической культуры и что «... культурное своеобразие наблюдается даже в пределах одного физико-географического региона» (Бобров и др., 2003, с. 38).

Систематизированные в данной работе погребальные комплексы Жетысу-Семиречья не содержат захоронений с конем. Их не было и в конструкциях на предыдущем, сакском этапе. Отсутствие такого типа захоронений в могильниках Семиречья, вероятно, можно объяснить особенностями мировоззренческих взглядов тюрков, населявших исконно эти территории, в соответствии с которыми конь не сопровождал умершего в потусторонний мир. А это означает, что поиски памятников с традиционными для Алтая погребениями воинов с конем на территории Жетысу-Семиречья не будут иметь успеха.

В новом, фундаментальном исследовании Г. В. Кубарева, посвященном проблеме изучения культуры древних тюрков Алтая, подведен своеобразный итог многолетних археологических изысканий по изучению погребальных памятников тюркских кочевников (Кубарев, 2005). Суммируя данные о результатах многолетних исследований тюркских памятников, часть которых являются новыми и изучены автором работы, исследователь обращает внимание на малую представительность древнетюркских курганов на территории Алтая, по сравнению с памятниками предшествующих эпох, и небольшое количество погребений с конем. Объяснение последнего, по мнению Г. Кубарева, возможно, кроется во

влиянии социального фактора, ранжировании тюркского общества. Исследователь пишет, что «учитывая незначительное количество древнетюркских погребений с конем, совершенных под отдельными курганами, можно предположить, что они сооружались преимущественно для состоятельных и знатных членов общества» (Кубарев, 2005, с. 25).

Не менее интересны и другие выводы ученого о том, что «погребальный обряд серии захоронений предстает ... в уже сложившемся виде..., что лишний раз подтверждает почти полное отсутствие среди рассматриваемой серии раннетюркских захоронений» и что «подавляющее большинство исследованных курганов относится к VII-X вв., тогда как памятники периода Первого Тюркского каганата (VI — начало VII вв.) исчисляются единицами» (Кубарев, 2005, с. 25).

В продолжение темы о сопроводительных захоронениях коней в тюркских курганах в регионе междуречий Урала и Иртыша археологи отмечают ту же тенденцию, что «в памятниках Урало-Иртышского региона, начиная с VI века, появляются черты нового историко-культурного комплекса: каменные курганы, оградки, погребения коня..., число которых незначительно» (Боталов, 1995, с. 14-16).

Захоронение с конем на территории собственно Семиречья было обнаружено только в одном, разрушенном во время земляных работ, погребении в окрестности Алматы, датированном по комплексу инвентаря VI-VII вв. (Курманкулов, 1980, с. 191-197). Серьга из кургана, изученного Ж. Курманкуловым, аналогична серьгам из усуньских погребений, а мужское портретное изображение на бляхе пряжки из этого же погребения стилистически очень сходно с портретом мужчины на маленькой золотой бляшке из могильника Талгар (табл. 41. IV. 3). Погребения древнетюркского времени выявлены также в оградах 56 и 58 могильника 1 (Кушаев, 1956).

На территории Киргизии могильники Теке Таш (Абетеков, Кожомбердиев, 1977, с. 200-203), Беш Таш Коро (Табалдиев, 1990) в курганах, сооруженных из камня, содержали захоронения коней вместе с погребенными в них людьми. Внутримогильные конструкции на памятниках Беш Таш Коро, на уровне древней дневной поверхности, отмечены забутовками из камней. В самой яме подбоя перекрыты вертикально установленными плитами. Устройство этих конструкций сходно с семиреченскими II-V вв., а совместные захоронения с конем, ориентировка погребенных и лошади идентичны с тувинскими (Овчинникова, 1983). Погребальные конструкции Беш Таш Коро интересны еще и тем, что в составе могильника содержатся и погребения без верхового коня. Типы надмогильных и внутримогильных сооружений не отличаются: те же захоронения в подбоях. Автор считает, что могильник оставлен древнетюркским племенем в VI-VII вв. (Табалдиев, 1990, с. 26).

Подводя некоторые итоги по вопросу о погребальном обряде тюрков, который якобы должен осуществляться с сопроводительными захоронениями коней, надо заметить, что, в целом, такое представление об основных маркерах тюркского культурного комплекса не соответствует реалиям, которые бы имели подтверждение в материалах наследия средневековых кочевников. Вероятно, интерпретация археологических материалов тюркских памятни-

ков более перспективна в контексте темы, связанной с мировоззренческими представлениями. Этнографические материалы с многочисленными эпическими сказаниями, в которых воин и боевой конь неотъемлемы друг от друга и, оказываясь на чужбине, погибают вместе в схватке с врагами, являются полем для рассуждений и исследований идеологического содержания таких памятников. В связи с уровнем аналитического осмысления археологических источников нельзя не заметить следующее. Во всех письменных источниках неоднократно описываются военные действия, в которых принимают участие усуней. Они же поставляли в «Поднебесную империю» «небесных коней». Но в захоронениях усуней нет предметов вооружения и умерших не сопровождали конями.

С другой стороны, среди сопроводительного инвентаря в тюркских захоронениях Центральной Азии отсутствуют находки сосудов, которые в памятниках кочевников первой половины первого тысячелетия и в тюркское время на территории Семиречья являются одним из ведущих типов погребального инвентаря.

Фактор сопровождения погребенных сосудами с жертвенной пищей в виде крестцовых позвонков барана, характерный преимущественно для памятников усуней, и формирование особого стиля в камнерезном искусстве тюрков — безоружных статуй с сосудами в обеих руках, характерное исключительно для территории Семиречья, тесно взаимосвязаны между собой. Описанные выше особенности материальной культуры, выделенные в результате анализа массового материала с памятников усуней, отражают особенности духовной, интеллектуальной сферы жизненной деятельности тюркского общества, развитие которой привело к расцвету культуры в эпоху средневековья.

Появление каменных курганов, оградок в Урало-Иртышье (Боталов, 1995), большое количество камней в насыпях и обкладках курганов, погребения в простых ямах и в подбоях (заплечики, ступеньки) в памятниках Нижнего Поволжья (Матвеева, 1995, с. 45-48), подбойные захоронения в Туве (Овчинникова, 1983), каменные курганы Согда (Обельченко, 1992) в период II-V и VI-VII вв. н.э. представляют собой новый этап развития культуры населения всей Центральной Азии эпохи раннего средневековья. Одним из центров формирования новой культуры была территория Жетысу-Семиречья. Возведение каменных насыпей с обкладкой камнями основания курганов, забутовка камнями могильных ям, обычай отмечать камнями контуры погребения на уровне дневной поверхности, сочетание различных видов внутримогильных конструкций в составе одного могильника, использование деревянных перекрытий, совместно с соответствующим погребальным обрядом и обязательным набором инвентаря, явились слагающими элементами культуры населения 1-й половины 1-го тыс. н.э. и в последующие века становятся характерными признаками погребальных памятников тюркской эпохи.

Сооружение каменных насыпей, по мнению О. Обельченко, «нельзя объяснить тем, что они возникли позднее, чем земляные...» Анализ курганов в могильниках Придаргомской степи привел автора к выводу, что именно каменные курганы, синхронные земляным в Бухарской области, являются

тюркскими. Возведение каменных насыпей, считает автор, связано с культом камня, существовавшим у тюрков. «Кульм камня в Согде пока отмечен только в поздних по времени могильниках на рубеже смены погребальных обрядов..., в первые века нашей эры... и совпадает с процессом тюркизации населения» (Обельченко, 1990, с. 55).

Появление каменных насыпей в курганных могильниках Согда надо считать указанием на влияние культуры тюрков на согдийскую культуру в III-V вв. н.э. (Обельченко, 1990, с. 56), а дальнейший период в истории Согда представляет собой новый этап развития культуры, во время которого происходит постепенное вытеснение курганного обряда захоронений зороастрийским погребальным ритуалом (Обельченко, 1992, с. 132).

Сходство семиреченских погребений V-VI вв. с тувинскими и алтайскими является результатом исторически сложившегося родства культур населения, проживавших на территории географически единого Алтае-Тянь-Шаньского региона. С другой стороны, вероятно, достоверно и мнение Л.П. Потапова, который со ссылкой на китайские письменные источники, упомянул о следующем историческом факте: «Каган Истеми, имевший свои кочевья в долине р. Или, помог своему брату Тоуманю (Бумынь) в организации Первого Тюркского каганата» (Потапов, 1953, с. 82). О кровном родстве первых тюркских каганов Бумыня и Истеми упоминает и Л. Гумилев (Л. Гумилев, 1993, с. 26). В дополнение к версии об единстве истоков культуры населения Алтая и Жетысу необходимо напомнить, что факт изначального самостоятельного функционирования двух крыльев Тюркского каганата — Восточного и Западного, зафиксированный в древних китайских источниках (Бичурин, 1950, т. I, с. 227, 279), подтверждается другой информацией, сопровождаемой комментарием И. Бичурина, что тронным именем первого тюркского кагана Бумыня являлось прозвание — Или хан, то есть хан с реки Или (Бичурин, 1950, т. I, с. 228). Очевидность и достоверность исторического факта сосуществования двух крыльев единого по своей структуре государства тюркских кочевников не вызывали сомнения у исследователей-ориенталистов, так как Э. Шаван и В. Бартольд были убеждены в том, Тюркский каганат изначально представлял собой конфедерацию из Восточного Тюркского и Западного Тюркского каганатов, основанных двумя братьями (В.В.Бартольд, 1968, т. 5).

Можно предположить, что какая-то часть тюркских племен Семиречья могли принести на восток обряд захоронения в подбое и перенять у местного населения традицию захоронения с конем. Личности, стоявшие у истоков Первого Тюркского каганата, в социальной структуре государства составляли высшее сословие, а это сословие, по всей видимости, было воинским. Предположения В. Овчинниковой о том, что погребенные в подбоях в Туве принадлежали к высшему воинскому сословию, только подтверждают высказанную в работе версию.

Определенные сложности, связанные с проблемой этнической интерпретации археологических материалов и несоответствия между данными письменной истории и археологических дат, о которых неоднократно упоминают ученые, действительно имеют место (Кубарев, 1998; Бобров и др., 2003, с. 78-80).

Однако касательно истории культуры тюркских кочевников различных регионов Центральной Азии одними из важных являются выводы современных исследователей, полагающих, что «темпы развития культуры алтае-телесских тюрков и ее содержание невозможно согласовать с политической историей тюркских каганов, тем более с экстраполяцией ее на Алтай» (Бобров и др., 2003, с. 80).

Археологический контекст материалов памятников свидетельствует, что «появление на Саяно-Алтае родственных групп населения из Центральной Азии связано с упадком и гибелью кочевых империй», и такое положение вещей позволяет объяснить «расцвет материальной культуры древних тюрков на Алтае» периодом VIII-IX вв. ..., так как именно «к этому времени относят большинство исследованных погребений и поминальных оградок» (Бобров и др., 2003, с. 80).

Возвращаясь к вопросу об историко-культурных параллелях усуньского и тюркского комплексов, необходимо напомнить, что круг источников по истории усуней весьма представительен. Суммируя данные о погребальном обряде, сведений о локализации племен, нельзя не использовать в своих построениях и информацию, содержащую данные о верованиях племен. И это тем более ценно, что данные, зафиксированные в письменных источниках, коррелируются материалами из археологических памятников эпохи.

Легенда о происхождении древних усуней, записанная со слов Чжан Цяня, описана в «Исторических записках» и повторена в «Истории старшей династии Хань»: «В мое пребывание у хуннов слышал я, что усуньский владетель титулуется Гуньмо, отец сего Гуньмо имел небольшое владение на западных Хуннских пределах. Хунны убили отца его на сражении, а Гуньмо, только что родившийся, был брошен в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком. Шаньюй изумился и счел его духом; почему взял его к себе и воспитал; когда же Гуньмо подрос, то шаньюй сделал его предводителем войска..., возвратил владения отца его... По смерти шаньюя, Гуньмо со своим народом отделился и отказался от наездов в орду хуннов» (Бичурин, ч. II, с. 155; Крюков, 1988, с. 232-233).

Легенда о происхождении усуней, описанная в китайских хрониках и подробно приведенная вновь на этих страницах, повторяется в связи с происхождением тюркского племени ашина. Общность черт по всем основным деталям в описании происхождения древних усуней и тюркского племени ашина показана в специальном анализе генеалогических преданий (Зуев, 1960, с. 123).

Транскрипция у-сунь звучала в древнекитайском языке а-сман, означая «небо» в иранском языке (Зуев, 1967, с. 5; 2002, с. 23). Слово «ашина»... «безупречно сопоставляется с хотано-сакским «асана» — «синий», «небесный». Иранское звучание имени в данном случае, видимо, не отражает этнической принадлежности его носителей и является, возможно, переводом некоего самоназвания. Принцип «переводимое — переводилось» действовал в древности достаточно четко, а его происхождение следует, на наш взгляд, искать в причинах сакрального характера» (Зуев, 1967, с. 5).

Вопросы общности генеалогических преданий у-суней и тюрков рассмотрены Д. Синор. Автор не исключает возможности генетического родства усуней

ней и тюрков, хотя и считает эту проблему спорной. «А то, что тюрки сами придерживались различных и спорных точек зрения о своих истоках..., объясняется только допущением того, что народы тюркской империи были конгломератом различных этносов» (Синор, 1982, с. 252). Последнее можно отнести и к государству усуней.

Процесс зарождения и формирования тюркского этноса отражает мифологическая часть легенд. Д. Синор анализирует три варианта легенды о происхождении тюрков, действующими лицами которых, кроме людей, выступают животные-тотемы, благодаря которым идет становление этносов: олень, волк, ворона. Функции этих животных в легендах различны, но каждое из них в конечном счете становится в ранг первопродка или божества, либо «духа»- хранителя племени (Синор, 1982, с. 252).

В легенде усуней присутствует «небесный дух» или само «небо» в лице птицы-вороны и волк. По мнению Ю.А. Зуева, иероглифическая этимология знаков у-сунь, означающая «потомки Ворона» и прилет птиц, похожих на ворон, записанная в китайской энциклопедии в разделе «Большой Ворон» и означавшая нашествие тюрков, является свидетельством единства истоков идеологических представлений описываемых тюркских этносов (Зуев, 2002, с. 23). Символом западных тюркских каганов из племени ашина являлась Золотая птица, подаренная танскому императору (Зуев, 2002, с. 25). Единственная золотая, нашивная пластина из кургана 1 могильника Каракыстак 3 с изображением птицы в геральдической позе, стилистически идентичная с изображением птицы на головном уборе скульптурного изображения Культегина, вероятно, представляет собой иллюстрацию к мифу о Золотой птице Дули /Красный Ворон, которая являлась олицетворением солнца (Зуев, 2002, с. 25).

Взаимную связь образов родовых тотемов, олицетворяющих землю и высокое синее небо, отражают исторические сюжеты, по которым волчица (владыка плодородия и земли-воды) спасает мальчика, а среди тамг ашина присутствует тамга-ворон (Зуев, 1960, с. 123). Кроме того, «легенда нашла свое воплощение в символике атрибутов тюркских каганов, их знамена были увенчаны золотой волчьей головой, а телохранители назывались волками» (Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 126).

Изображение птицы на головном уборе памятника Культегину в Монголии, вполне вероятно, является отражением древнего мифологического сюжета с присутствием в нем «небесного духа», служившего в качестве оберега. В культовом искусстве средневековых тюрков образ птицы, изображенный на головных уборах и одежде социальной элиты (шапка Культегина, корона Бильге кагана и золотая пластинка от костюма из Каракыстак 3), видимо, являются свидетельствами того, что эти люди были держателями небесного фарна, что в тюркском языке обозначалось термином «кут».

Этнографические параллели, по данным исследований С.М.Абрамзона, можно проследить по тамгам киргизских племен бугу, сары багыш и мунгуш. Тамга «джагалмай» (джагалмай — название птицы) наносилась на лошадей, на некоторые предметы у племени кара багыш, у племени борю (ветвь адигине) — бёрю

тамгасы (бёрю — волк). Изображение тамги племени ашина имеет аналогию с одной из тамг у ветви адигине. Автор отмечает, что «некоторые из приведенных сопоставлений заслуживают самого пристального внимания, поскольку они позволяют протянуть нити этнических связей от самого недавнего к глубокому прошлому» (Абрамзон, 1990, с. 43-45).

Историческое предание, сохранившееся и переданное в письменных источниках, «является тюркской реализацией усуньского эпико-генеалогического материала, сохранившегося почти в нетронутом виде до VI в., и представляет ценность как литературный памятник усуньской эпохи». Вместе с тем, оно столь же ясно, как и предыдущие, убеждает в мысли о том, что решение проблемы происхождения тюрков-ашина немислимо без привлечения фактов из истории усуней (Зуев, 1967, с. 12).

Легендарные предания, используемые в исследовании как один из видов исторических источников по истории усуней, дополняют информацию о раннем этапе этногенеза тюрков. Локальная и хронологическая приуроченность событий, описываемых в сюжетах легенд, к территории Центральной Азии и Тянь-Шаня является указанием на территорию, ставшую прародиной древних тюрков.

В дополнение обозначенной выше темы необходимо привести данные о двух уникальных памятниках, представленных элитными захоронениями, которые сопровождалась предметами культового назначения. Речь идет о хронологически единовременных захоронениях усуньской жрицы в окрестностях Алматы и сарматской царевны из кургана 10 Кобяковского могильника, раскопанного на окраине г. Ростов-на-Дону (Бернштам, 1940; Прохорова, Гугуев, 1992). Состав предметов из названных женских захоронений свидетельствует, что каждое из них было сооружено служителям культа. Примечательные и сходные по своему содержанию и назначению предметы, диадема усуньской жрицы, диадема и гривна сарматской царевны исполнены в сходном стиле. Образы фантастических животных и антропоморфных существ, изображенных на описываемых предметах, отражают сходный круг представлений, основную канву которых составляют космогонические сюжеты, имевшие широкое распространение в среде кочевого степного мира Евразии на рубеже эры.

В рамках данного исследования особую ценность представляет факт достоверности культурных параллелей между усуньским и сарматским мирами, нашедшие отражение в близких по содержанию атрибутах культа. Сюжеты сходного по содержанию мифа, выраженные как в образах мифического животного — волкодракона, присутствующих на каргалинской диадеме и кобьяковской гривне, так и в образе центрального персонажа гривны, показанного сидящим, с сосудом в обеих руках и др., были понятны и имели хождение в кочевой среде степей Евразии (Досымбаева, 2006, с. 47, табл. II). Продолжить тему родства культур позволяют и другие типы памятников, к числу которых относятся широко известные памятники монументального искусства. Стиль летящей птицы, изображенной на каргалинской диадеме, идентичен со стилем птицы в тюркском наскальном ис-

кусстве, известном по материалам урочища Тамгалы. Поза и сосуд в обеих руках сидящей персоны на кобьяковской гривне идентичны со стилем статуарных образцов тюркского камнерезного искусства, распространенных на территории Семиречья.

С другой стороны, в пользу существования единых мировоззренческих эталонов в кочевой среде эпохи свидетельствуют данные письменных источников о том, что усуньки поклонялись идолам и «юэчжийский князь Сюту совершал жертвоприношения Небу перед изображением Золотого человека» (Зуев, 2002, с. 28). Жертвоприношения перед образом сарматской богини Си-ван-му, вырезанной из черного камня, совершались и другими представителями племен (Зуев, 1995, с.49). Достоянием науки стали современные открытия сарматских святилищ с каменными статуями, которые устанавливались на каменных курганах на западе Казахстана (Ольховский, 2005, с. 144-145). Культурная взаимосвязь между ценностями сарматского и тюркского кочевых миров нашла отражение в топографии, планиметрии, конструктивных особенностях культовых сооружений, составляющих элементах ритуальных построек и сходстве стиля памятников монументального искусства (Досымбаева, 2006, с. 40, 101-102, 113).

Возвращаясь к исходной теме — анализу культуры, нашедшей отражение в типах погребальных конструкций, необходимо вспомнить, что присутствующие среди основной массы усуньских погребений (90%) захоронения в подбоях, вероятно, являются отражением юечжи-сарматской похоронно-поминальной традиции. В таком контексте существование общих канонических представлений кочевников степей Евразии рубежа эры находит свое объяснение и может способствовать реконструкции картины мира в целом.

В целом, завершая работу над осмыслением комплекса источников, хотелось бы заметить, что огромный, безграничный мир культуры степи, казахской степи в том числе, требует к себе более пристального внимания. Преодоление искусственно созданных барьеров в форме навязанных исторических схем развития тех или иных этносов древности, средневековья является тяжелым трудом. В контексте предмета и объекта науки археологии этот труд сопряжен с поиском источников, которые добываются в процессе раскопок многочисленных памятников, к числу которых относятся и погребальные конструкции. Отсутствие совершенной методики аналитического исследования заставляет археологов проводить широкомасштабные изучения могильников, погребений. И мы надеемся, что в самое ближайшее время следующие шаги развития археологической отрасли будут направлены на теоретическое осмысление уже накопленного комплекса источников, что и было предпринято в данном исследовании, предложенном вниманию читателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История населения Семиречья в период с конца 1-го тыс. до н.э. и в первой половине 1-го тыс. н.э. проходит в русле общего хода культурно-исторического процесса населения Центральной Азии.

В результате исследования погребального обряда, типов погребений, инвентаря установлено, что в период II в. до н.э. — I в. н.э. на территории Жетысу идет процесс становления культуры кочевников, нашедший отражение в памятниках сако-сарматского круга. Характерные черты погребальных конструкций и обряда этого периода укладываются в общую схему культурно-исторического процесса с тем лишь различием, что сакский компонент на этом этапе, естественно, остается ведущим.

В памятниках второго периода, во II-V вв. н.э., в погребальном обряде и составе инвентаря наблюдаются значительные изменения. Наряду с погребальными памятниками первого периода, продолжающими свое бытование на земле Жетысу, появляются и другие. Новые погребальные комплексы, представленные подкурганными грунтовыми погребениями с перекрытиями из дерева, жердей, с сосудами, близкими по типу керамике из памятников оседло-земледельческого круга и типам сосудов из средневековых тюркских курганов, свидетельствуют о культуре населения, носителями которых были племена а-сманов (у-суней), исконно населявших земли разных регионов Туркестана.

Ранний этап этногенеза племенного объединения а-сманов, становление от небольшого владения до государственности, как по сведениям письменных источников, так и по археологическим данным проходит на территории Восточного Туркестана. Локализация государства Усуней во II-V вв. н.э. на территории Жетысу устанавливается в результате сопоставления комплекса фактов (письменные источники, археологический материал). В целом, процесс становления культуры тюрков-кочевников регионально проходит на территории собственно Туркестана (в широком, геопространственном понимании данного термина) и хронологически охватывает период конца 1-го тыс. н.э. — 1-й пол. 1-го тыс. н.э.

С другой стороны, памятники предшествующего периода продолжают свое существование на новом этапе, сохраняя отдельные элементы традиционной культуры. Особенностью этнокультурного процесса 1-й половины 1-го тысячелетия нашей эры является фактор взаимодействия и взаимовлияния культур в условиях одного хозяйственно-культурного типа, в рамках единой среднеазиатско-казахстанской историко-культурной области. Следствием «консолидации пестрой этнической номенклатуры, нивелировки культуры и взаимодействия языков и диалектов, сложения единого языка и антропогенеза, происходивших в рамках первых государственных образований хунну, усуней, тюрков ... явилось начало сложения тюркоязычного народа и формирование одного из первых тюркских государств на территории Казахстана» (Акишев, 1988, с. 98; 1997, с. 16).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины. //Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
2. *Абетеков А.К.* Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней //Краткие сообщения Института Археологии. 1970. Вып. 122.
3. *Абетеков А.К.* Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей //Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т.Н.
4. *Абетеков А.К.* Могильник Джанышбулак //Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977.
5. *Абетеков А.К., Кожомбердиев И.М., Мокрынин В.П.* Памятники тюркского времени //Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977.
6. *Аболин Р.И.* От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри: Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа Казахской АССР //Труды Института почв и геоботаники. САГУ. Л., 1930. Ч. I, вып. 5.
7. *Абрамова М.П.* Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии //СА. 1975. № 1.
8. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
9. *Агеева Е.И.* Отчет Семиреченской археологической экспедиции 1956 г. // Архив Института археологии, инв. № 394. Алма-Ата, 1956.
10. *Агеева Е.И.* Новые данные по археологии Семиречья. КС. ИИМК. 1960. Вып. 80.
11. *Агеева Е.И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области //Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1961. Т. 12.
12. *Акишев К.А.* Отчет о работе Илийской археологической экспедиции //Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. I.
13. *Акишев К.А.* Саки Семиречья //Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7.
14. *Акишев К.А.* Этнокультурная ситуация в древнем Казахстане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1988.
15. *Акишев К.А.* Государства тюркоязычных народов // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996.
16. *Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования //СЭ. 1972. № 2.

17. *Андрианов Б.В., Левина Л.М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н.э. //Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
18. *Андрианов Б.В.* Неоседлое население мира. М., 1985.
19. *Андрианов Б.В.* Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана //Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988 г.). М., 1988.
20. *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен в народностей //Живая старина. 1897. Т. 6, вып. 3-4.
21. *Арсланова Ф.Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья //Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
22. *Арсланова Ф.Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане //Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
23. *Ахинжанов С.М.* Отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции //Архив Института Археологии. Алма-Ата, 1975.
24. *Бабанская Г.Г.* Берккаринский могильник //Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1.
25. *Байпаков К. М.* Керамика средневекового Кулана //Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
26. *Байпаков К.М.* Раскопки усадьбы на городище Талгар // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
27. *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989.
28. *Баруздин Ю.Д.* Кара-булакский могильник //Труды Института истории АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1956, 1957. Вып. II, III.
29. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких и монгольских народов Средней Азии. М., 1968. Т. 5.
30. *Бернштам А.Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалынка//КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23-31.
31. *Бернштам А.Н.* Памятники старины Таласской долины. КазОГИЗ. Алма-Ата, 1941.
32. *Бернштам А.Н.* Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. М.; Л., 1946. Вып. XIII.
33. *Бернштам А.Н.* Берккаринская пряжка (о скифской традиции в сарматском искусстве) //КСИИМК. 1947. Вып. XVII.
34. *Бернштам А.Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии//СЭ. М.;Л., 1947.
35. *Бернштам А.Н.* К вопросу об Усунь, Кушан и тохарах //СЭ. 1947. № 3.
36. *Бернштам А.Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня //СА. 1949. XI. С. 337-384.

37. *Бернштам А.Н.* Культура Семиречья во время тюркского каганата // МИА. 1950. № 14.
38. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая //МИА. 1952.
39. *Бейсенов А.З.* К вопросу о погребальном обряде Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. //Взаимодействия кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути: Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Алма-Ата, 15-16 июня 1991 г. 1991.
40. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I, II.
41. *Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III -У века). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СС РАН, 2003.
42. *Боталов С. Г.* Тюркские кочевники Урало-Прииртышья // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (тезисы докладов). Самара, 1995.
43. *Боталов С.Г., Подушкин Н.А.* Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III-V веков //Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
44. *Боталов С.Г.* Волго-Уральские и казахстанские степи в V-УШ вв. //Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей. Челябинск, 1996.
45. *Боталов С.Г.* Раннетюркские памятники Урало-казахстанских степей // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): Тезисы докладов. Самара, 1997.
46. *Брыкина Г.А.* Западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. М., 1982.
47. *Брыкина Г.А.* Могильник Кайрагач в Южной Киргизии //КСИА. М., 1982. № 170.
48. *Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н.* Археологические исследования в Восточном Алтае //Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986.
49. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье /Под ред. *Тихвинского Л. и Литвинского Б.А.* М., 1988.
50. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
51. *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. Алма-Ата, 1959. Т.7.
52. *Голдина Р.Д., Лещинская Н.А.* Хронология Тарасовского могильника I-V вв. в Среднем Приаралье //Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: Тезисы докладов. Самара, 1997.
53. *Горбунова Н.Г.* К вопросу о датировке комплексов с Шурабашатской керамикой в восточной Фергане //АС. Л., 1977. Вып. 18.
54. *Горбунова Н.Г.* Итоги исследования археологических памятников Ферганской области //СА. 1979. № 3.

55. Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тыс. н.э. Л., 1981.
56. Горбунова Н.Г. Женские украшения кугайско-карабулакской культуры Ферганы // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.
57. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
58. Деоник В.Б. Классификация бус Северного Кавказа // СА. 1959. № 3.
59. Досымбаева А.М. Отчет Луговского отряда Южно-Казахстанской археологической экспедиции за 1988 г. // Архив Института Археологии АН КазССР. 1989.
60. Досымбаева А.М. Новые археологические исследования раннетюркских погребений на территории Казахстана (на англ. яз.) // Известия НАН РК. 1995. № 4.
61. Досымбаева А.М. О социальной стратификации общества в государстве древних усуней // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996.
62. Досымбаева А.М. Погребальные сооружения кочевников Семиречья II в. до н.э. - V в. н.э. // Известия НАН - Министерства Науки РАН. 1996. № 2.
63. Досымбаева А.М. Особенности этнокультурного процесса в Семиречье во II в. до н.э. - V в. н.э. // Археологический сборник. Туркестан, 1997.
64. Досымбаева А.М. Вопросы генезиса культуры тюркского кочевого населения Казахстана // Отечественная история. 1998. № 3. С. 54-64.
65. Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: Изд-во ТОО «Типография Комплекс», 2006.
66. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. - I в. н.э. // САИ. М., 1980. Вып. Д4-7.
67. Дэвлет М.А. О происхождении минусинских ажурных поясных пластин. М., 1976.
68. Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников поздне-тюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
69. Завитухина М.П. Могильник времен ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3.
70. Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. - VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
71. Заднепровский Ю.А. Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир. Усуньский период // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
72. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // СА. 1978. № 2.

73. *Зуев ЮЛ.* К вопросу о взаимоотношениях усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I тыс. н.э. (поход гуннского шаньюя Чжичжи на Запад) //Известия АН КазССР. Серия истории, экономики и права. Алма-Ата, 1957. Вып. 2/5.
74. *Зуев ЮЛ.* К этнической истории усуней //Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960.
75. *Зуев ЮЛ.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
76. *Зуев ЮЛ.* Тамги лошадей из вассальных княжеств //Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1967.
77. *Зуев ЮЛ.* Юечжи и кушаны в свете китайских источников //Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1974.
78. *Зуев ЮЛ.* Сармато-Аланы Приаралья (Яньцай/Абзойя) //Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.). Проблемы генезиса и трансформации: Материалы международной конференции. Алматы, 5-7 июня 1995 г., Алматы, 1995. С. 38-49.
79. *Зуев ЮЛ.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Изд-во «Дайк-Пресс», 2002.
80. *Измайлов И.Л.* Хронология эволюции вооружения народов Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н.э. //Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: Тезисы докладов. Самара, 1997.
81. *Ильинская ВЛ.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля //Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
82. *Исмагулов О.И.* Материалы по антропологии тюрков Семиречья //Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
83. История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986.
84. *Кибиров А.К.* Работа Тянь-Шаньского археологического отряда //КСИЭ. 1957. Вып. XXVI.
85. *Кибиров А. К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане //Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959.
86. *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. Новосибирск, 1978.
87. *Ковалевская В.Б.* Хронология восточноевропейских древностей V-IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.
88. *Кожомбердиев И.* Могильник Акчий Карасу в долине Кетмень-тюбе //Известия АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Фрунзе, 1960. Т. II, вып. 3.
89. *Кожомбердиев И.* Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. 1960. Вып. 80.

90. *Кожомбердиев И.* Основные этапы истории культуры Кетмень-тюбе //Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977.
91. *Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина //Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
92. *Кондратенко А.П.* Западные хунны (опыт этно-исторической идентификации) //Этно-культурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тыс. н.э. Кемерово, 1994.
93. *Коновалов А.В.* Традиционные компоненты семейной обрядности казахов Южного Алтая //Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.
94. *Крюков М.В.* Исторические сочинения эпохи Хань. Глава 6 //Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
95. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
96. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
97. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Сибирское отделение РАН. Институт археологии и этнографии. Новосибирск, 2005.
98. *Кузнецова Т.Ф.* Зеркала из скифских могильников VI-VII вв. до н.э. //СА. 1987. № 1.
99. Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып. 2.
100. *Курманкулов Ж.* Погребение воина раннетюркского времени //Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1990.
101. *Кушаев Г.А.* Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. - III в. н.э.) //Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
102. *Кушаев Г.А.* Отчет Алакульского отряда Семиреченской археологической экспедиции 1966 г. //Архив ИА. Алма-Ата, 1966.
103. *Кушаев Г.А.* Ранние погребения Алакульской впадины //Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
104. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
105. *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971.
106. *Левина Л.М.* Некоторые итоги исследований Джетысарского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье //Маргулановские чтения. М., 1992.
107. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
108. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
109. *Литвинский Б.А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.

110. *Литвинский Б.А.* Оружие и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
111. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М., 1968.
112. *Максимова А.Г.* Усуньские курганы левобережья реки Или // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1959. Вып. 1/9.
113. *Максимова А.Г.* Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.
114. *Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
115. *Максимова А.Г.* Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 136-145.
116. *Максимова А.Г.* Цепочка курганов из могильника Караша 1 // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
117. *Максимова А.Г.* Узунбулак и Шошкала - могильники усуньского времени // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
118. *Максимова А.Г.* Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
119. *Максимова А.Г.* Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
120. *Мамадаков Ю. Т.* О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
121. *Мандельштам А.М.* Происхождение и ранняя история Кушан в свете археологических данных // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1974.
122. *Мандельштам А.М.* Заметки об археологических памятниках усуней // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.
123. *Мартынов А.И.* Вопросы истории и археологии Сибирского средневековья // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тыс. н.э. Кемерово, 1994.
124. *Матвеева Г.И.* О происхождении памятников новинковского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (тезисы докладов). Самара, 1995.
125. *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. XXIII.
126. *Минаева М.М.* Погребение с сожжением близ г. Покровки // Уч. записки СГУ. 1927. Т. VI, вып. 3.
127. *Могильников В.А.* Древнетюркские курганы Кара-коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
128. *Могильников В.А., Уманский А.П.* Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.

129. *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тыс. до н.э. М., 1997.
130. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. САИ, вып. Д1-10. М., 1963.
131. *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
132. *Нестеров С.П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
133. *Никитина Г.Ф.* Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука, 1985.
134. *Николаев Н.Н.* К вопросу о погребальной обрядности могильника Кокэль // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.
135. *Нурмуханбетов Б.Н.* Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
136. *Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4.
137. *Обельченко О.В.* Насыпи курганов в долине Зеравшана (к вопросу о ранней тюркизации Согда) // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990.
138. *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. М., 1992.
139. *Овчинникова В.Б.* К вопросу о захоронениях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
140. *Ольховский В.С.* Поминально-погребальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1.
141. *Ольховский В.С.* Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, РАН ИА, 2005.
142. *Петенева Г.Г.* Бинарные изображения птиц на предметах художественной металлообработки средневековых кочевников // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. Алматы, 1996. № 4.
143. *Полтарацкая В.Н.* Могильник Березовка I // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3.
144. *Потанов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 82.
145. *Прохорова Т.А., Гугуев В.К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. С. 142-160.
146. *Пташников И.В.* Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // Труды ХАЭЭ. М., 1952. Т. 1.
147. *Радлов В.В.* Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1987.
148. *Распопова В.И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины (по материалам раскопок на Ак Бешиме в 1953-1954 гг.) // Труды кирг. археолого-этнографической экспедиции. М., 1960. Т. IV.

149. *Распопова В.И.* Поясной набор Согда VII-VIII вв. //СА. 1965. № 4.
150. *Руденко СИ.* Культура хуннов и ноиулинские курганы. М.; Л., 1962.
151. *Савинов Д.Г.* Об этническом определении археологических памятников в эпоху средневековья //Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
152. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
153. *Самашев З.С.* Памятники кулажургинского типа //Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. Гл. IV.
154. *Самашев З., Григорьев Ф.* Древности Алматы. Алматы, 2005. С. 54-55.
155. *Сенигова Т.Н.* Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI-IX вв. //В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
156. *Синицын И.В.* Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды ИИАЭ КазССР. Алма-Ата, 1956.
157. *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда у с. Молчановка //МИА. М., 1959. № 60, т. 1.
158. *Смирнов К.Ф.* Курганы у с. Иловатка //МИА. М., 1959. № 60, т. 1.
159. *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
160. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
161. *Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль //Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1986.
162. *Сорокин С.С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы //СА. 1954. Вып. XX.
163. *Сорокин С.С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника //КСИ-ИМК. 1956. Вып. 64.
164. *Сорокин С.С.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. 1956. Т. XXVI.
165. *Сташенков Д.А.* Об одной группе раннесредневековых украшений самаро-симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) //Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): Тезисы докладов. Самара, 1997.
166. *Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северное предгорье в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.
167. *Сушанло Ф.М.* Древняя Крорайна. Комплекс этнокультурных проблем. Бишкек, 1993.
168. *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Исследование памятника Беш Таш Коро. //Научная конференция профессорско-преподавательского состава исторического факультета (тезисы докладов). Бишкек.
169. *Табалдиев К.Ш.* Общая характеристика погребального комплекса кочевых племен VI-X вв. //Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня

и сравнительный анализ с определенными регионами Центральной Азии. Бишкек, 1996.

170. *Ташбаева КМ.* Новые аспекты в культуре ранних кочевников Тянь-Шаня //Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.

171. *Ташбаева К.И.* Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня //Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.

172. *Трифонов Ю.И.* Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы //Первобытная археология Сибири. Л., 1987.

173. *Трудновская С.А.* Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак Калы //Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945-1948 гг. М., 1952.

174. *Уанг Бо, Чжанг Чон Го.* Отчет о раскопках усуньских курганов в области Нильке //Новый сборник археологических памятников Синьцзяна. Урумчи, 1995 (на кит. яз.).

175. *Уанг Бо, Чжанг Чон Го.* Отчет о раскопках курганов в Текеской области, к северо-западу от Кюнеса //Новый сборник археологических памятников Синьцзяна. Урумчи, 1995 (на кит. яз.).

176. *Уанг Минг Дже, Ли Шао.* Отчет о раскопках древних курганов Сутунбулака //Новый сборник археологических памятников Синьцзяна. Урумчи, 1995 (на кит. яз.).

177. *Уманский АМ.* Памятники эпохи «Великого переселения народов на Алтае» //Урало-Алтаистика, археология, этнография, язык. Новосибирск, 1975.

178. *Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

179. *Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал //СА. 1963. № 4.

180. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

181. *Чанг Си Ен.* Усуньское поселение на территории Кюнеса /бригада 71 //Новый сборник археологических памятников Синьцзяна. Урумчи, 1995 (на кит. яз.).

182. *Черников С.С.* Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников //Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1975.

183. *Чистов К.В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры //СЭ. 1972. № 3.

184. *Чупахин В.М.* Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1987.

185. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства //Т. 3. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1985.

186. *Ivanov V.A., Garustovic G.N.* The Results of the Statistical Analyses of Funeral Rites of the Nomads in the «Great Steppe Belt» in the 10th-11th Centuries and

their Ethnic Interpretation // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994.

187. *Ogel B.* The History of Kushans and Chinese Sources // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1975.

188. Historic relics of Xinjiang. 1993. № 4; 1994. № 2.

189. *Sinor D.* The legendary origin of the Turks. Folklorica. Festschrift for the Felix D. Qinas. Bloomington, 1982.

190. *Shiratori K.* A study on Su-te or Sogdiana // Memories of the Research Department of Toyo BUNKA. 1928.

CONCLUSION

The history of Semirechie regions population during the period since the I millennium BC and in the first half of the first millennium AD was going in the frames of the general way of the cultural - historical process of Central Asian population.

It has been established in the result of research of burial ceremony, types of burials, inventory that in the period from the II c BC to the I c AD on the territory of Zhetysu was going the process of nomadic culture forming which found its reflection in the monuments of Saka - Sarmat circle. Characteristic features of burial constructions and ceremony of that period are included into the general scheme of cultural — historical process only with such difference that Sakae component on this stage is the leading one.

In the monuments of the second period, in the II-V cc AD are observed the essential changes in the burial ceremony and in the content of inventory. Another monuments appear together with burial monuments of the first period existed on the land of Jetysu. The new burial complexes presented by under burial mound ground burials with overlapping made of wood, boards, with vessels close by the type of ceramics from the monuments of settled agricultural circle and the types of vessels from the medieval Turkic burial mounds are the evidences of the culture of population, the carriers of which were the tribes of a — smans (Wu-suns), which populated the lands of Turkestan region from the ancient times.

The early stage of ethno genesis of the tribal union of a-smans, its forming from the small possession up to the statehood as by written sources and by archaeological data took the pence on the territory of East Turkestan. Localization of the Wu-sun state in the II–V cc AD on the territory of Zhetysu had been established in the result of correlation of complex of facts (written sources, archaeological material). In general the process of forming of Turks nomads culture was going regionally on the territory of Turkestan (in the wide geo-spatial understanding of this term) and covers chronologically the period from the I millennium AD to the first half of the I millennium AD.

From another side the monuments of the previous period continue their existence on the new stage keeping the separate elements of the traditional culture. The peculiarity of the ethnic — cultural process of I half of the I millennium AD is the factor of infraction and interinfluence of cultures in the conditions of one economy and cultural model, in the frames of common Central Asian — Kazakhstan historical cultural region. The consequence of «consolidation of variegated ethnic nomenclature, leveling of culture and interaction of languages and dialects, forming of common language and anthropogenesis which happened in the frames of the first state formations of Hunnu, Wu-suns, Turks... was the beginning of forming of Turks speaking people and forming of one of the first Turks states on the territory of Kazakhstan (Akishev, 1988, p 98; 1997, c 16).

ТҮЙІН

Біздің заманымызға деш I мыңжылдықтың соңы мен біздің заманымыздың I мыңжылдығы кезеңінің бірінші жартысындағы Жетісу халқының тарихы Орталық Азиядағы халықтың тарихи — мәдени процесіндегі жалпылама ағымның арнасында өтеді.

Жерлеу салтын, оның түрлері мен ішкі құрылымын зерттеу нәтижесінде б. з. д. II р. — б. з. I ғ. кезеңінде Жетісу территориясында сак — сарматтардың ескерткіштерінде Керініс тапқан кешпелшер мәдениетінің калыптасу кезеңінің жүргендігі анықталды. Бұл кезеңнің жерлеу құрылымы мен салтына тән ерекшеліктері бұл кезеңдегі сак компонентші жетекші орында болғандығымен мәдени-тарихи процесітегі жалпы схемаға жатқызылады.

Біздің заманымыздың II — V ғғ. екінші кезеңінің ескерткіштеріндегі жерлеу салты мен инвентарь құрамында айтарлықтай өзгерістер байкалады. 0зші тіршілігін Жетісу жерінде жалғастырып жатқан бірінші кезеңнің жерлеу ескерткіштерімен қатар басқалары да пайда бола бастаған болатын. Отырықшы аймақтардағы ескерткіштердің керамикасының түрі мен ортағасырлық турю қорғандарындағы ыдыстардың түріне жақын ыдыстары бар қорғанды жерлеу кешендері алып жүрушілері Түркістан территориясын ежелден қоныстанған а-сман (үсін) тайпасы болған қоныстану мәдениеті екендігіне куә бола алады.

А-сман тайпалық одағының этногенезші ерте кезеңі, шағын иеліктен мемлекеттілікке дейінгі құрылым жазба мәліметтердегі сияқты археологиялық мағлұматтар бойынша да Шығыс Турюстан территориясында өтеді. Жетісу территориясындағы б. з. II — V ғғ. Үсүн мемлекеті дәлелді кешендерді (жазба дерек көздері, археологиялық материалдар) салыстыру нәтижесінде анықтала түсуде. Тұтас алғанда, түркілердің/көшпелілердің мәдениетін калыптастыру процесі Түркістан территориясы аумағында өтеді (кең ауқымда). Кезеңделуі жағынан б. з. д. I мыңжылдықтың аяғы — б. з. I мыңжылдықтың бірінші жартысын алып жатыр.

Баска жағынан, еткен дәуірдің ескерткіштері дәстүрлі мәдениеттің жеке элементтерші сактай отырып, жаңа кезеңде езіші еМір сүрүін жалғастырады. Б. з. I мыңжылдығының I жартысында этномәдени процесінің ерекшелігі тұтас ортаазиялық-казакстандық тарихи — мәдени аумақ шеңберінде, бір ғана шаруашылық және мәдениет тип жағдайында езара ықпал және эсер ету факторы болып табылады.

**Карта расположения
могильников Жетысу (Семиречья)**

СЕМИРЕЧЬЕ: РАСПОЛОЖЕНИЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ II ВВ. ДО Н.Э. - V В. Н.Э.

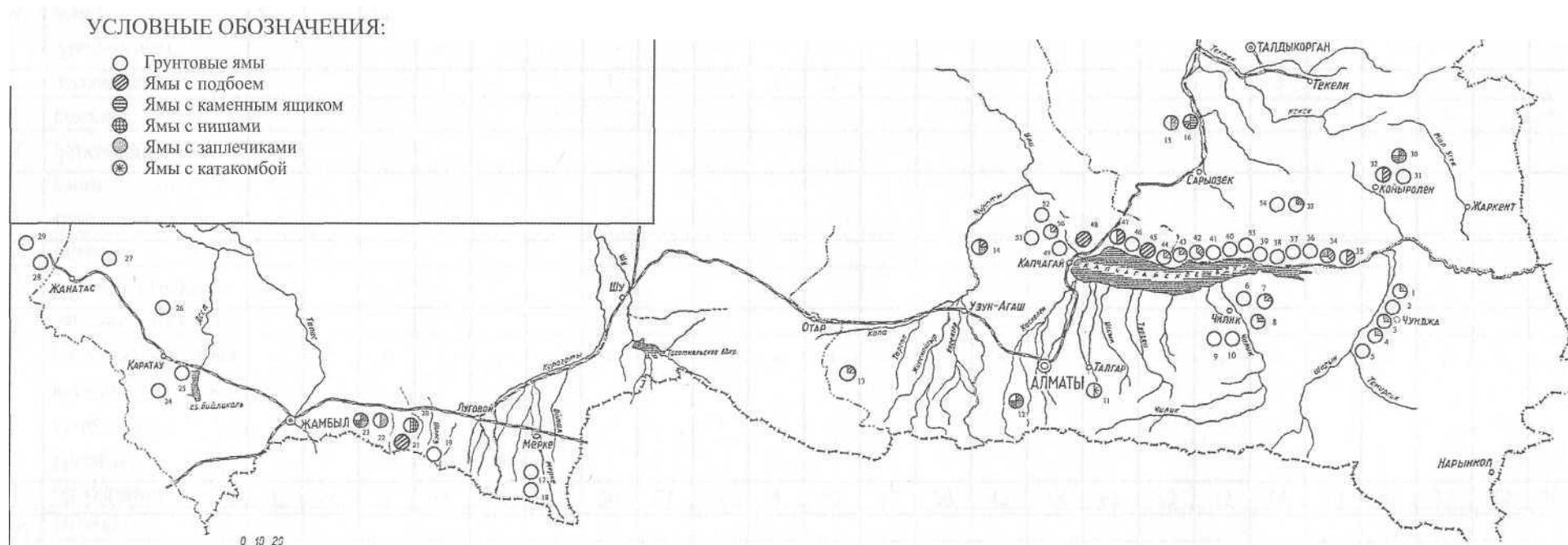


Таблица 1

**МОГИЛЬНИКИ.
ПОДКУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ**

№ п/п	Могильники	Сарьгогай 1								Сарьгогай 2								Сарьгогай 3						
		1	4	5	11	12	13	20	21	3	4	13	28	29	47	48	67	73	75	14	20	21	23	25
1.	№ курганов																							
2.	Насыпь:) земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи							+												+	+		+	+
4.	Выкладка над ямой																							
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень																							+
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш		+	+	+		+			+		+				+	+				+		+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Сарьгогай 1								Сарьгогай 2								Сарьгогай 3							
		1	4	5	11	12	13	20	21	3	4	13	28	29	47	48	67	73	75	14	20	21	23	25	26а
8.	Ориентировка погребенного	СЗ	ЗСЗ	СВ	СЗ	ЗЮЗ	СЗ	ЗЮЗ	СЗ	ЗСЗ	СЗ	ССВ		сев	СЗС	ССЗ	ЗСЗ		ССВ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество				+	+	+	+												3				3	+
11.	Ножи				+	+	+					+									+		+		
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																								
13.	Пряжки														+						+				
14.	Булавки (шпильки)																								
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты	+									+			+							+				
16.	Шилья																								
17.	Прочие находки														+	+			+						
18.	Кости животных				+	+						+									+				
19.	Ограбления														+	+	+								

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Сарьгогай 3										Мойынтогай 1							Мойын- тогай 2	
		38	46	55	59	62	69	81	83	85	91	1	4	5	11	12	13	20	28	29
1.	№ курганов																			
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня																+		+	
		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+
3.	Кольцо вокруг насыпи	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+					
4.	Выкладка над ямой																			
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень																			
					+															
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками																			
		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш																			
		+	+	+		+		+		+	+		+		+		+			
											+						+			

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Сарытогай 3										Мойынтогай 1							Мойын- тогай 2	
		38	46	55	59	62	69	81	83	85	91	1	4	5	11	12	13	20	28	29
1.	№ курганов	38	46	55	59	62	69	81	83	85	91	1	4	5	11	12	13	20	28	29
8.	Ориентировка погребенного	СЗ	СЗ	СВ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	ССЗ	ССЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СЗ		СЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество		1		1	1	1	2		1	1				+	1	1	1	1	
11.	Ножи	+	+	+		+				+	+				+	+	+			
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																			
13.	Пряжки																			
14.	Булавки (шпильки)																			
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты											+								+
16.	Шилья																			
17.	Прочие находки																			
18.	Кости животных	+	+	+		+		+		+	+					+				
19.	Ограбления																			

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Бетагач								Дехкан												
		61	69	71	91	93	216	217	252	28	40	46	57	80	81	83	105	115	131	145	146	
1.	№ курганов																					
2.	Насыпь: земляная каменная) каменно-земляная выкладка из камня		+	+	+	+	+	+	+													
3.	Кольцо вокруг насыпи																	+				
4.	Выкладка над ямой															+	+	+				
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень											+	+				+	+	+			
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками				+		+			+	+		+	+	+	+		+		+		+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш				+		+					+	+						+	+	+	

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Бетагач								Дехкан												
		61	69	71	91	93	216	217	252	28	40	46	57	80	81	83	105	115	131	145	146	
1.	№ курганов																					
8.	Ориентировка погребенного				ЗСЗ		ЗЮЗ				3	3		3	3		3	ССЗ	3	3	3	
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно				+		+				+	+					+		+	+	+	
10.	Керамика: фрагменты количество						+				3	2		+	+		3		1	1	1	
11.	Ножи																					
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																					
13.	Пряжки																					
14.	Булавки (шпильки)						+			+									+	+		
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты						+							+					+			
16.	Шилья						+															
17.	Прочие находки				+		+		+										+			
18.	Кости животных															+	+			+		
19.	Ограбления															+				+		

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Чиликский									Жуангобе 1									
		2	20	22	24	25	35	42	46	48	10	11	15	16	31	34	36	43	44	45
1.	№ курганов																			
8.	Ориентировка погребенного		ЗЮЗ	ЗЮЗ	3	ЗЮЗ	ЗЮЗ	ЗЮЗ	ЗЮЗ	ЮЗ	ЗЮЗ		3	3	СЗ	ЮЗ	ЮЗ	ЗЮЗ	3	ЗЮЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно		+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество		1			+					1					1			1	
11.	Ножи								+	+				+						
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																			
13.	Пряжки																			
14.	Булавки (шпильки)									+										
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты					+	+				+							+		
16.	Шилья																			
17.	Прочие находки																			
18.	Кости животных		+						+				+				+			
19.	Ограбления	+	+	+	+	+					+	+	+		+			+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Жуантобе 1								Жуантобе 2					
		48	49	61	70	81	84	88	94	13	28	34	41	77	78
1.	№ курганов														
2.	Насыпь: земляная каменная) каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи														
4.	Выкладка над ямой														
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень														
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш	+		+	+			+		+	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Жуангобе 1								Жуангобе 2					
		48	49	61	70	81	84	88	94	13	28	34	41	77	78
1.	№ курганов	48	49	61	70	81	84	88	94	13	28	34	41	77	78
8.	Ориентировка погребенного	ЗЮЗ	ЗЮЗ	3	3	3	3	ЗЮЗ	ЗЮЗ	ЗСЗ	ЗЮЗ	ЗЮЗ	ЮЗ	ЗЮЗ	ЗСЗ
9.	Положение) погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество		1		1			1		2	2	2	1		+
11.	Ножи	+						+				+			
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы														
13.	Пряжки														
14.	Булавки (шпильки)		+								+				
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты	+								+	+	+		+	+
16.	Шилья										+			+	
17.	Прочие находки	+						+		+					
18.	Кости животных			+	+			+		+	+	+	+	+	
19.	Ограбления		+					+							

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Талгарский						Тасты булак																			
		1	2	3	4	5	6	3			4		5			6	9	12	25		26	А	Б	В	Г	27	
								1	2	3	1	2	1	2	3				1	2							
2.	Насыпь: земляная каменная) каменно-земляная выкладка из камня							+	+	+	+	+	+	+					+								
3.	Кольцо вокруг насыпи							+	+	+	+	+	+	+					+								
4.	Выкладка над ямой																										
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень	+	+	+		+													+	+		+					
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+		+					+		+	+	+		+			+		+			+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш	+	+	+	+	+	+					+	+	+					+	+	+						

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Талгарский						Тасты булак																			
		1	2	3	4	5	6	3			4		5			6	9	12	25		26	А	Б	В	Г	27	
	№ курганов							1	2	3	1	2	1	2	3				1	2							
8.	Ориентировка погребенного	3						ЮЗ	СВ		3		ЗЮЗ	ЗЮЗ	3	3	3		ЗЮЗ	ЮЗ	3	ЮЗ	с	СВ	СВ	3	
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+						+	+		+		+	+		+			+	+	+	+	+			+	
10.	Керамика: фрагменты количество	+						+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+						+	
		5	2		2	3	3				1		1	1		1			1	2		1					
11.	Ножи						+									+											
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																										
								+	+												+			+	+		
13.	Пряжки																										
14.	Булавки (шпильки)										+		+			+					+						
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты										+		+													+	
16.	Шилья																										
17.	Прочие находки		+	+	+	+	+	+				+				+			+	+	+						
18.	Кости животных																										
19.	Ограбления	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+					+	+			+	+	+	+	+	+	

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Актерек							Курты							Кадырбай 2				Кадырбай 3					
		69	70	70а	73	74	78	82	25	26	27	53	54	56	57	7	16	19	21	24	14	18	19	20	21
1.	№ курганов	69	70	70а	73	74	78	82	25	26	27	53	54	56	57	7	16	19	21	24	14	18	19	20	21
8.	Ориентировка погребенного	СЗЗ	СЗ	ЗСЗ	СЗ	СЗ	ССЗ	3	ЮЗ	3	СЗ	3	3	3	3	3		СЗ	3	3	3	3	3	3	СЗ
9.	Положение погребенного: 1 вытянуто скорченно	+	+	+	+	++	+	+	+	+	+	+	+	++	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество	2	1	1				2					2		1			1		1	1	1	1	1	1
11.	Ножи	+			+								+								+				+
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы													++											
13.	Пряжки																				+				
14.	Булавки (шпильки)			+																					+
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты				+							+													+
16.	Шилья																								
17.	Прочие находки				+										+										+
18.	Кости животных			+	+							+	+		+						+	+	+		+
19.	Ограбления						+		+	+	+			+	+	+	+	+							

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Кор- жайляу	Кызылауыз		Тоспа				Караша 1							Караша 2				
									1	2	3	4	21	22		23	24	25		
1.	№ курганов	1			1	2	3	4	21	1	2	23	24	1	2	3	4	8	21	
2.	Насыпь: земляная каменная) каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+																
					+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
3.	Кольцо вокруг насыпи		+		+	+	+	+	+	+										
4.	Выкладка над ямой																			
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень																	+	+	+
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+			+								
																		+	+	+
										+	+	+		+	+	+		+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш																			
										+	+	+	+	+	+	+		+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Кор- жайляу	Кызылауыз		Тоспа				Караша 1							Караша 2			
									21	22		23	24	25			4	8	21
1.	№ курганов	1			1	2	3	4	21	1	2	23	24	1	2	3	4	8	21
8.	Ориентировка погребенного	3	СЗ	СЗ	3	3	СЗ	СЗ	3СЗ		3СЗ	3СЗ	3СЗ	3СЗ		3СЗ	СЗ	СЗ	СЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество	1												1	1			1	
11.	Ножи	+																+	
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																		
13.	Пряжки																		
14.	Булавки (шпильки)							+											
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты															+	+	+	+
16.	Шилья																		
17.	Прочие находки																+		+
18.	Кости животных	+																	
19.	Ограбления			+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+			

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Узун-Булак														
		3	4	5	9			10	15	16	17	18	21	22	23	24
1.	№ курганов				1	2	3									
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+		+			+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи	+	+	+		+			+	+	+	+	+	+	+	+
4.	Выкладка над ямой			+								+				
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень															
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+		+	+	+	+	+			+				
7.	Перекрытие: дерево камень камыш			+						+						

Продолжение таблицы 1

№ п/п	МОГИЛЬНИК	Узун-Булак															
		3	4	5	9			10	15	16	17	18	21	2 2	2 3	2 4	
1.	№ курганов				1	2	3										
8.	Ориентировка погребенного	3			ЗЮЗ	ЗЮЗ	ЗЮЗ	3	3		3	3	ЗСЗ				
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно				+	+	+	+				+	+	+			
10.	Керамика: фрагменты количество	+	+	+	2		2				1	3	1				
11.	Ножи					+		+				+					
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																
13.	Пряжки																
14.	Булавки (шпильки)													+			
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты											+					
16.	Шилья								+								
17.	Прочие находки			+													
18.	Кости ЖИВОТНЫХ	+		+	+		+					+					+
19.	Ограбления	+	+	+						+	+		+				

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Узун-Булак							Шошкала							
		27	29	34	37	48	53	54	18	29	52	53	56	59		
1.	№ курганов														1	2
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+		+		+	+	+	+				+			+
3.	Кольцо вокруг насыпи	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
4.	Выкладка над ямой								+							
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень								+							
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками		+						+	+					+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш												+			

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Узун-Булак							Шошкала						
		27	29	34	37	48	53	54	18	29	52	53	56	59	
1.	№ курганов													1	2
8.	Ориентировка погребенного				3	3			3			3	ЗЮЗ	3	ЗСЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно				+	+			+			+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество			1		1		2	+			1	+	1	+
11.	Ножи								+				+		
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы														
13.	Пряжки												+		
14.	Булавки (шпильки)														
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты							+					+	+	
16.	Шилья												+	+	
17.	Прочие находки												+	+	
18.	Кости животных							+	+				+		
19.	Ограбления	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Шошкала														
		83	87	105	109	113	122	127	129	132	135	138	140	146	147	152
1.	№ курганов	3	3ЮЗ	3	3СЗ	СЗ		3ЮЗ	3СЗ	СЗ	3		3СЗ		СЗ	
8.	Ориентировка погребенного															
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+		+	
10.	Керамика: фрагменты количество	+	+		1			1	1	1	4		1			
11.	Ножи															
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы															
13.	Пряжки														+	
14.	Булавки (шпильки)	+														
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты															
16.	Шилья															
17.	Прочие находки								+			+				
18.	Кости животных	+						+							+	
19.	Ограбления	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Берккара													
		59	58	60	61	62	71	72	75	76	94	95	97	127	270
1.	№ курганов														
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи	+				+									
4.	Выкладка над ямой	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень										+				
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш						+	+							

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Шошкала														
		83	87	105	109	113	122	127	129	132	135	138	140	146	147	152
1.	№ курганов	83	87	105	109	113	122	127	129	132	135	138	140	146	147	152
8.	Ориентировка погребенного	3	ЗЮЗ	3	ЗСЗ	СЗ		ЗЮЗ	ЗСЗ	СЗ	3		ЗСЗ		СЗ	
9.	Положение) погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+		+	
10.	Керамика: фрагменты количество	+	+		1			1	1	1	4		1			
11.	Ножи															
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы															
13.	Пряжки														+	
14.	Булавки (шпильки)	+														
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты															
16.	Шилья															
17.	Прочие находки								+			+				
18.	Кости животных	+						+							+	
19.	Ограбления	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Берккара													
		59	58	60	61	62	71	72	75	76	94	95	97	127	270
1.	№ курганов														
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи	+				+									
4.	Выкладка над ямой	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень										+				
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш						+	+							

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Берккара													
		59	58	60	61	62	71	72	75	76	94	95	97	127	270
1.	№ курганов														
8.	Ориентировка погребенного								3	3					
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно									+	+				
10.	Керамика: фрагменты количество			+	+		+	+			+			+	3
					1			1	4	2	2		1	2	
11.	Ножи				+				+				+		
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы														+
					+		+							+	
13.	Пряжки					+									
14.	Булавки (шпильки)														
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты	+	+								+			+	
16.	Шилья		+												+
17.	Прочие находки	+		+	+		+								
18.	Кости животных														
19.	Ограбления	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Берккара								
		400	410	404	405	446	448	454	7	22
1.	№ курганов	400	410	404	405	446	448	454	7	22
8.	Ориентировка погребенного	3						ЗЮЗ	ЗСЗ	СЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+						+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество		+			+	+	+	+	+
11.	Ножи								1 +	1
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы						+			
13.	Пряжки									
14.	Булавки (шпильки)									
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты		+				+		+	+
16.	Шилья					+	+			+
17.	Прочие находки								+	
18.	Кости животных									
19.	Ограбления		+	+	+	+	+	+		

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Жеты-шоко (ограды)					Кыр-Чебакты		Баба-ата
		7	9	6	10	8	26	44	
1.	№ курганов								
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+		+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи							+	
4.	Выкладка над ямой								
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень								
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками			+		+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш			+			+	+	

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Жеты-шоко (ограды)					Кыр-Чебакты		Баба-ата
		7	9	6	10	8	26	44	1
1	№ курганов	7	9	6	10	8	26	44	1
8.	Ориентировка погребенного	СЗ		СЗ		СЗ	СЗ	ЗЮЗ	СЗ
9.	Положение погребенного:) вытянуто скорченно	+		+				+	
10.	Керамика: фрагменты количество	*	1		+	1		1	
П.	Ножи								
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы								
13.	Пряжки								
14.	Булавки (шпильки)								
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты						>		+
16.	Шилья				.				
17.	Прочие находки				,		+		
18.	Кости животных				>				+
19.	Ограбления		+	+	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Кенсай (ограды)							Шормак I						Шормак III	
		18	35	7	32	41	42	8	17	23	26	27	28	32		34
1.	№ курганов															
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня			+	+	+	+									
		+	+					+	+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи		+						+	+	+	+	+	+	+	+
4.	Выкладка над ямой				+											
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень											+	+	+	+	+
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+		+	+	+	+			+	+				+
									+	+			+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево амень камыш										+					
		+			+	+	+	+	+			+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Кенсай (ограды)							Шормак I							Шормак III
		18	35	7	32	41	42	8	17	23	26	27	28	32	34	180
1.	№ курганов	СЗ	ССЗ	ЗЮЗ	СЗ	СЗ	СЗ	ЮЗ	ЮЗ	СЗ		3	3	3	3	СЗ
8.	Ориентировка погребенного															
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество	2	1	1	2	2	2	5	4	2		1		2	1	2
11.	Ножи							+		+				+	+	
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы							-		+						
13.	Пряжки															
14.	Булавки (шпильки)		+								+			+		
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты					+	+				+					
16.	Шилья															
17.	Прочие находки		+				+	+	+		+		+			
18.	Кости животных		+											+	+	+
19.	Ограбления			+	+						+	+				

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Алтын Эмель	Калкан 1													
			17	26	37	60	61	62	63	64	65	66	67	68	70	87
1.	№ курганов	2	17	26	37	60	61	62	63	64	65	66	67	68	70	87
8.	Ориентировка погребенного	ЮЗ	3	3	3		3	3	3	3		3	3			
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно		+		•		+		+	+			+			
10.	Керамика: фрагменты количество	1	1		1		1	1	1	2		1	1	1		
11.	Ножи			+	+			+		+		+	+	+		
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы															
13.	Пряжки			+												
14.	Булавки (шпильки)					+			+							
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты				•											\\ i
16.	Шилья		+		+			+								
17.	Прочие находки					+						+	+		+	
18.	Кости животных														+	
19.	Ограбления					+					+				+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Калкан IV							Арал-тобе 1					
		4	10	11	12	13	14	4	6	8	17	26	27	
1.	№ курганов	4	10	11	12	13	14	4	6	8	17	26	27	
						1	2							
8.	Ориентировка погребенного	3		3	3	3	3	3	3	3	3			3
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+		+		+	+	+	+	+	+			
10.	Керамика: фрагменты количество	1	1	1				1						
11.	Ножи	+		+			+	+						
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы													
13.	Пряжки													
14.	Булавки (шпильки)						+		+					
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты								+					
16.	Шилья													
17.	Прочие находки													
18.	Кости животных	+					+	+						
19.	Ограбления		+		+			+				+	+	

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Бесшатыр II											Унгур-Кора 1										
		3А	6А	ПА	3Б	6Б	8Б	10Б		11Б	13Б	19Б	13	14	16	21	22	23	24	26	27	28	
								1	2													1	2
8.	Ориентировка погребенного			3		3	3					3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно			+								+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество	1	+	1	1			2	1	2		1	1			1	2	1		2		2	
11.	Ножи				+		+					+			+	+				+	+		
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																						
13.	Пряжки																						
14.	Булавки (шпильки)											+				+			+	+			
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты			+																		+	
16.	Шилья	+	+									+						+	+			+	
17.	Прочие находки						+	+				+										+	
18.	Кости животных														+	+						+	
19.	Ограбления	+	+		+	+		+	+	+	+		+	+									

№ п/п	Могильники	Унгур-Кора 1						Унгур-Кора 2															
		29	30	31	33	34	35	4	8	9	10	11	12	13		16	18	20	26		28	31	34
1.	№ курганов													1	2				1	2			
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	+	+																
								+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи			+		+	+															+	
4.	Выкладка над ямой																						
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень																						
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш					+		+										+					+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Унгур-Кора 1						Унгур-Кора 2																
		29	30	31	33	34	35	4	8	9	10	11	12	13		16	18	20	26		28	31	34	
1.	№ курганов													1	2					1	2			
8.	Ориентировка погребенного	3			3			СЗ	3	3	3	3	3	3	3	3		3	3	3		3	3	
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно				+	+		+	+	+	+	+								+	+		+	+
10.	Керамика: фрагменты количество				2	1	2	1	1		1	1	2	2						1			3	
11.	Ножи				+																			
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																							
13.	Пряжки																							
14.	Булавки (шпильки)																							
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты				+																	+	+	
16.	Шилья																							
17.	Прочие находки						+				+									+	+		+	
18.	Кости животных				+						+	+	+	+			+					+		
19.	Ограбления	+	+	+		+	+									+		+					+	

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Кызылауыз 3																		Кызылауыз 2					
		9		11		16	23	25		28	46	56	73	76	79		80	82		83	93	10	11	15	20
1.	№ курганов	1	2	1	2			1	2					1	2		1	2							
8.	Ориентировка погребенного	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3		В	ЮЗ			
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+		
10.	Керамика: фрагменты количество	1	1	2	2	1	1						1	1			1	2			1	1	3	2	1
11.	Ножи	+				+				+					+		+		+						
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																								
13.	Пряжки																								
14.	Булавки (шпильки)												+			+									
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты																			+					
16.	Шилья																								
17.	Прочие находки														+								+		
18.	Кости животных	+				+		+		+	+	+	+	+		+	+		+	+		+			
19.	Ограбления			+	+							+	+								+	+		+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	J													
		Тайрак 1													
1	№ курганов	1А	1	2Б	3А	4		4А	5	7	12	15	16	16Б	17
						1	2								
2	Насыпь земляная каменная														
A	каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	>	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	Кольцо вокруг насыпи		+		+			+	+	+		+		+	+
4	Выкладка над ямой			V J											
5	Заполнение ямы камень, земля, камень								+						
6	Тип могилы яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+		+		+	+	+	+	+	+		+	+	+
			+		+			+		+		+			
												>			
												+			
7	Перекрытие дерево камень камыш	+		+								+	+	+	+
												+			+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Тайгак 1													
		1А	1	2Б	3А	4		4А	5	7	12	15	16	16Б	17
	№ курганов					1	2								
8	Ориентировка погребенного	3	3	3		3	3	3		3		СЗ			
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+			+	+		+		+			
10.	Керамика: фрагменты количество	1		1			2	2	+	1		1		1	
11.	Ножи	+		+				+			•+	+			
12	Оружие: мечи/кинжалы стрелы														
13	Пряжки	+		+	+										
14.	Булавки (шпильки)	+		+	+										+
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты			+))		+			
16.	Шилья	+													+
17	Прочие находки				+	+		+				+			
18.	Кости животных														
19.	Ограбления		+		+				+	+	+		+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Кызыл-Эспе									Чулак-Джигиде 1										Чулак- Джигиде 2		
		50	51	65	72	77		89	97	102	6		31	36	40	45	50		55		42	46	
1.	№ курганов					1	2				1	2					1	2	1	2			
8.	Ориентировка погребенного	3	3	3	СЗ		3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	СЗ	3	3	3	3
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество	1	1	1	1	1	2		1		1	1	1	1	1	2	1		1	1	1	1	
11.	Ножи	+	+	+		+	+	+	+	+		+		+	+	+						+	
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																						
13.	Пряжки																						
14.	Булавки (шпильки)						+	+	+					+	+	+						+	
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты								+	+													
16.	Шилья																						
17.	Прочие находки							+	+														
18.	Кости животных		+	+				+	+	+			+		+	+	+			+	+	+	
19.	Ограбления																		+				

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Утеген 3								Утеген 1, 2						Капчагай 2			
		4	6	8	Б	16	27		28	1	3	4	5	67	72	2	3		4
							1	2									1	2	
8.	Ориентировка погребенного	3	СЗ	3	СЗ	3	СЗ		3		СЗ	СЗ	3	СЗ	3		3	3	
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+	+	+		+	+	
10.	Керамика: фрагменты количество	1	1	1	1	1	2	1	1		1	1		1	1				
11.	Ножи	+	+	+							+	+	+	+	+				
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																		
13.	Пряжки					+													
14.	Булавки (шпильки)					+								+				+	
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты																		
16.	Шилья																		
17.	Прочие находки												+						
18.	Кости животных	+	+	+				+	+		+	+	+	+	+		+		
19.	Ограбления									+						+			+

№ п/п	Могильник	Капчагай 3 (курганы)											
		3	4	5	6	8	11	17	20	22	24	27	40
1.	№ курганов												
2.	Насыпь: земляная каменная) каменно-земляная выкладка из камня												
		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4.	Выкладка над ямой	+			+					+		+	+
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень									+			
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+		+	+	+	+		+		+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш		+			+		+					
						+			+				
									+				

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Капчагай 3 (курганы)											
		3	4	5	6	8	11	17	20	22	24	27	40
1.	№ курганов	3	4	5	6	8	11	17	20	22	24	27	40
8.	Ориентировка погребенного	СЗ		СЗ		3						3	СЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+		+		+						+	+
10.	Керамика: фрагменты количество			+				+					+
11.	Ножи		+					+		+			
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы								+				
13.	Пряжки										+		
14.	Булавки (шпильки)			+						+			
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты									+			
16.	Шилья												
17.	Прочие находки								+			+	
18.	Кости животных							+		+			
19.	Ограбления	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Капчагай 3 (ограды)																		
		1	2	9	12	13		16	18	19	21	25	26	33	34	35	38	41	42	43
1.	№ курганов					1	2													
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3.	Кольцо вокруг насыпи																			
4.	Выкладка над ямой	+			+				+		+									+
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень													+	+			+		
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш				+		+		+				+	+		+		+		

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильник	Капчагай 3 (ограды)																		
		1	2	9	12	13		16	18	19	21	25	26	33	34	35	38	41	42	43
1.	№ курганов					1	2													
8.	Ориентировка погребенного	СЗ	СВ	СЗ		СЗ	СЗ	СЗ	СЗ	СВ	СЗ		СЗ	3	3	3	СЗ	3	СЗ	СЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно	+	+	+		+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
10.	Керамика: фрагменты количество				+												+			
11.	Ножи		+						+		+		+			+		+		+
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы																			
13.	Пряжки																			
14.	Булавки (шпильки)	+							+			+				+		+		
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты		+													+		+		+
16.	Шилья																			
17.	Прочие находки			+												+				
18.	Кости животных				+						+			+		+			+	+
19.	Ограбления				+	+		+				+		+						

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Могильники	Могильник 1			Могильник 2			Могильник 29Б					Кызылсай
		1	4	5	56	58		1	2	10	14	15	
						1	2						
2.	Насыпь: земляная каменная каменно-земляная выкладка из камня							+	+				+
		+	+	+	+	+	+						
3.	Кольцо вокруг насыпи								+		+	+	+
4.	Выкладка над ямой	+	+	+									
5.	Заполнение ямы: камень, земля, камень												+
6.	Тип могилы: яма подбой ящик катакомба яма с нишей яма с уступом яма с заплечиками	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
7.	Перекрытие: дерево камень камыш			+				+	+	+	+	+	+
									+				

Окончание таблицы 1

№ п/п	Могильники	Могильник 1			Могильник 2			Могильник 29Б					Кызылсай	
		1	4	5	56	58		1	2	10	14	15		2
	№ курганов					1	2							
8.	Ориентировка погребенного				С	С		3			3			ЮЗ
9.	Положение погребенного: вытянуто скорченно				+	+		+						+
10.	Керамика: фрагменты количество								1		+		3	2
11.	Ножи					+		+						
12.	Оружие: мечи/кинжалы стрелы				+		+							
					+		+							
13.	Пряжки		+											
14.	Булавки (шпильки)					+								
15.	Украшения: серьги бусы кольца, браслеты										+			
16.	Шилья					+	+	+			+	+		
17.	Прочие находки													
18.	Кости животных							+						
19.	Ограбления	+	+		+		+		+	+	+	+		

Таблица 2

№ п/п	Памятники	Общее количество		Структура наземного погребального сооружения					
		курганы	раско- пано	земляная	каменная	каменно- земляная	наличие кольца	каменная выкладка	ограда
1.	Сарытогай 1	108	16			+	+	1	
2.	Сарытогай 2	81	9			+	+		
3.	Сарытогай 3	25	12			+	+	1	
4.	Моинтогай 1	25	12			+		1	
5.	Моинтогай 2	81	10			+	+		
6.	Бетагач	256	10		+				
7.	Дехкан	148	15			+			
8.	Чиликский	52	11			+	+		
9.	Джуантобе 1	105	14			+			
10.	Джуантобе 2	96	8			+			
11.	Талгарский	444	13						
12.	Тасты булак	27	11	+		+	+	1	
13.	Актерек	87	7			+	+		
14.	Курты	113	7						
15.	Кадырбай 2	41	5						
16.	Кадырбай 3	38	6			+	+		
17.	Коржайляу	7	1		+				4
18.	Кызылауыз	24	2		+		+	+	
19.	Тоспа	20	4		+		+		

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Памятники	Общее количество		Структура наземного погребального сооружения					
		курганы	раско- пано	земляная	каменная	каменно- земляная	наличие кольца	каменная выкладка	ограда
20.	Караша 1	95	5			+	+		
21.	Караша 2	-	3			+	+		
22.	Узун булак	56	17			+	+	8	
23.	Шошкала	185	10			+	+	11	
24.	Берккара	547	20		+	+	+		2
25.	Тамды	-	7			+	+		
26.	Жетышоко	6	3			+	+		
27.	Кыр-Чебакты	78	10			+	+		4
28.	Около гор Баба Ата	-	1	+			+		
29.	Кенсай	45	4			+	+	8	15
30.	Шормак 1	81	7			+	+		
31.	Шормак 2	103	6			+	+		
32.	Шормак 3	-	6			+	+		
33.	Алтын Эмель	36	19		+	+	+	+	+
34.	Калкан 1	118	14		+	+	+	8	
35.	Калкан 4	14	6			+	+	3	
36.	Аралтобе 1	27	6		+				
37.	Бесшатыр 2	34	8			+	+		

№ п/п	Памятники	Общее количество		Структура наземного погребального сооружения					
		курганы	раско- пано	земляная	каменная	каменно- земляная	наличие кольца	каменная выкладка	ограда
38.	Унгур Кора 1	75	17			+	+		
39.	Унгур Кора 2	39	14			+			
40.	Кызылауыз 3	178	14			+			
41.	Кызылауыз 2	21	4			+			
42.	Тайчак 1	25	16		+	+			
43.	Кызыл-Эспе	110	8			+			
44.	ЧулакДжигиде 1	60	7			+			
45.	ЧулакДжигиде 2	95	2			+			
46.	Утеген 3	91	11			+	+		
47.	Утеген 2	73	1			+			
48.	Утеген 1	30	7			+			
49.	Капчагай 2	-	3			+			
50.	Капчагай 3	52	30		+	+	10		19
51.	Могильник 1	5	3		+				5
52.	Могильник 2	26	2		+				
53.	Могильник 29Б	16	5					+	2
54.	Кызылсай	-	1		+		+		
55.	Турганбай	-	1			+			

Таблица 3

№ п/п	Памятники	Количественное распределение типов погребений						
		яма	подбой	яма с нишами	яма с заплечиками		яма с каменным ящиком	катакомба
					на одной из сторон	с обеих сторон		
1.	Сарытогай 1	8				1		
2.	Сарытогай 2	10						
3.	Сарытогай 3	16				1		
4.	Моинтогай 1	7				1		
5.	Моинтогай 2	2						
6.	Бетагач	2						
7.	Дехкан	11	1					
8.	Чиликский	8					1	
9.	Джуантобе 1	18						
10.	Джуантобе 2	6						
11.	Талгарский	13						2
12.	Тасты булак	8	7	6	10	2		
13.	Актерек	6	1					
14.	Курты	1	4		4	2		
15.	Кадырбай 2	3	2		1			
16.	Кадырбай 3	1	1				3	
17.	Коржайляу	1						
18.	Кызылауыз	2						
19.	Тоспа	4						
20.	Караша 1	2		7				
21.	Караша 2		3					

№ п/п	Памятники	Количественное распределение типов погребений						
		яма	подбой	яма с нишами	яма с заплечиками		яма с каменным ящиком	катакомба
					на одной из сторон	с обеих сторон		
22.	Узун булак	11			8			
23.	Шошкала	13	6	1	1			
24.	Берккара	22						
25.	Тамды	1						
26.	Жетышоко	4						
27.	Кыр-Чебакты	8						
28.	Около гор Баба Ата	1						
29.	Кенсай	18						
30.	Шормак 1	3	4		2		1	
31.	Шормак 2	6						
32.	Шормак 3	1	1					
33.	Алтын Эмель	16	1					
34.	Калкан 1	7	7		1			
35.	Калкан 4	4	3					
36.	Аралтобе 1	7						
37.	Бесшатыр 2	10						
38.	Унгур Кора 1	16						
39.	Унгур Кора 2	15						
40.	Кызылауыз 3	19						

Окончание таблицы 3

№ п/п	Памятники	Количественное распределение типов погребений						
		яма	подбой	яма с нишами	яма с заплечиками		яма с каменным ящиком	катакомба
					на одной из сторон	с обеих сторон		
41.	Кызылауыз2	4					1	
42.	Тайчак 1	9	5					
43.	Кызыл-Эспе	8	1					
44.	Чулак Джигиде 1	8	2					
45.	Чулак Джигиде 2		2					
46.	Утеген 3	8						
47.	Утеген 2	2	3					
48.	Утеген 1		3					
49.	Капчагай 2	4						
50.	Капчагай 3	8	2					
51.	Могильник 1	3						
52.	Могильник 2	3						
53.	Могильник 29Б	3						
54.	Кызылсай	3					1	
55.	Турганбай	1						

Таблица 4

№ п/п	Памятники	Типы перекрытий погребальных камер										
		дерево						камень				
		на уровне дневной поверх- ности	на запле- чках	"заставка"	установле- но верти- кально	на погре- бенном	закрывает ВХОД в подбой	выкладка над ЯМОЙ	плиты перекрывают			в запл- нении ЯМЫ
яму	ВХОД в подбой								ЯЩИК			
1.	Сарытогай 1	9	1		1							1
2.	Сарытогай 2	4	1									
3.	Сарытогай 3	12	2		1							3
4.	Моинтогай 1	3				1						3
5.	Моинтогай 2											
6.	Бетагач								2			
7.	Дехкан	4					1	3				4
8.	Чиликский			2								
9.	Джуантобе 1	9		2		2						
10.	Джуантобе 2	5		1								
11.	Талгарский	6						4				4
12.	Тасты булак	2	1	1			1	2		1		3
13.	Актерек	4						2				4
14.	Курты		3				1	2	2	2	1	6
15.	Кадырбай 2							1	1	2		
16.	Кадырбай 3									1		4
17.	Коржайляу							1				1

Продолжение таблицы 4

№ п/п	Памятники	Типы перекрытий погребальных камер									
		дерево					камень				
		на уровне дневной поверх- ности	на запле- чихах	"заставка"	установле- но верти- кально	на погре- бенном	закрывает ВХОД в подбой	выкладка над ямой	плиты перекрывают		
яму	ВХОД в подбой								ЯЩИК		
18.	Кызылауыз						1				1
19.	Тоспа						4				4
20.	Караша 1							8			
21.	Караша 2							3			3
22.	Узун булак	1					3	1			
23.	Шошкала	1					5	2		1	5
24.	Берккара	1					11	2			1
25.	Тамды							4			
26.	Жетышоко							6			
27.	Кыр-Чебакты										
28.	Около гор Баба Ага										
29.	Кенсай							14			
30.	Шормак 1						1	3	3	1	4
31.	Шормак 2							6			
32.	Шормак 3	1									
33.	Алтын Эмель							1		1	

Окончание таблицы 4

№ п/п	Памятники	Типы перекрытий погребальных камер										
		дерево						камень				
		на уровне дневной поверх- ности	на запле- чихах	"заставка"	установле- но верти- кально	на погре- бенном	закрывает ВХОД в подбой	выкладка над ямой	плиты перекрывают			в заплот- нении ямы
яму	ВХОД в подбой								ящик			
49.	Капчагай 2	1					1				3	
50.	Капчагай 3	3/6			1	1	5/4		2		1/3	
51.	Могильник 1						3					
52.	Могильник 2											
53.	Могильник 29Б	5		1			1					
54.	Кызылсай									1		
55.	Турганбай						1				1	

Таблица 5

№ п/п	Памятники	Типы захоронений: положение, ориентировка										Дополнительные признаки																		
		на спине			скор- ченно			ориентировка				наличие подстилки			следы огня			кости животных												
		руки в до- лугов	со- ука кте	са ру- к	б согну- та в л со	о- к огну- те	м б	1	1	на право	на на С	на К	на на С	на С	из де- в а	и- тель- из раст- того мат-	а гал- аль ом	и ко- й, пе	и	1	1	и	засып я мы	а	охр т	инов аре е	на ря дом	1	кости дом с со	кости ДУГИХ живот-
1.	Сарытогай 1	6	4			1	1																							10
2.	Сарытогай 2	7				1	1	1	1	1	1	1	1	1												1	1			5
3.	Сарытогай 3	9	3												1	1	1	1	5											5
4.	Моинтогай 1	9				1	1																							2
5.	Моинтогай 2	5				1	1	1																						2
6.	Бетагач	6	1							2		1	1									1								
7.	Дехкан	4	1						2		5	2												1	1	1				21
8.	Чиликский	7		1	1	1	1	1			1	1	1	1																6
9.	Джуантобе 1	10	1	1	1	1					8	3														1	1			4
10.	Джуантобе 2	6									2	4					3										2	1	1	1
11.	Талгарский	13									6									1	1	1	3							1
12.	Тасты булак	11	1	1			1				4	1	6	1	2							8			1	1	2	2	4	
13.	Актерек	6									1	5																		2
14.	Курты	5			1						5	1	1													1	1			2
15.	Кадырбай 2	2	1								2	1																		
16.	Кадырбай 3	4	1								4	1														2				1

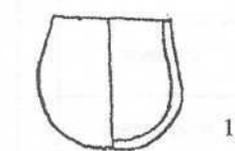
Продолжение таблицы 5

№ п/п	Памятники	Типы захоронений: положение, ориентировка										Дополнительные признаки													
		на спине				скор- ченно		ориентировка				наличие подстилки			следы огня					кости животных					
		руки вдоль туловища	левая рука со- гнута в локте	правая рука согнута в локте	обе руки согну- ты в локте	на левом боку	на правом боку	на З	на СЗ	на ЮЗ	на С	на СВ	из дерева	из раститель- ного материала	посыпка галь- кой, пес-ком	в насыпи	под насыпью	в насыпи ямы	на дне ямы	охра	мел	кости баранов в сосуде	кости барана ря- дом с сосудом	кости лошади	кости других живот- ных
17.	Коржайляу	1					1									1					1				
18.	Кызылауыз	2					2												1						
19.	Тоспа	4					4																		
20.	Караша 1	5		1				5														2			
21.	Караша 2	3						3									3								
22.	Узун булак	9					9		2			1	1					1			3	1		2	
23.	Шошкада	10		1			6	7	2									3			3	3	2	3	
24.	Берккара	6	1				7	4					1					1			1				
25.	Тамды																								
26.	Жетьшоко	1			1				2																
27.	Кыр-Чебакты	1	1						2																
28.	Около гор Баба Ата	2							2																
29.	Кенсай	4			1			5	1									2		2					
30.	Шормак 1	2			4		3	1	2												3				
31.	Шормак 2																								

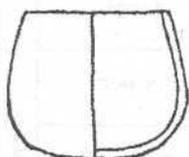
№ /п	Памятники	Типы захоронений: положение, ориентировка						Дополнительные признаки																	
		на спине			скор- ченно		ориентировка				наличие подстилки			следы огня					кости животных						
		руки вдоль туловища	левая рука согнута в локте	правая рука согнута в локте	обе руки согнуты в локте	на левом боку	на правом боку	на З	на СЗ	на ЮЗ	на С	на СВ	из дерева	из растительного материала	посыпка галькой, песком	в насыпи	под насыпью	в насыпи ямы	на дне ямы	охра	мел	кости баранов в сосуде	кости барана рядом с сосудом	кости лошади	кости других животных
1																									
3 2	Шормак 3		1						1																
33	Алтын Эмель	2								2															
В	Калкан 1	5																			3				
3	Калкан 4	3						3															2		1
36	Аралтобе 1	3																							
3	Бешатыр 2	3						3															2		
3 8	Унгур Кора 1	2						3														В			
3	Унгур Кора 2	2	2	9	1			9																	
о	Кызылдауыз 3	8		1																		9			
	Кызылдауыз 2	2									2														
9	Тайчак 1	5		1	2												2					2			3
3	Кызыл-Эсте	8															2						6		
	Чулак Джигиде 1	о							1																
5	Чулак Джигиде 2	2							2								9						2		

№ с/п	Памятники	Типы захоронений: положение, ориентировка				Дополнительные признаки																			
		описание			скор- ченно	ориентировка				валичи ге			следы огня					кости животных							
		руки вдоль туловища	левая рука со- гнута в локте	правая рука согнута в локте		обе руки согну- ты в локте	на левом боку	на правом боку	на З	на СЗ	на ЮЗ	на С	на СВ	из дерева	из раститель- ного материала	посыпка галь- кой, песком	в насыпи	под насыпью	в засыпи ямы	на дне ямы	охра	мел	кости баранов в сосуде	кости барана ря- дом с сосудом	кости лошади
6	Утеген 3	8	1		2			3											1				2	1	
	Утеген 2																						2		
8	Утеген 1							1															1		
	Капчагай 2	1						2															1		
о	Капчагай 3																		1				so		
	Могильник 1							1																	
2	Могильник 2							2											1					2	
й	Могильник 29Б																						2		
	Кызылсай	1																							
	Турганбай																								

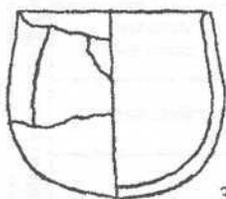
№ п/п	Появки	Сосуды				ножи	мечи, кинжалы	стрелы	кольца, пряжки, подвески	булавки	шилья	серьги	бусы	браслеты	перстни, кольца	зеркала	пряслица	точила	зернотерки	крючки	булавы	печати
		горшки	кувшины	миски	кружки																	
	орыны																					
52	отыны					1	2	8				1										
3	отыны: 29Б		5			1																
	Этот			2																		
	а			2																		



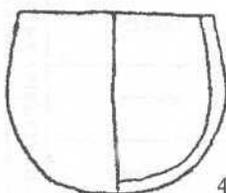
1



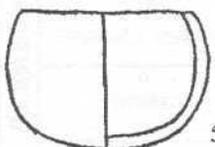
2



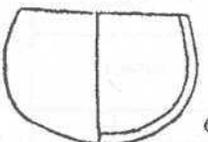
3



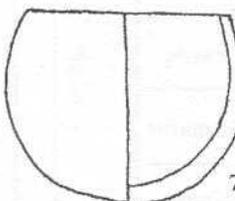
4



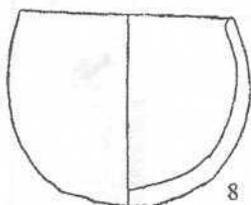
5



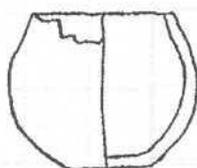
6



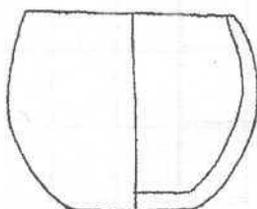
7



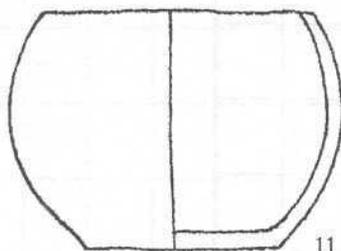
8



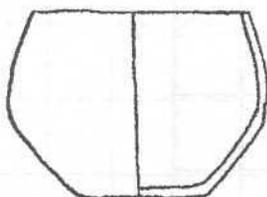
9



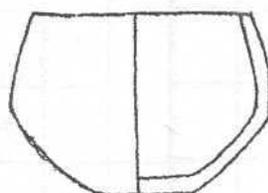
10



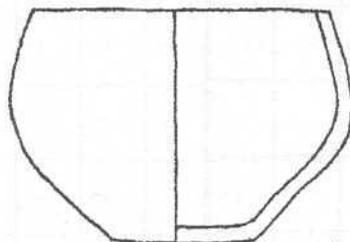
11



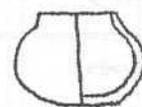
12



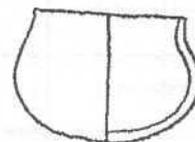
13



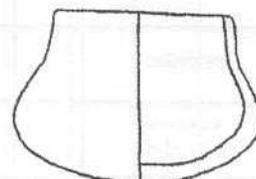
14



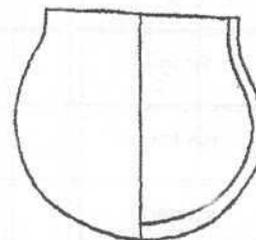
15



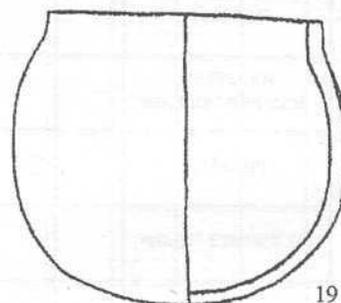
16



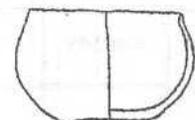
17



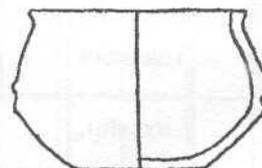
18



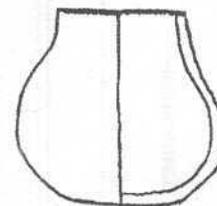
19



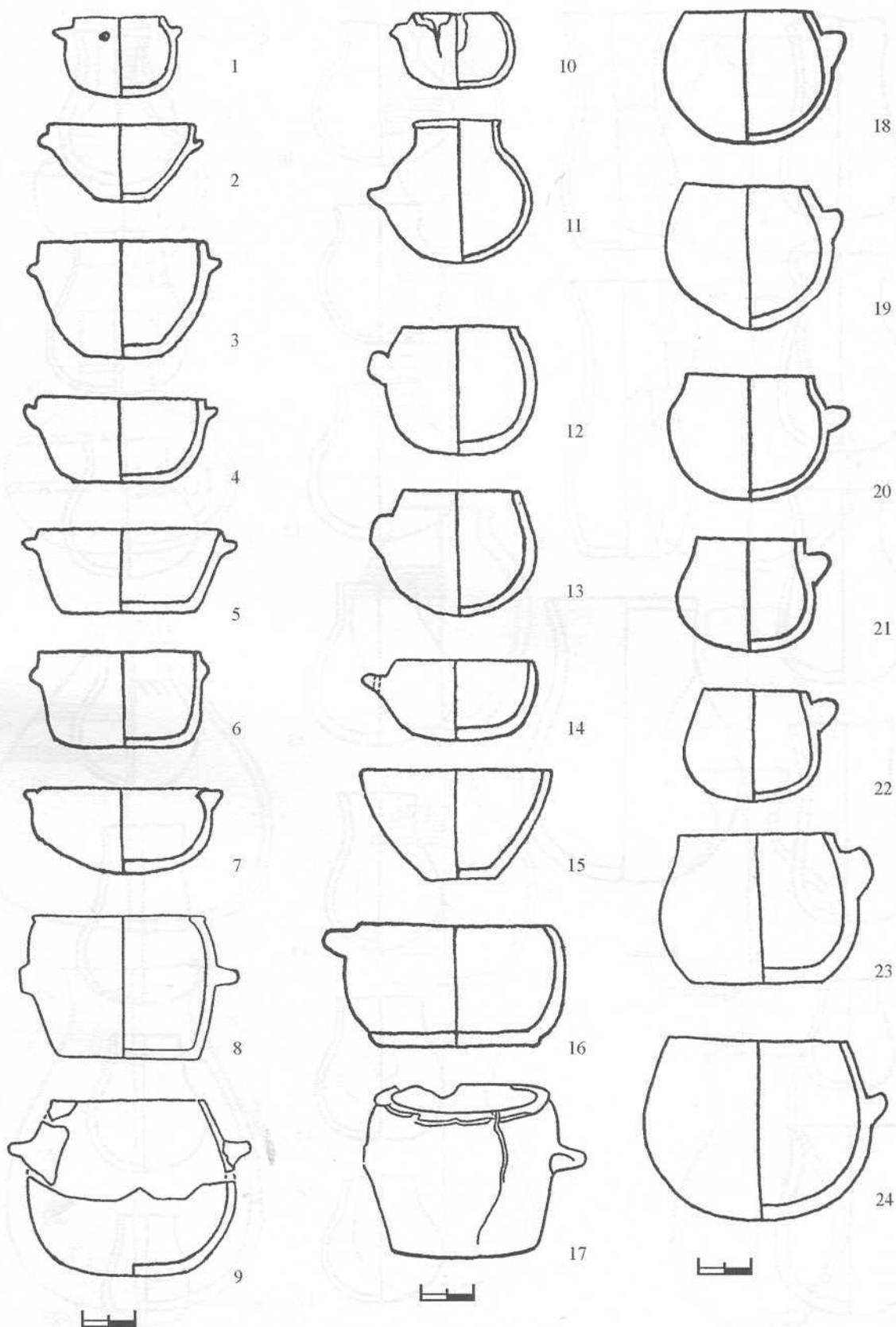
20

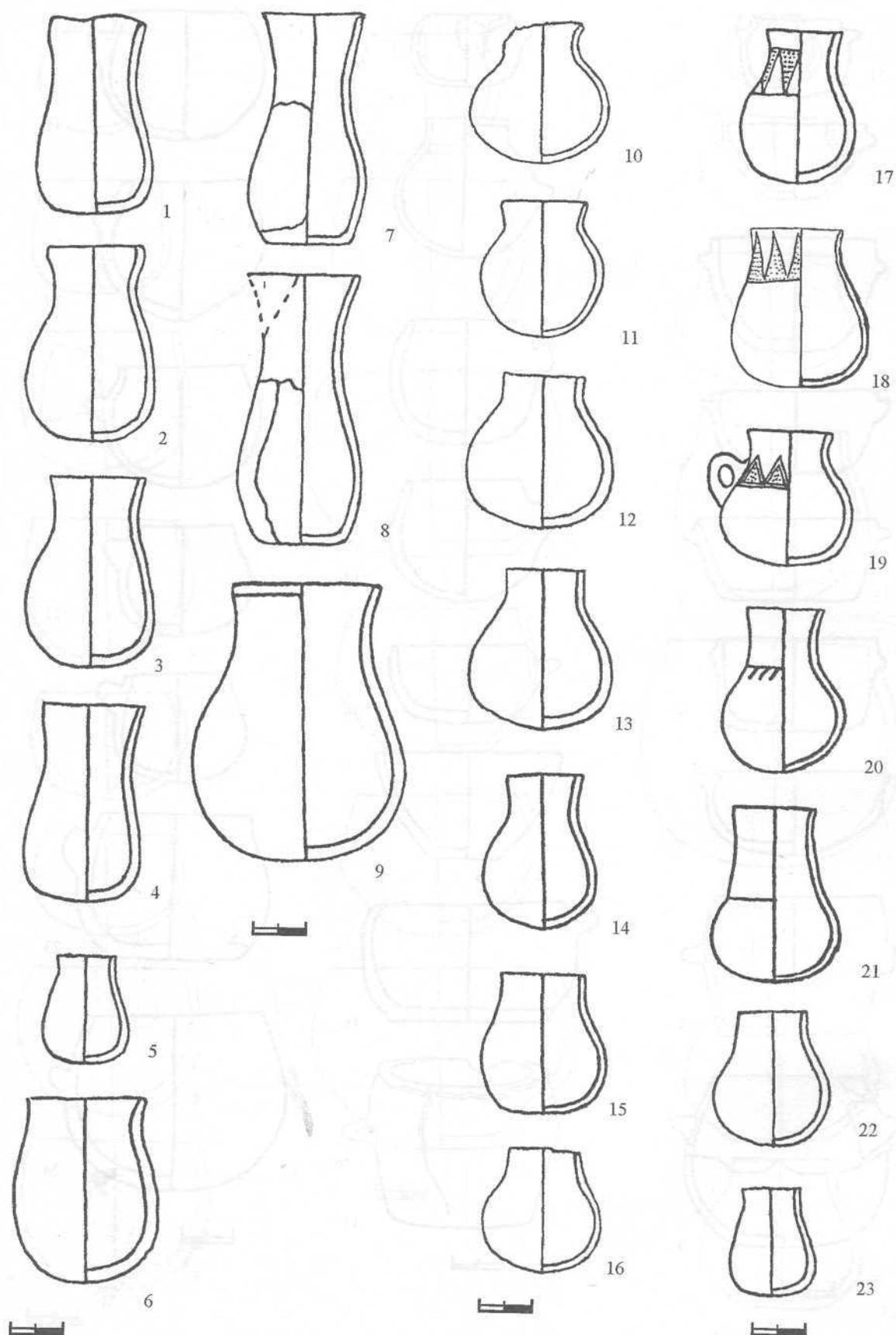


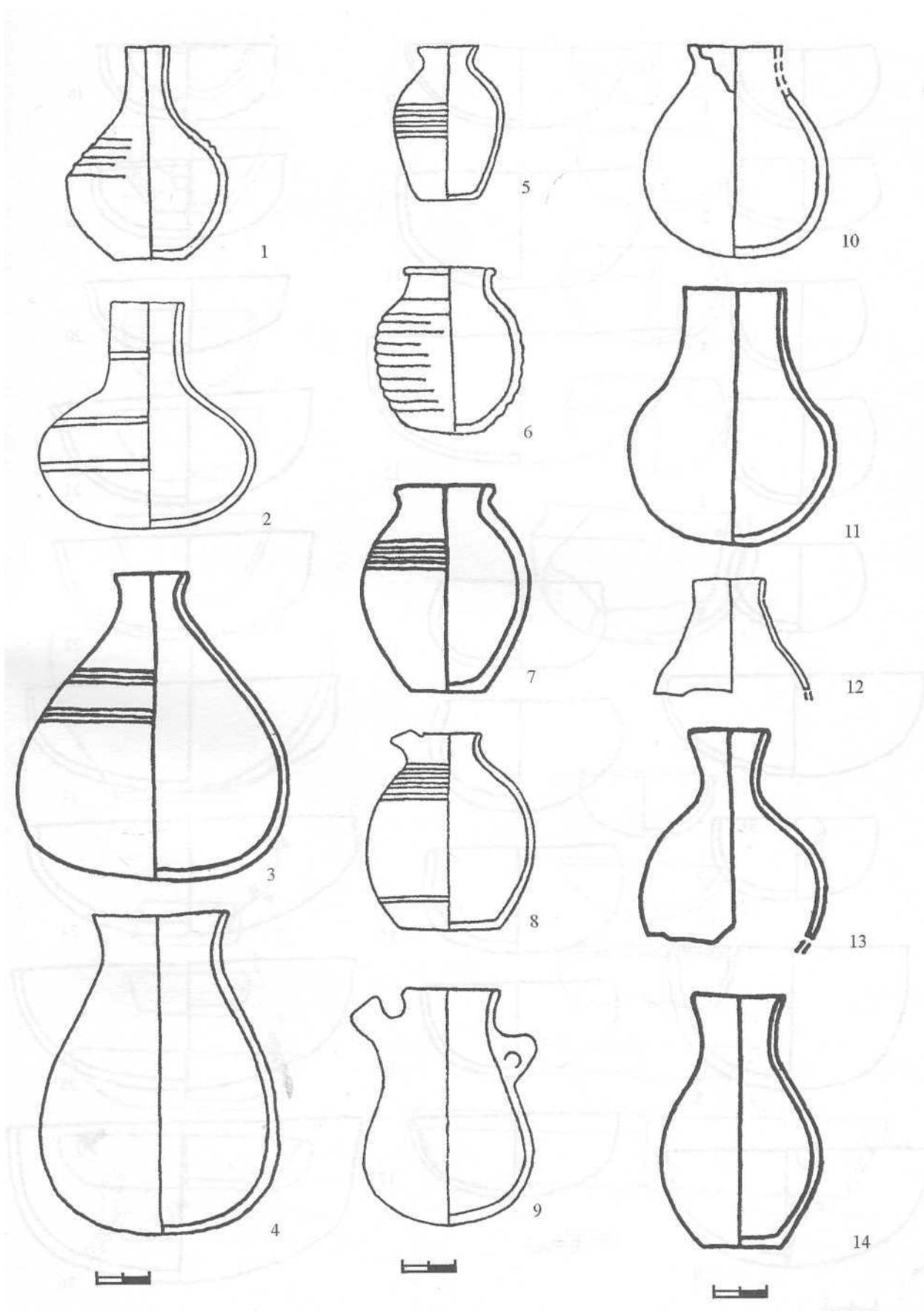
21

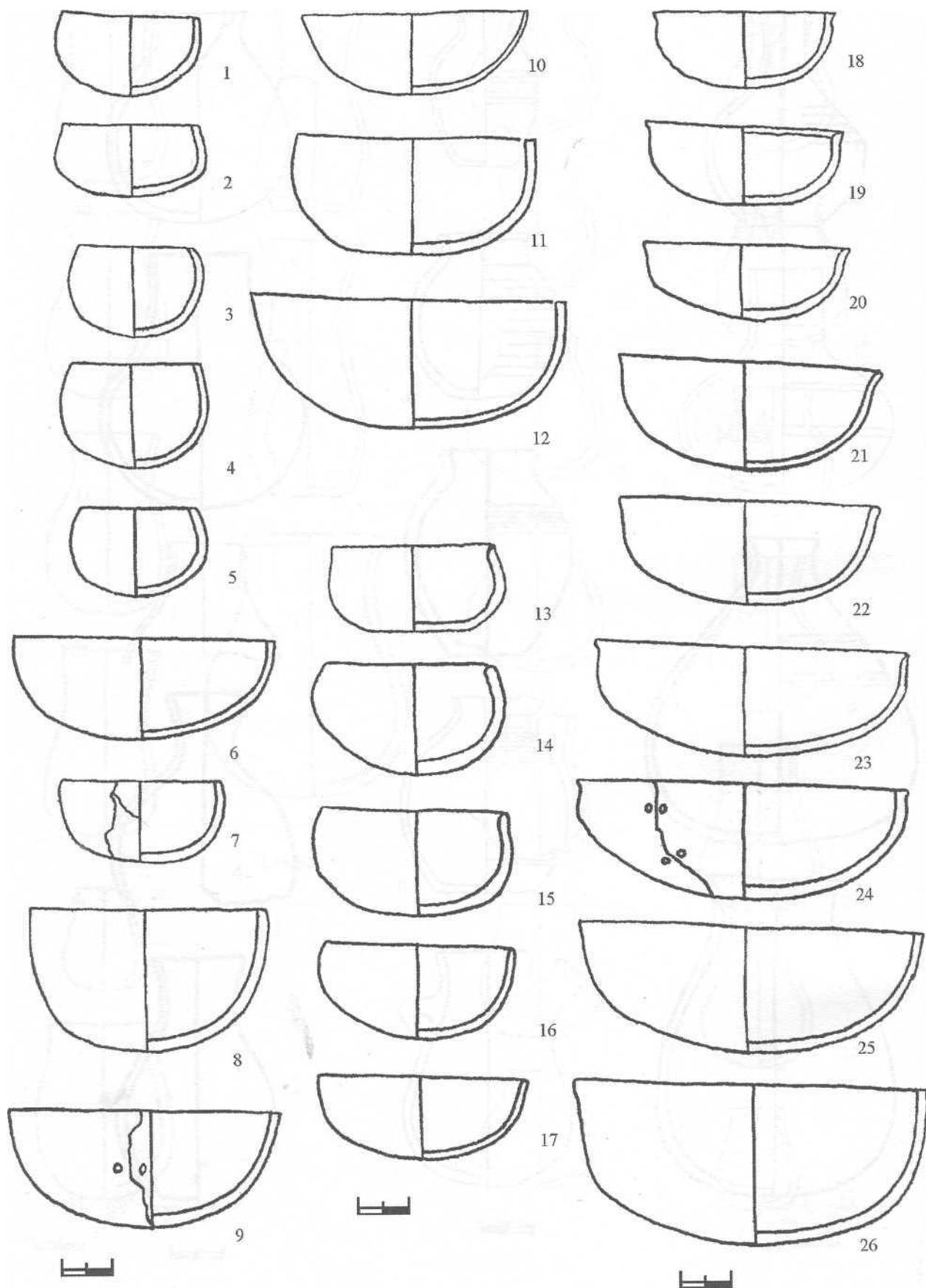


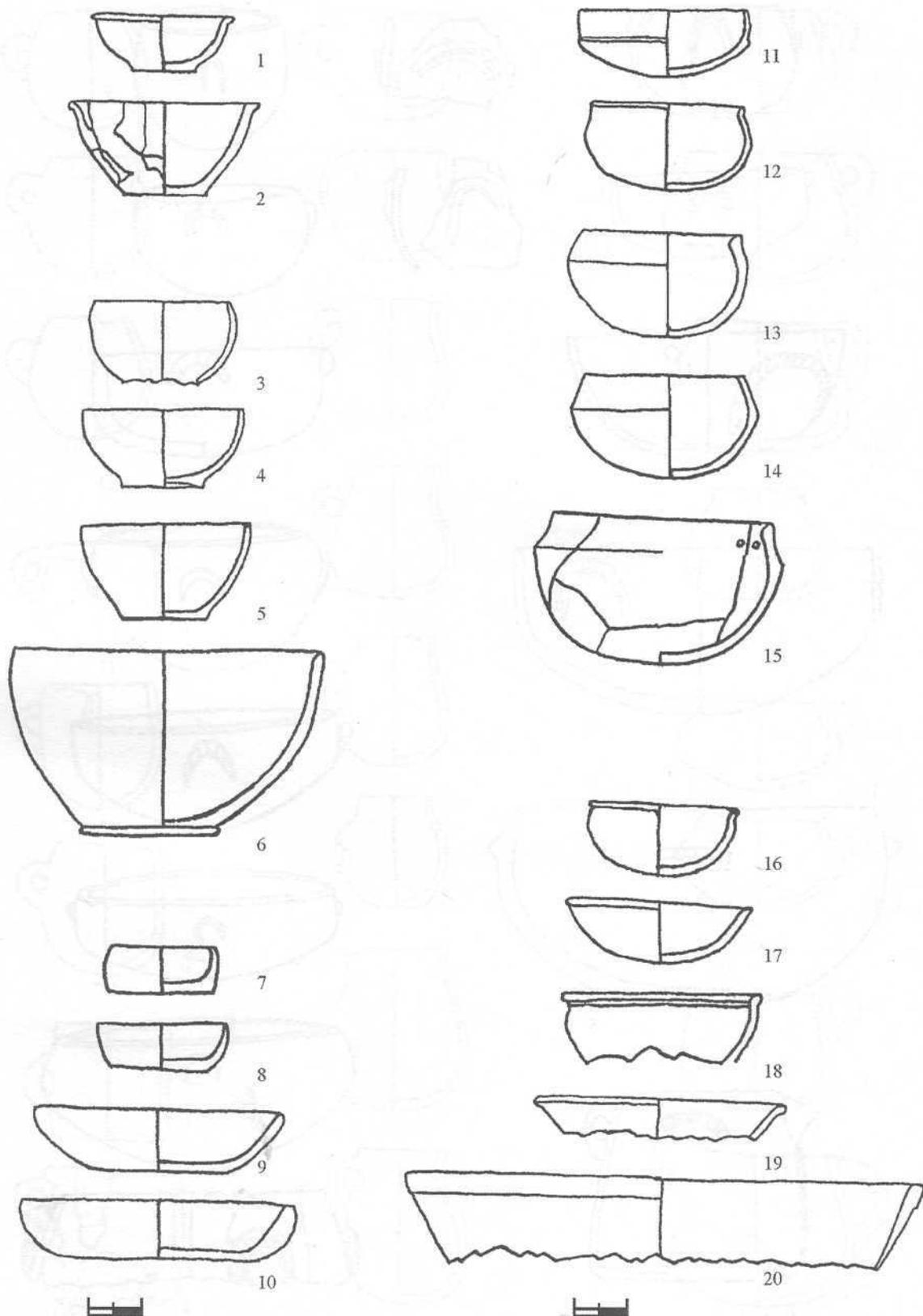
22

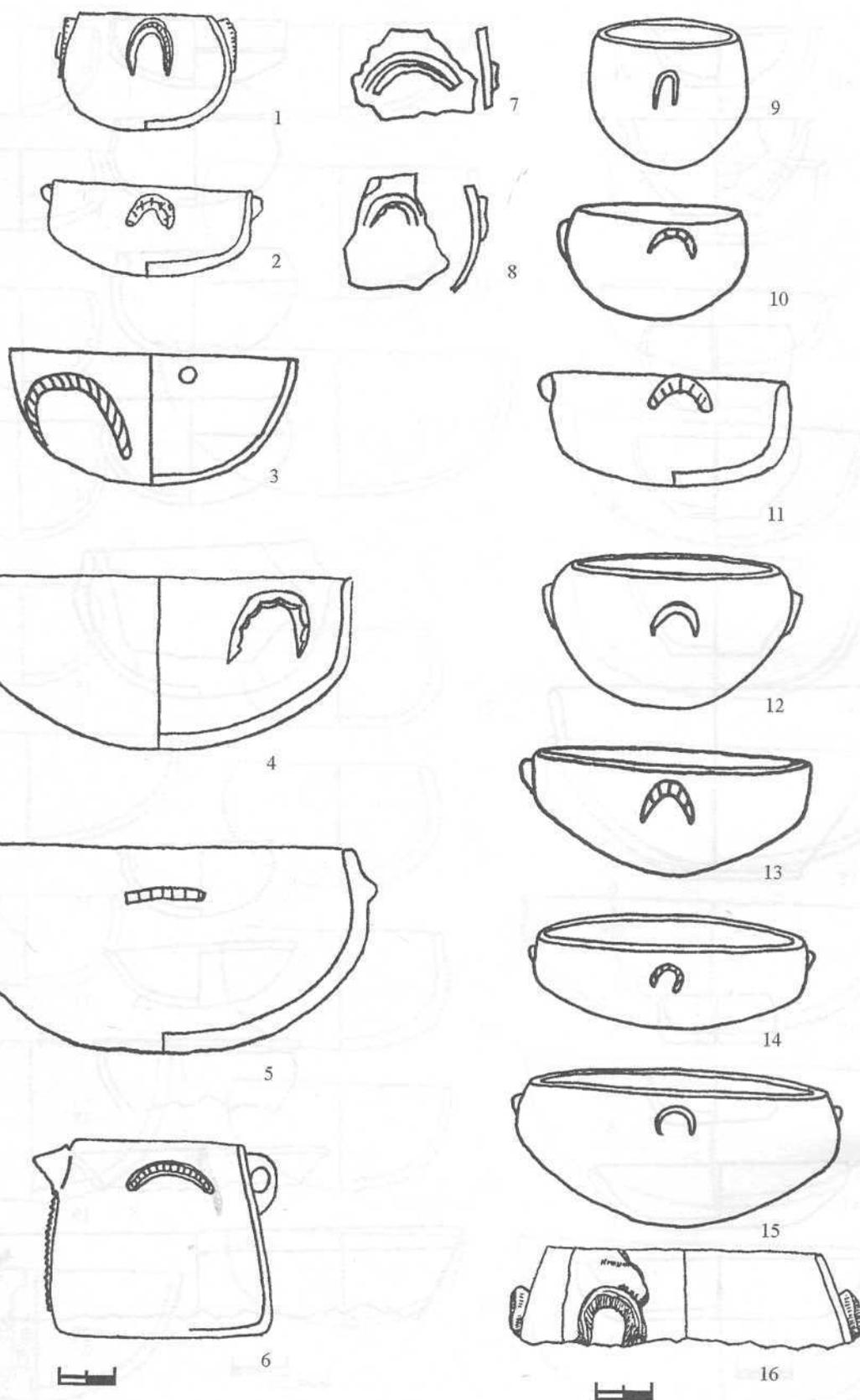


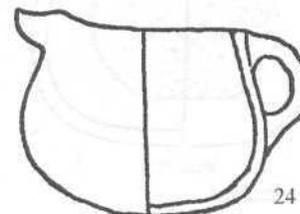
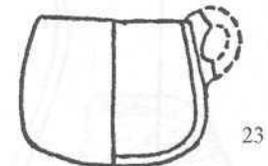
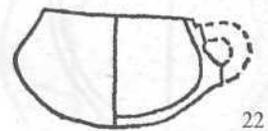
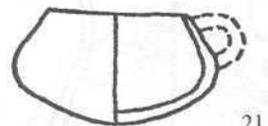
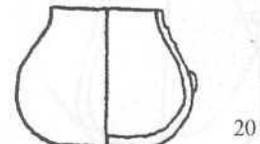
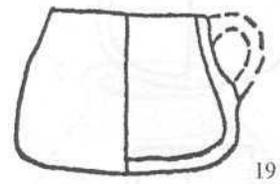
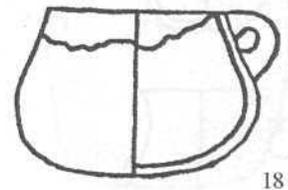
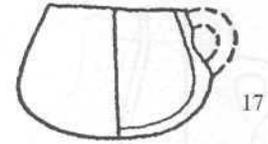
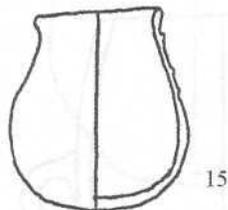
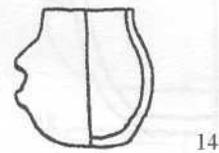
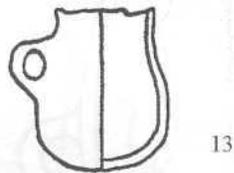
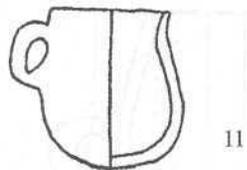
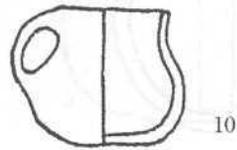
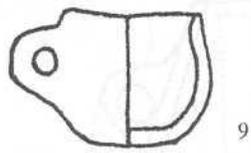
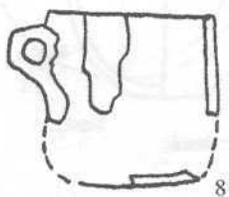
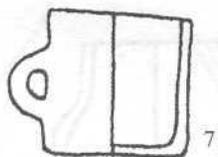
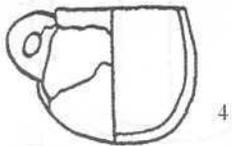
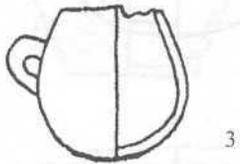
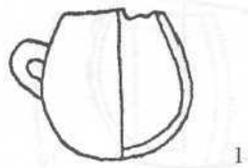


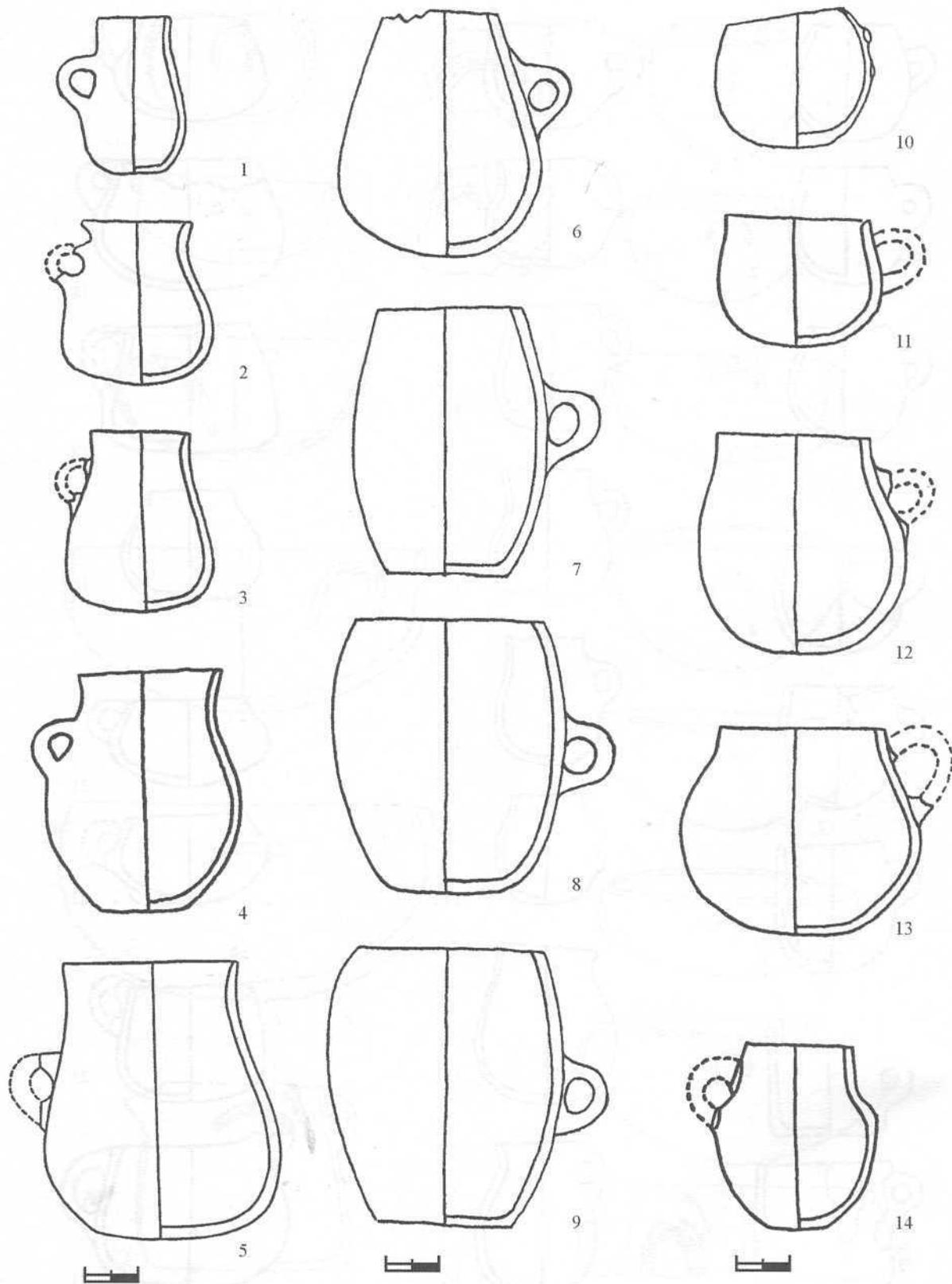


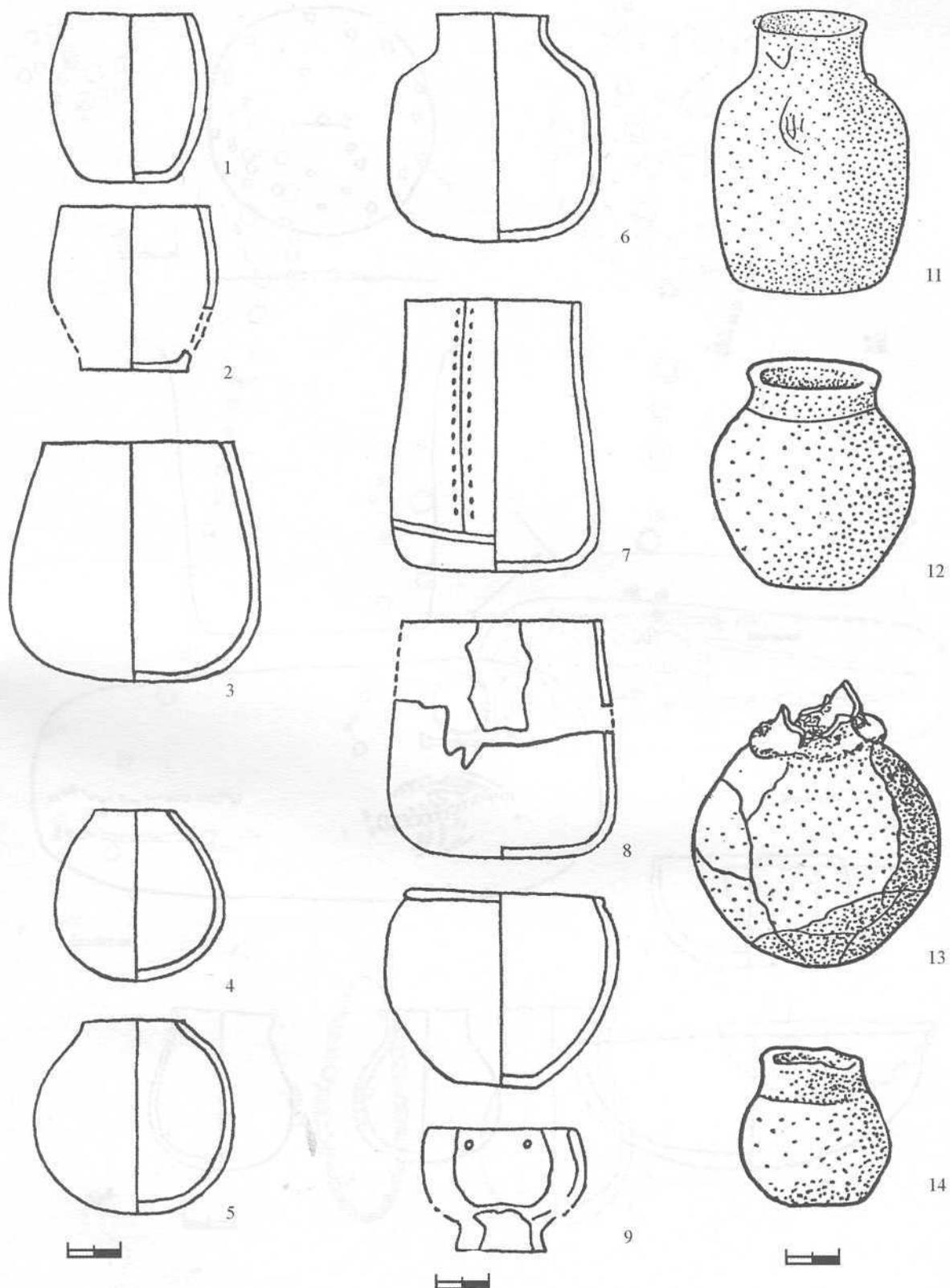


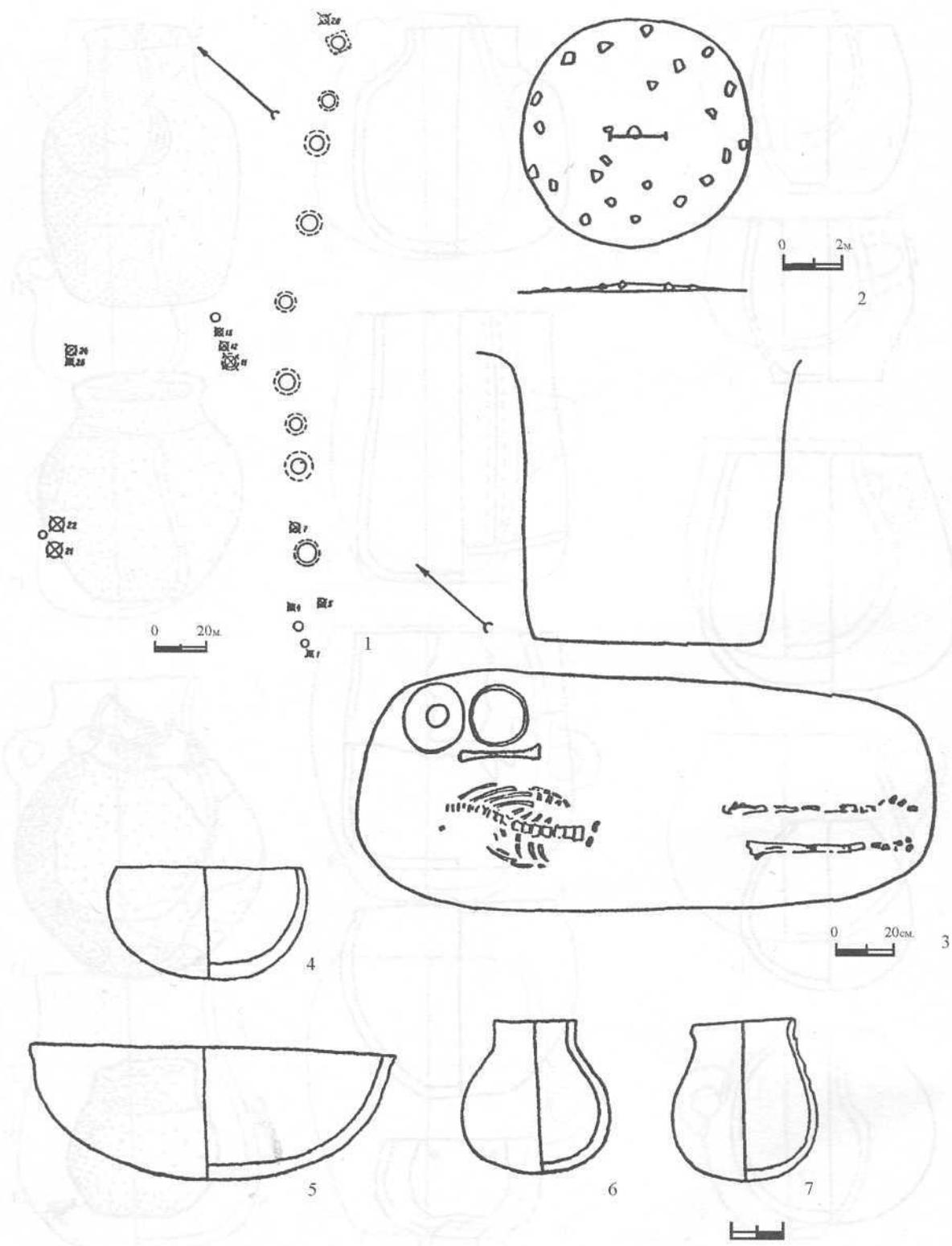


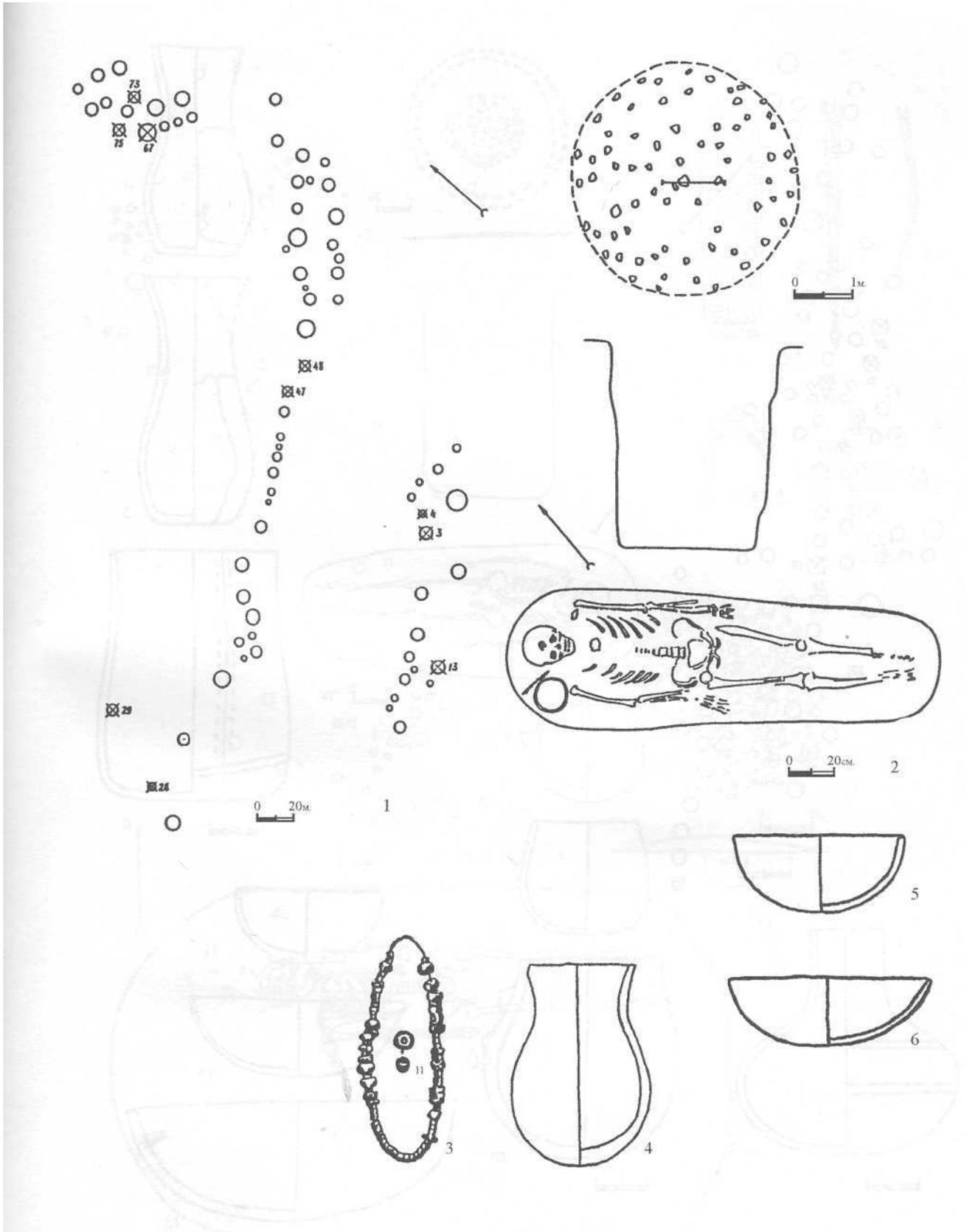


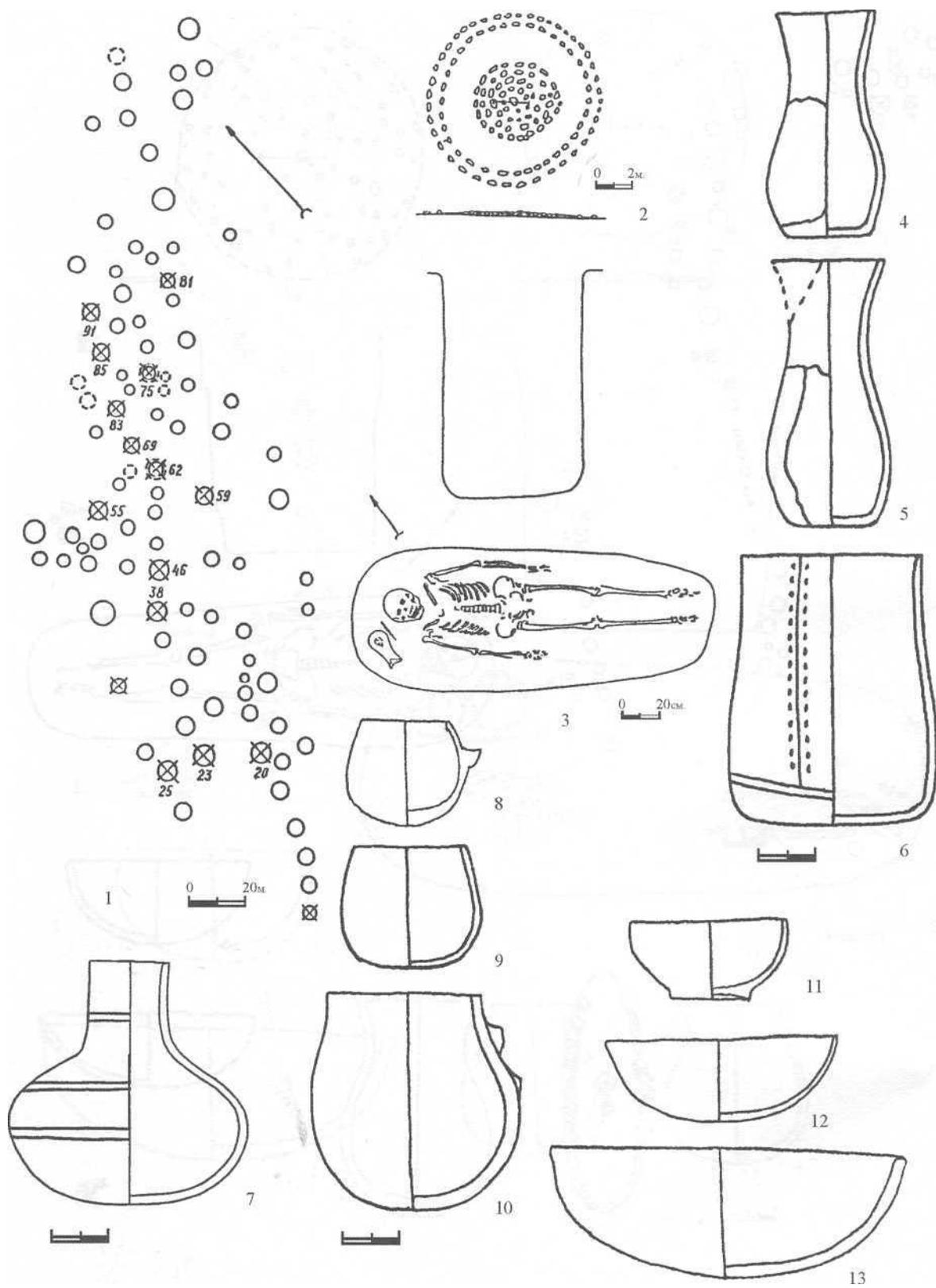


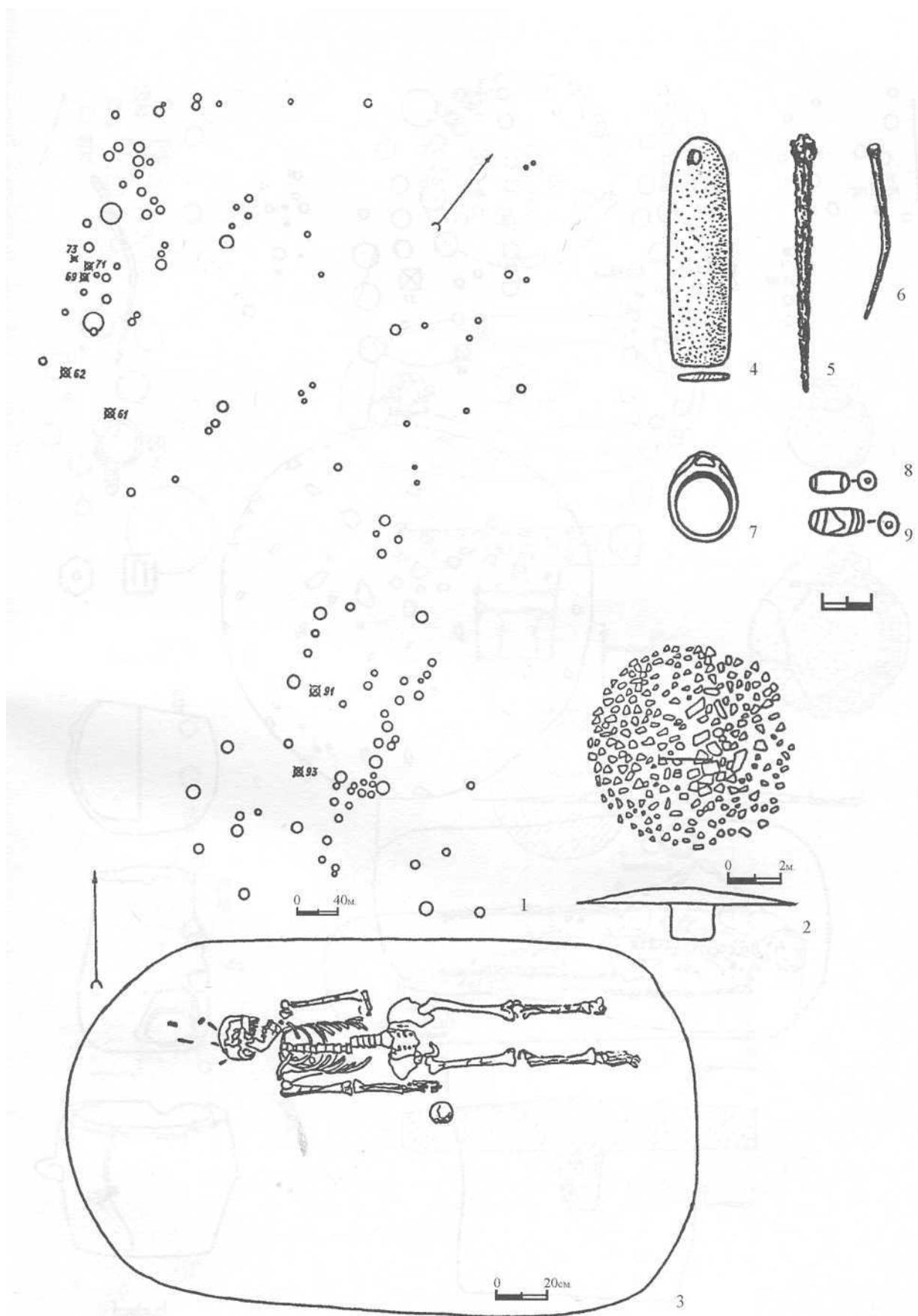


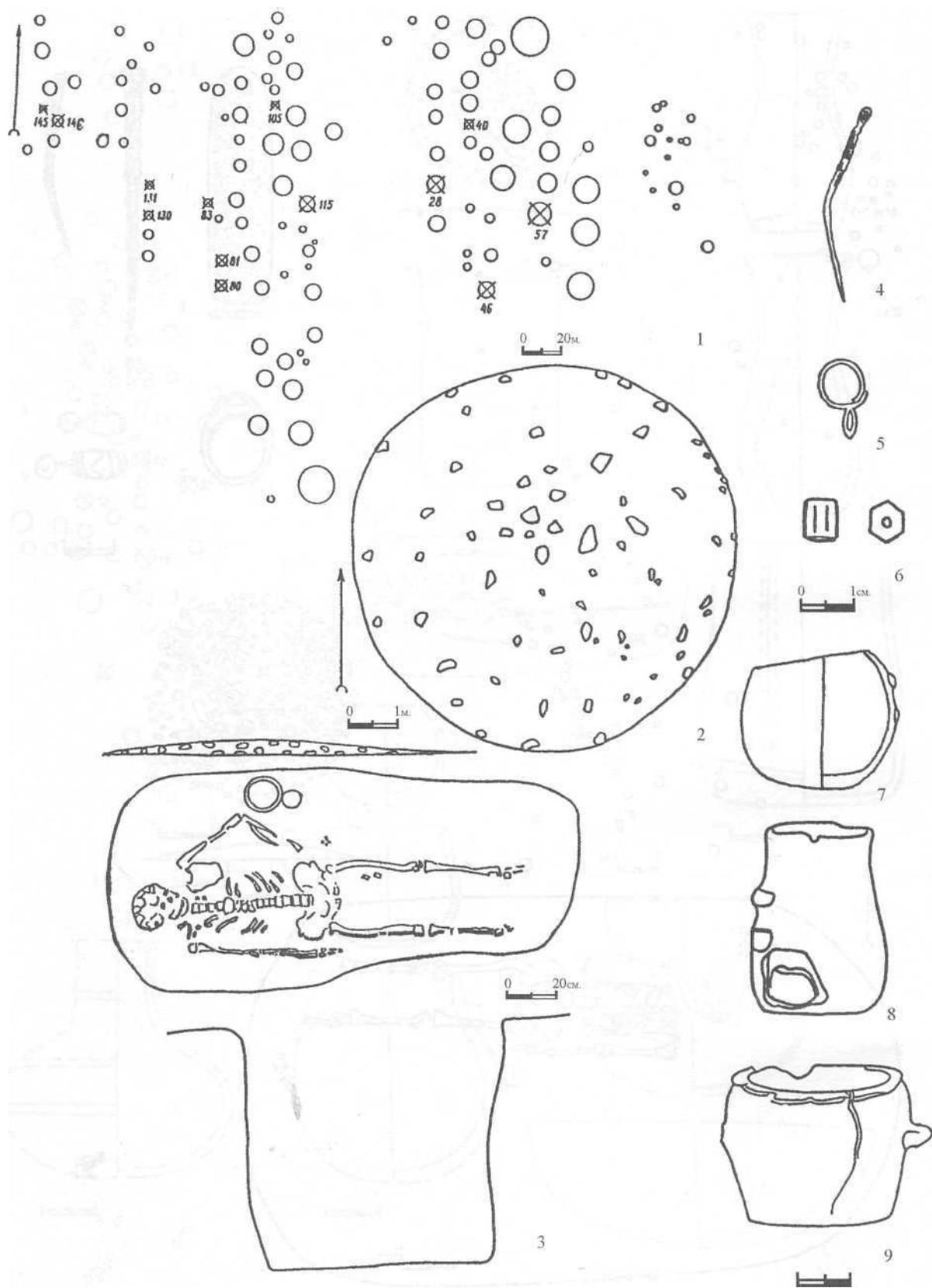


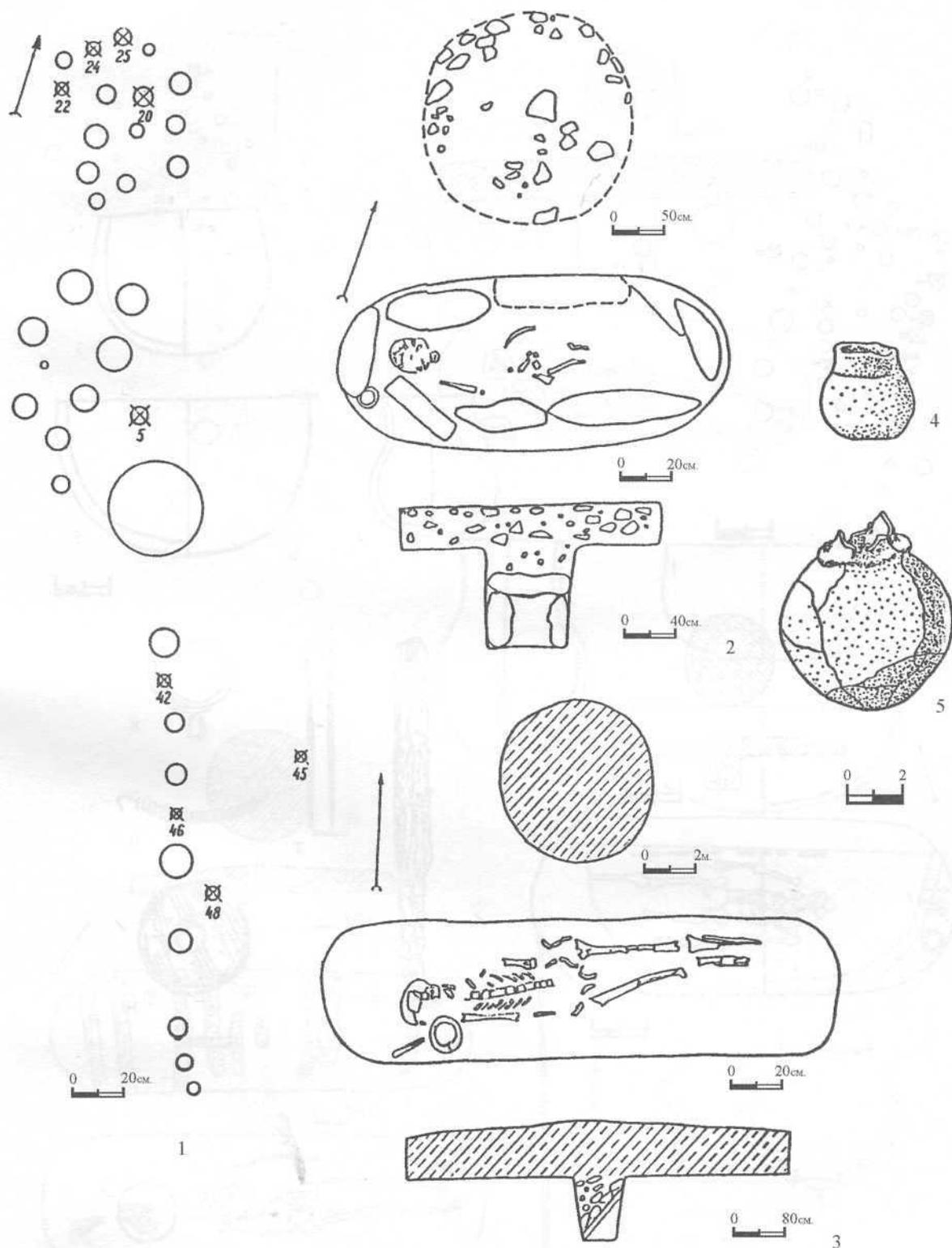


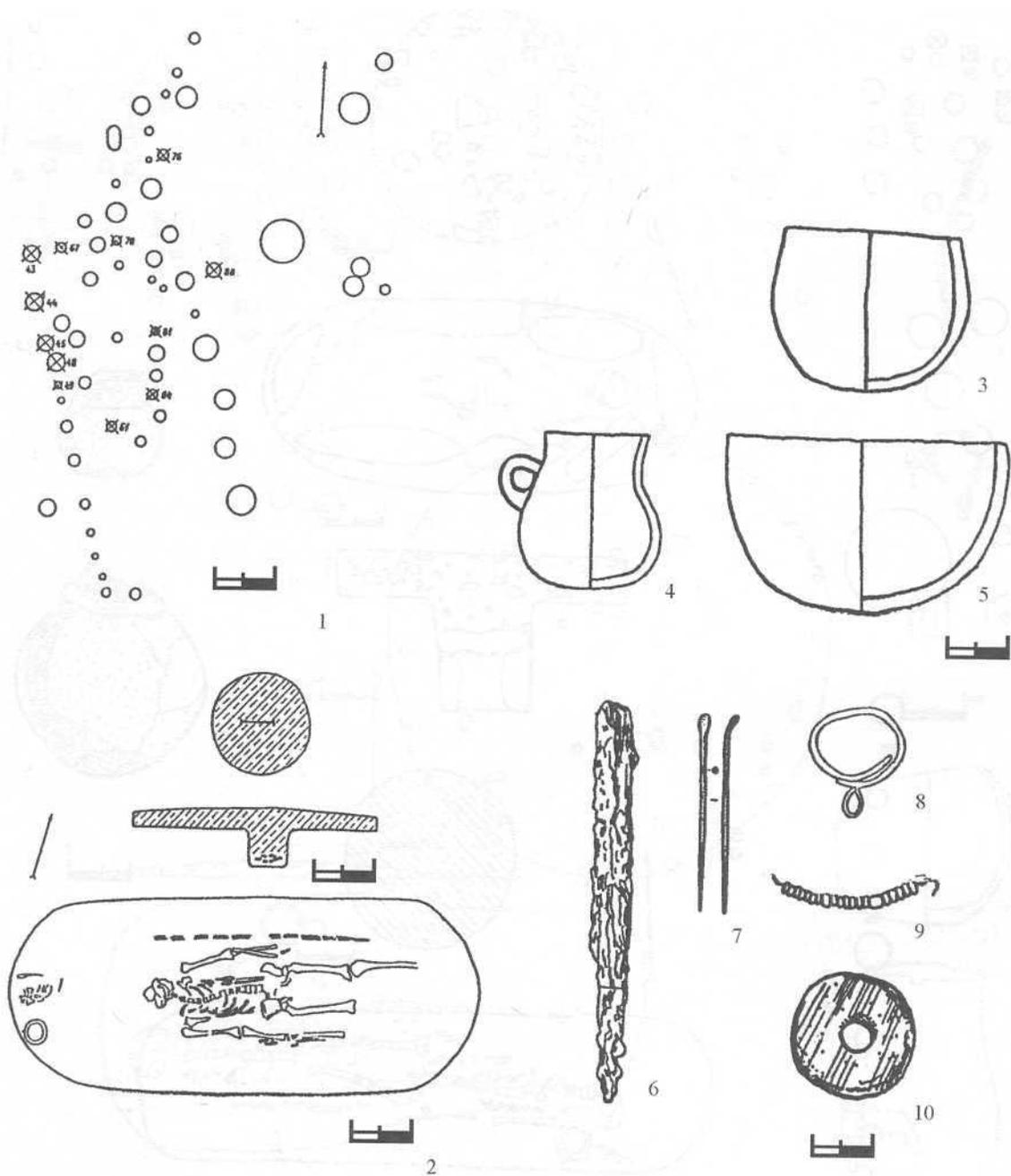


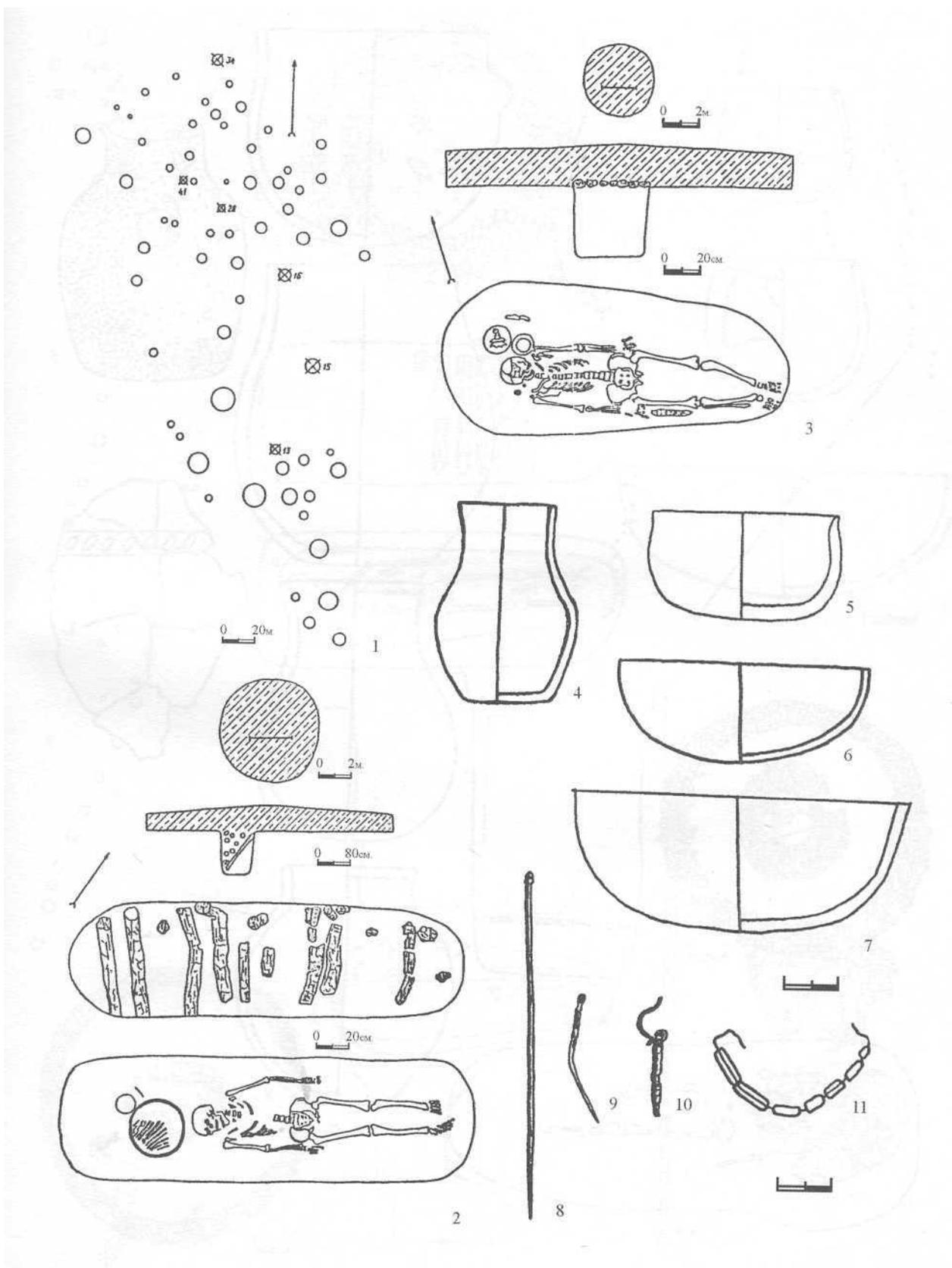


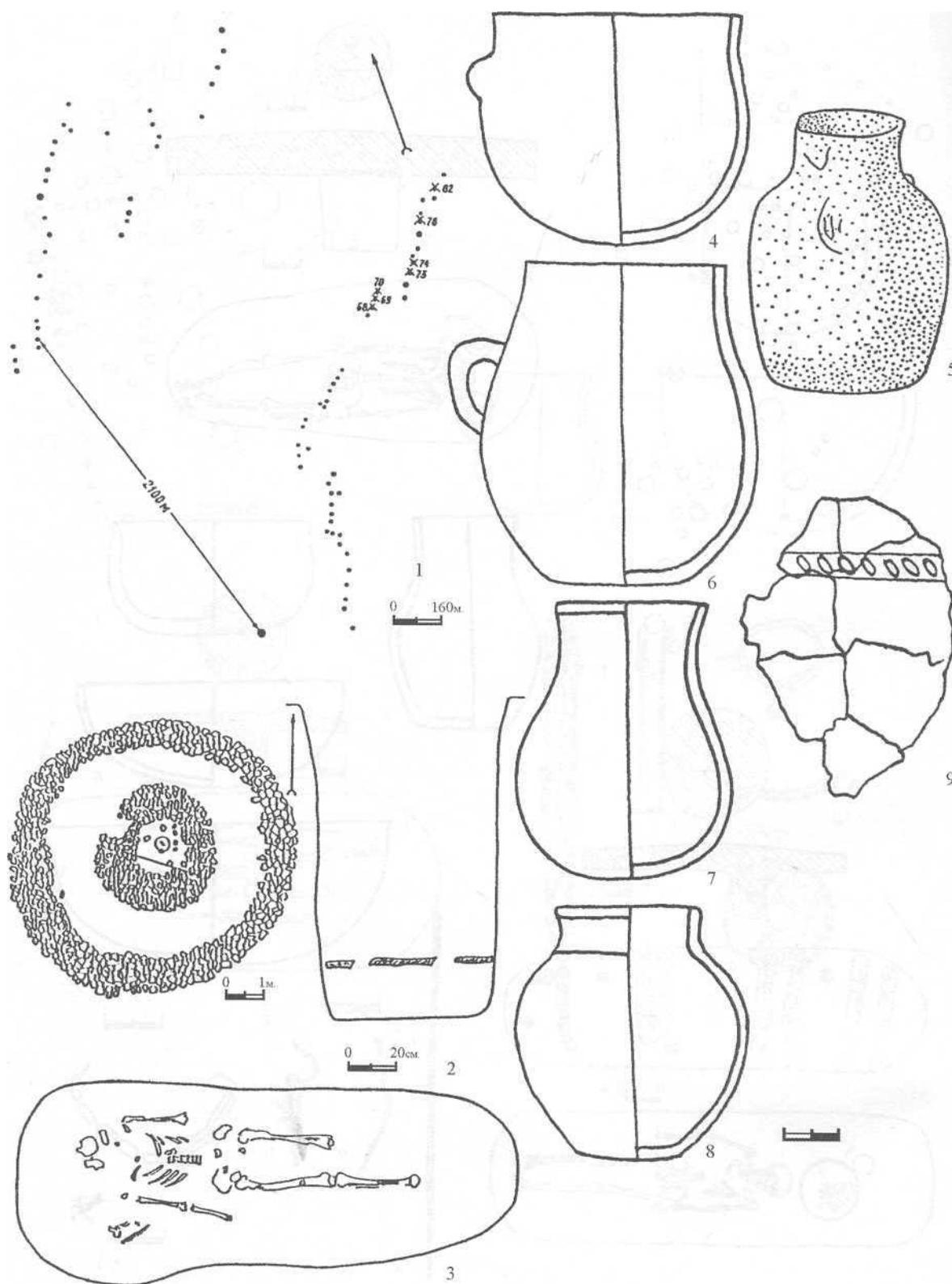


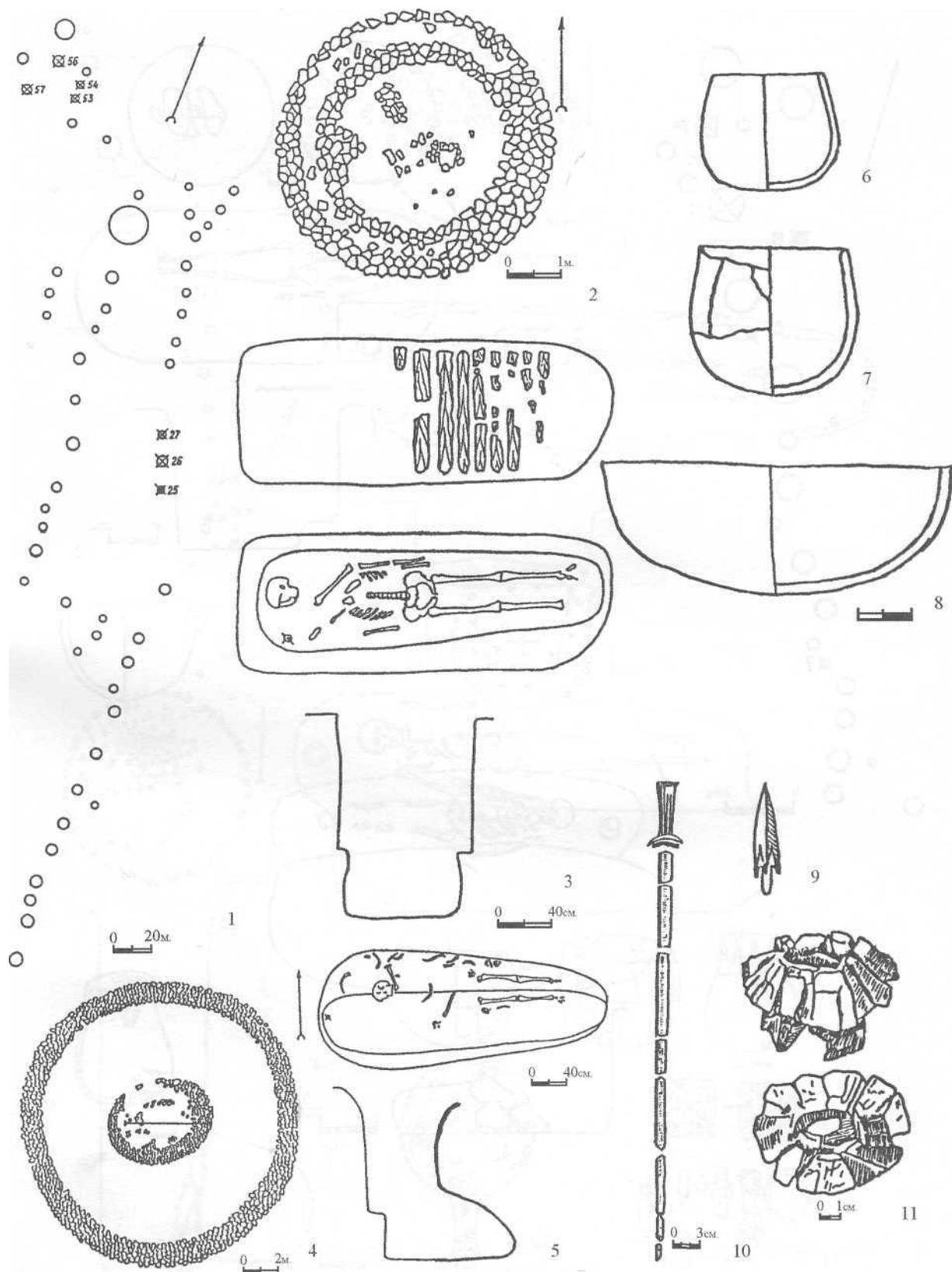


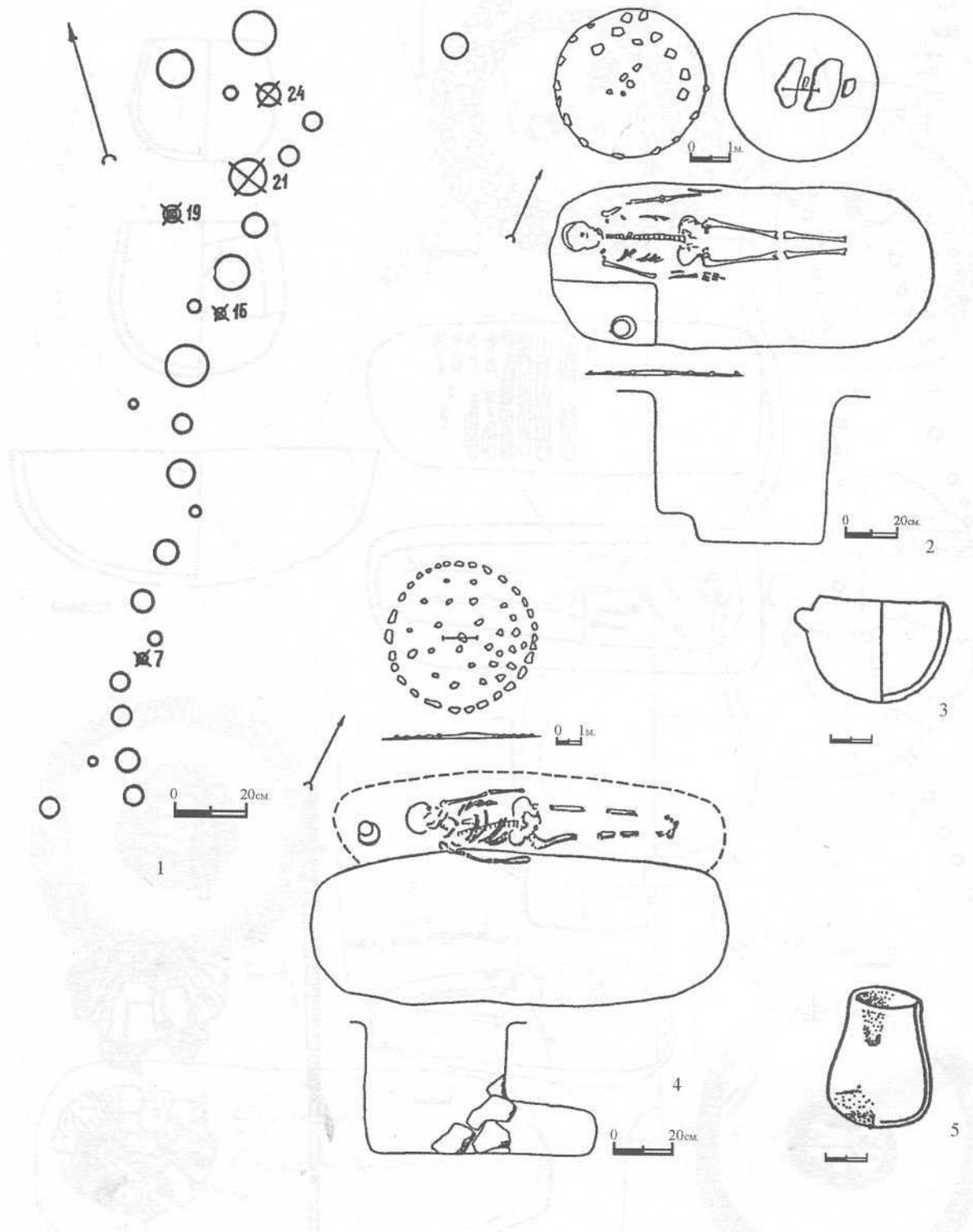


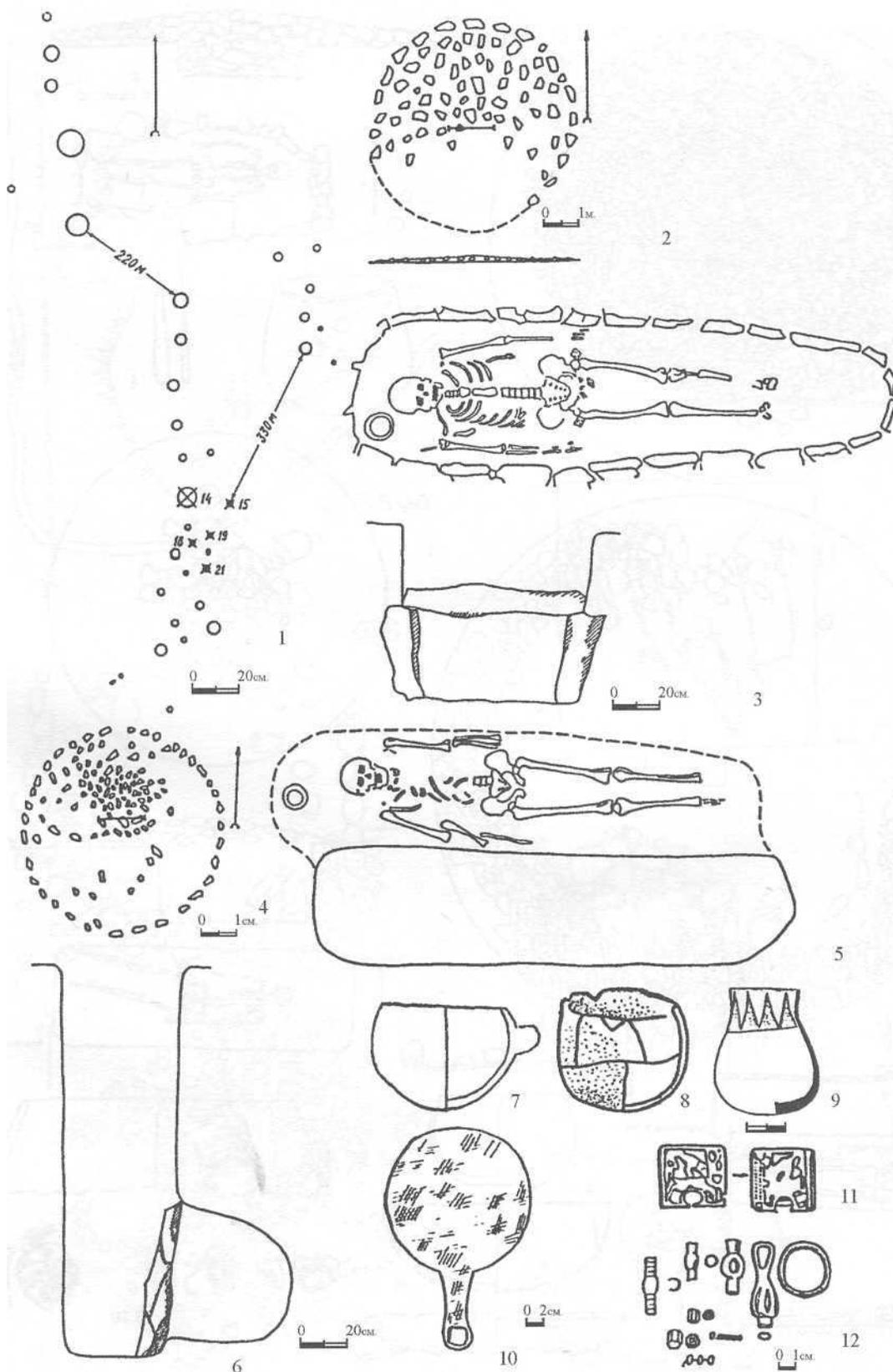


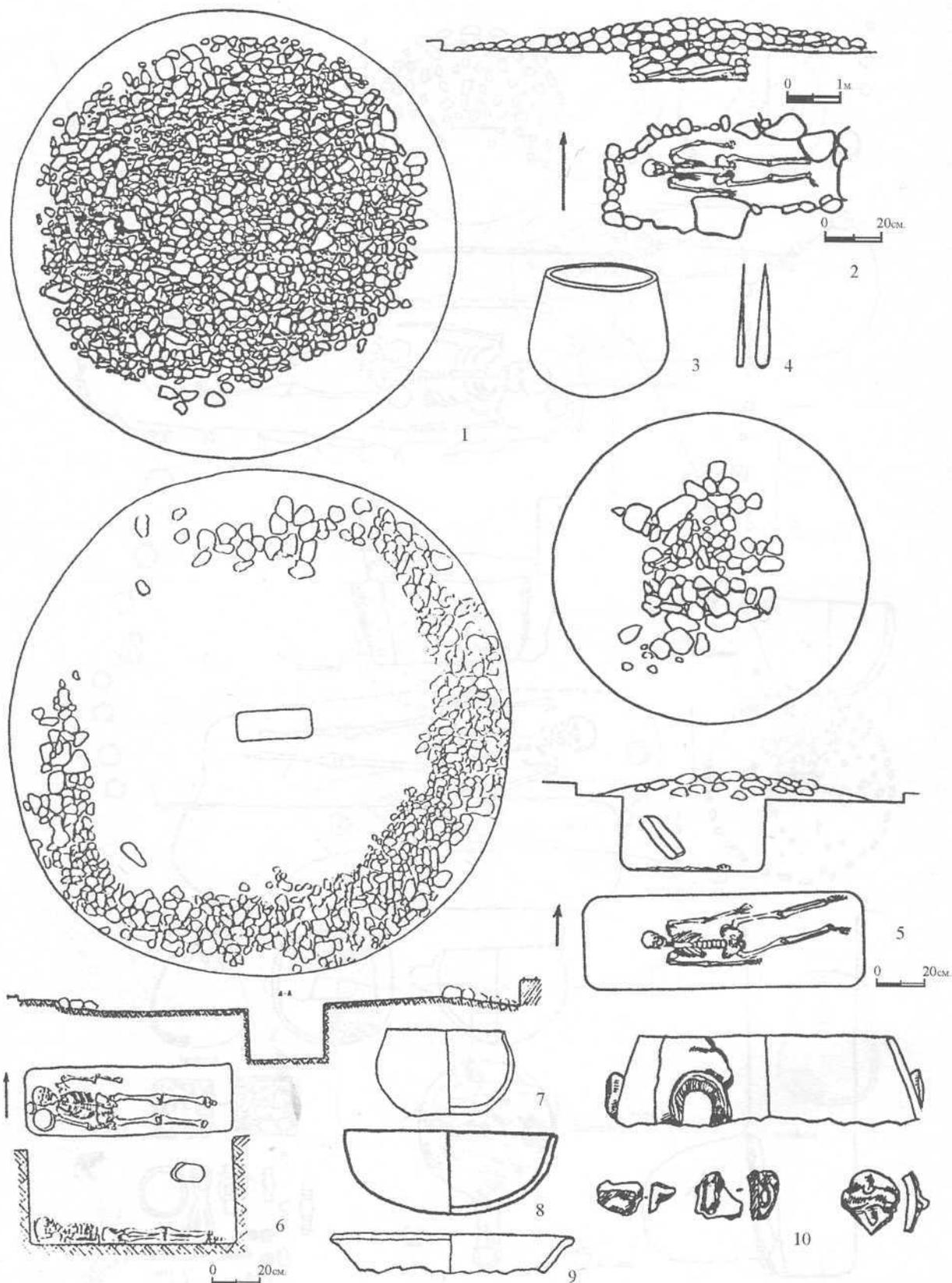


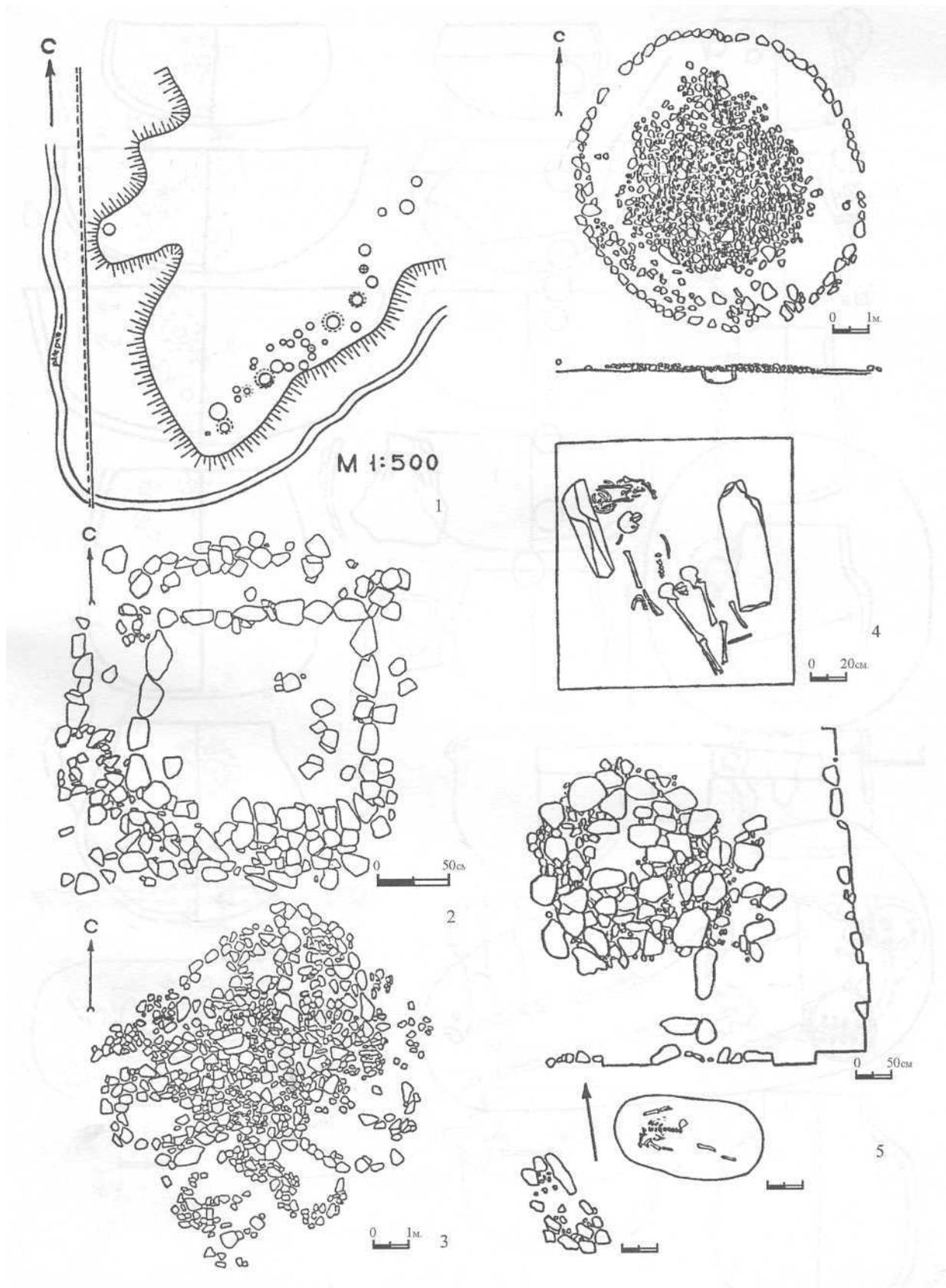


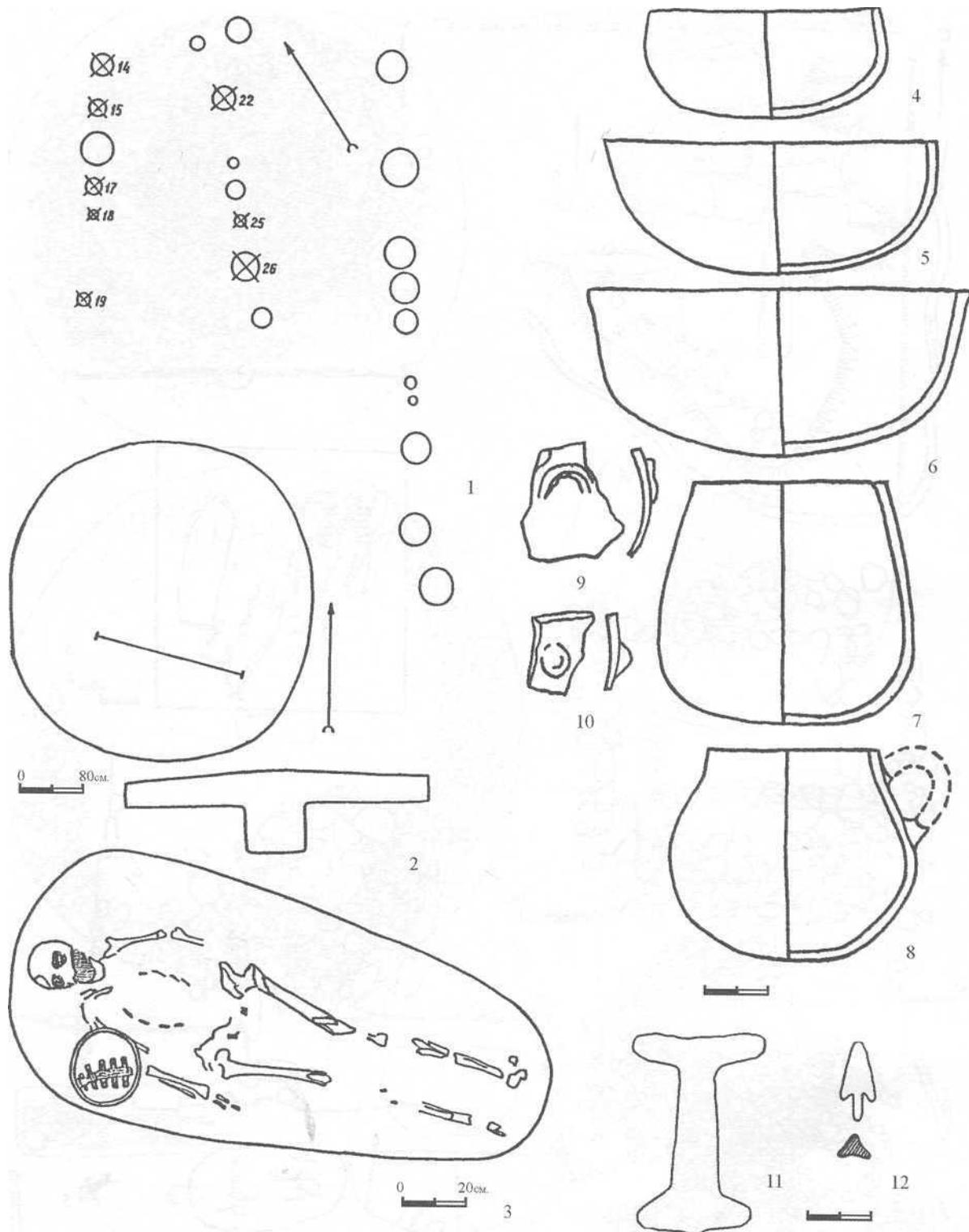


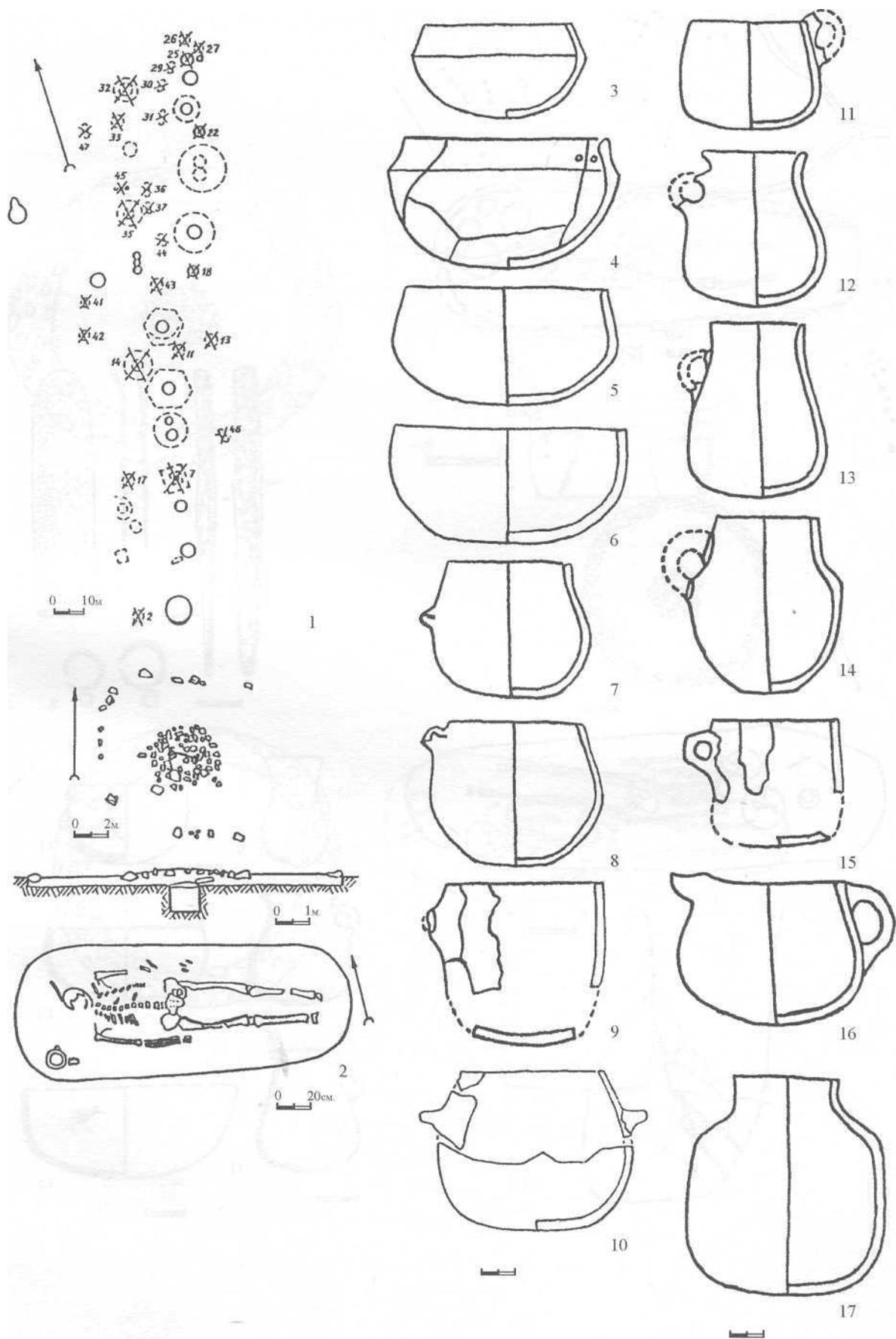


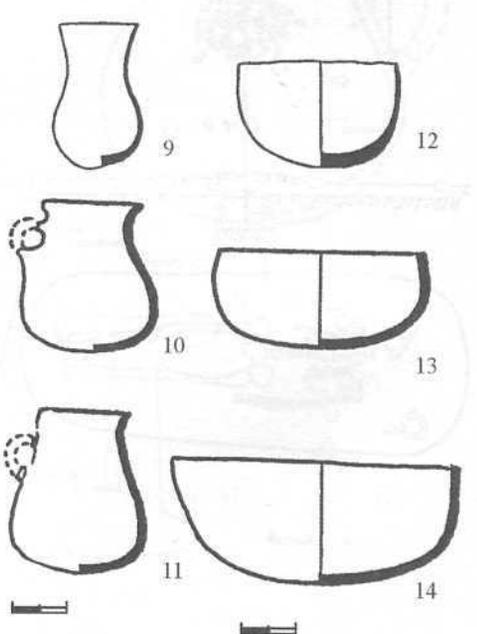
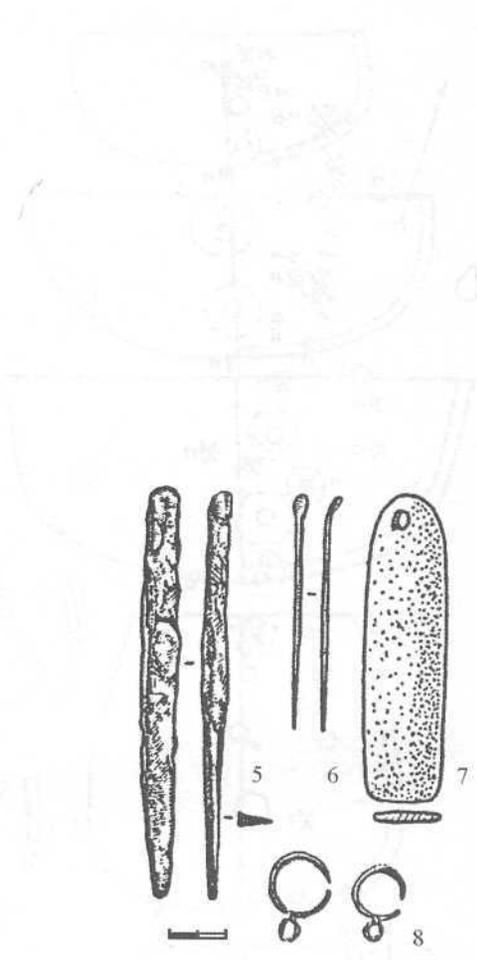
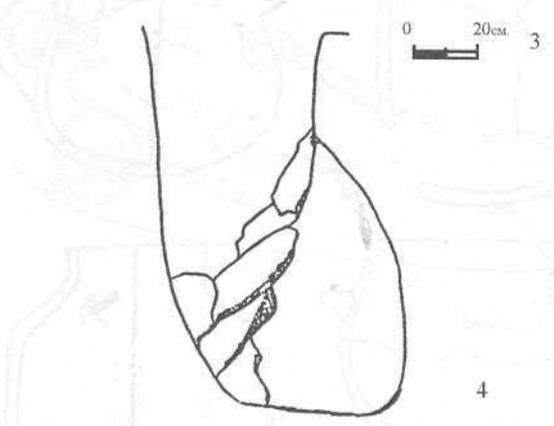
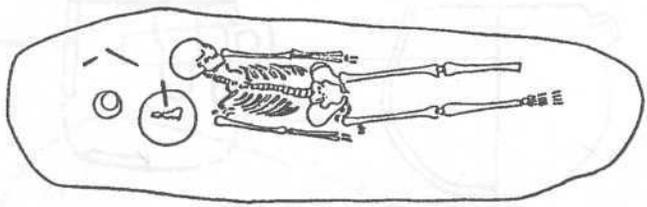
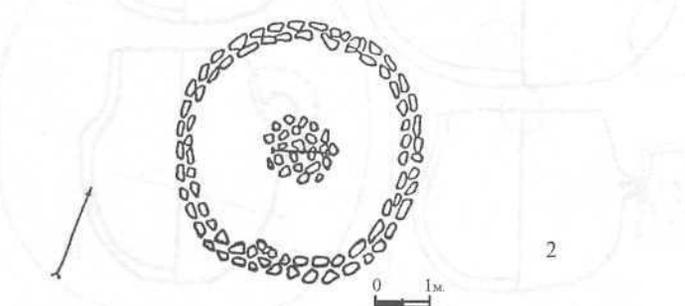
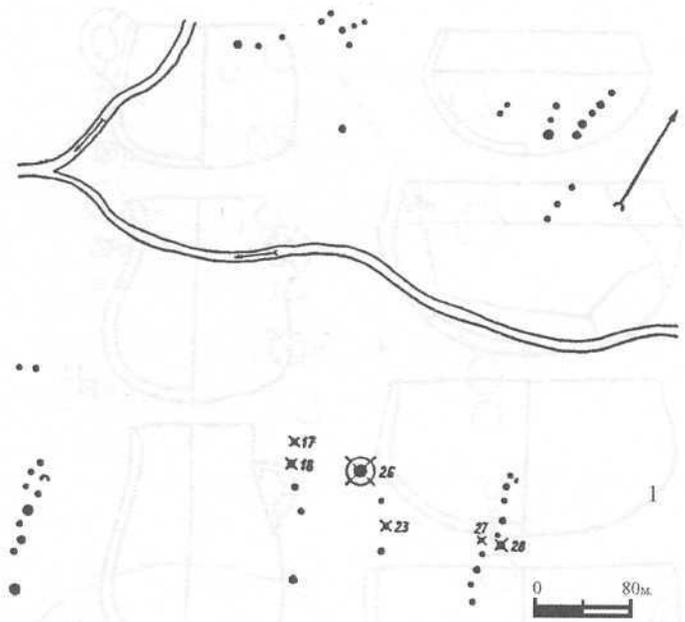


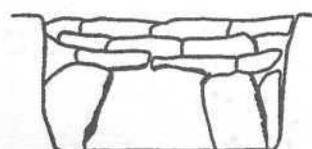
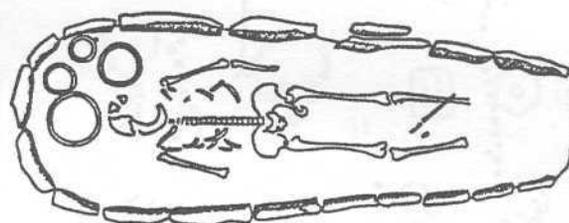
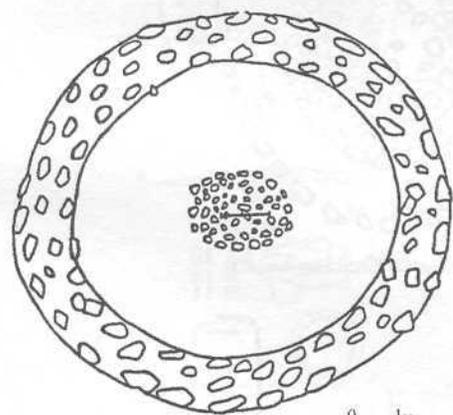




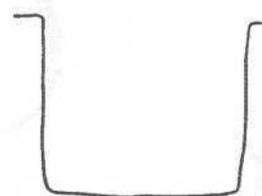
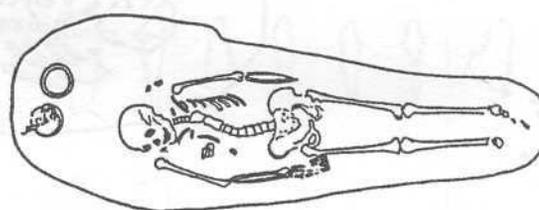
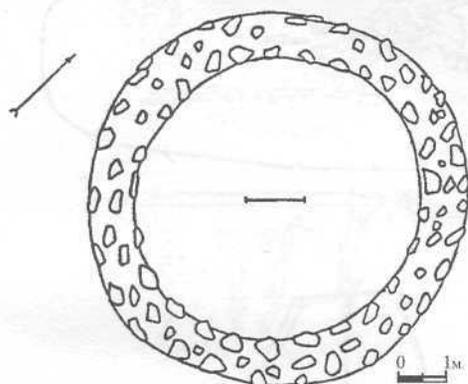




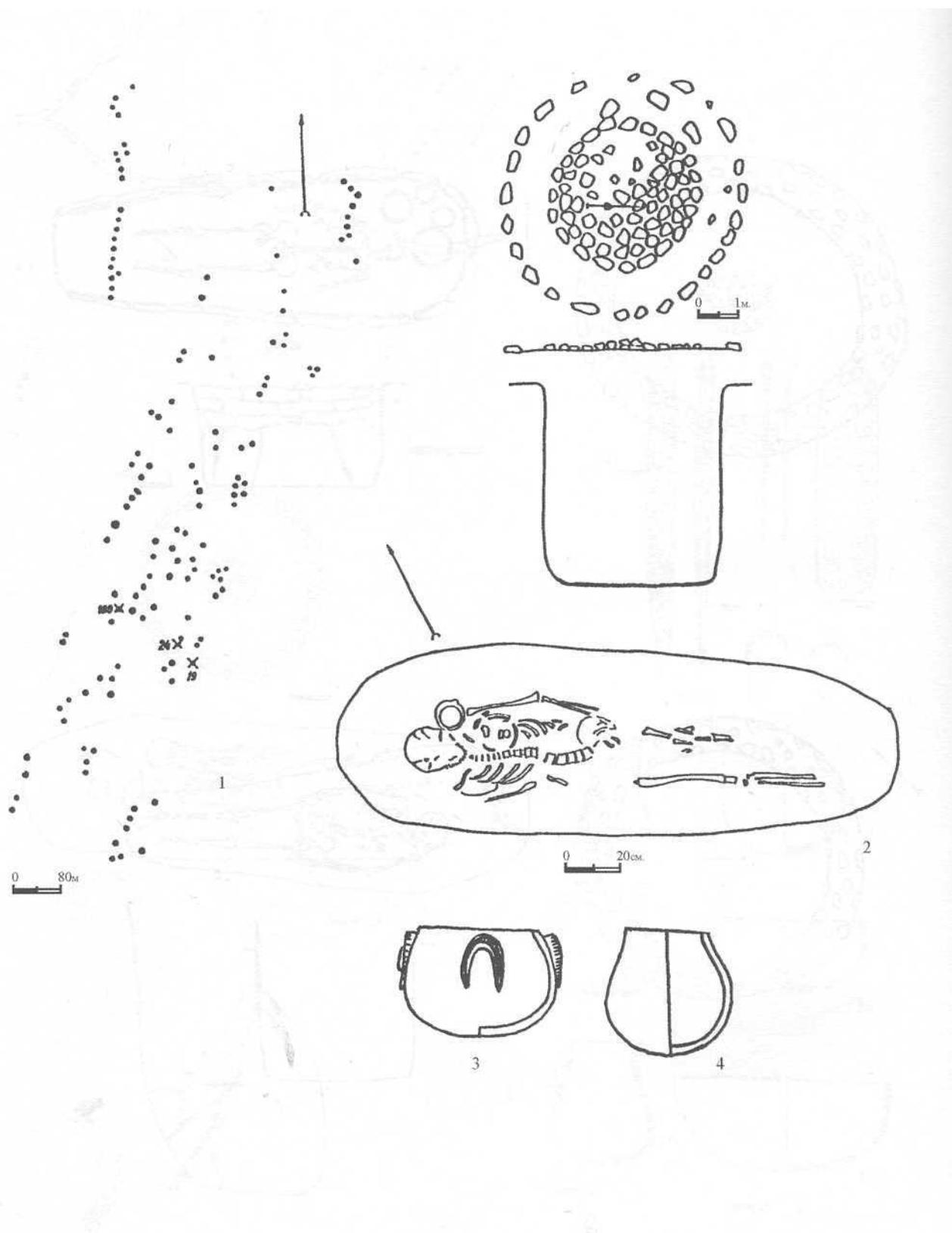


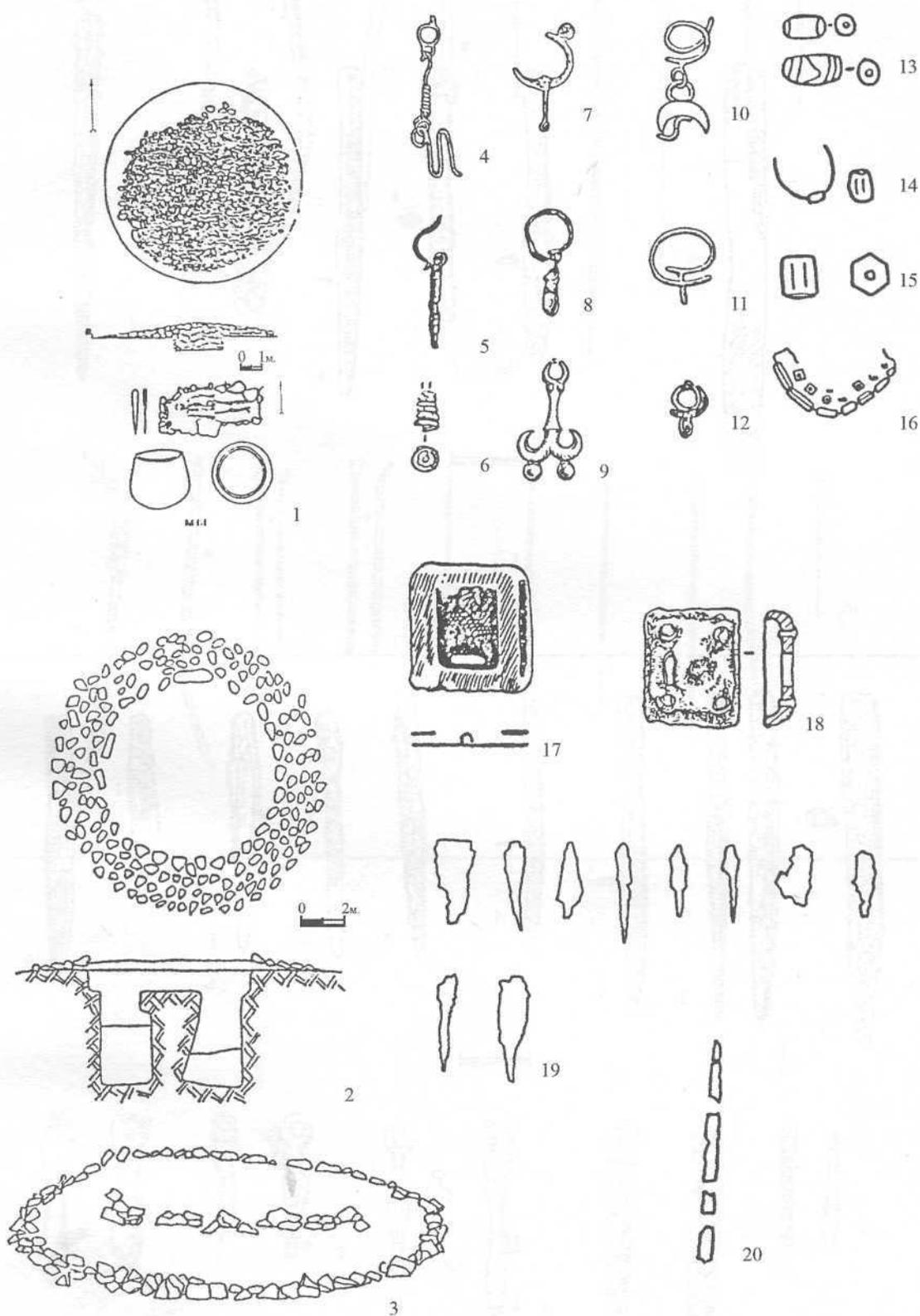


1



2







1



2



3



4



5



I



1



2



3



4



5



6



7



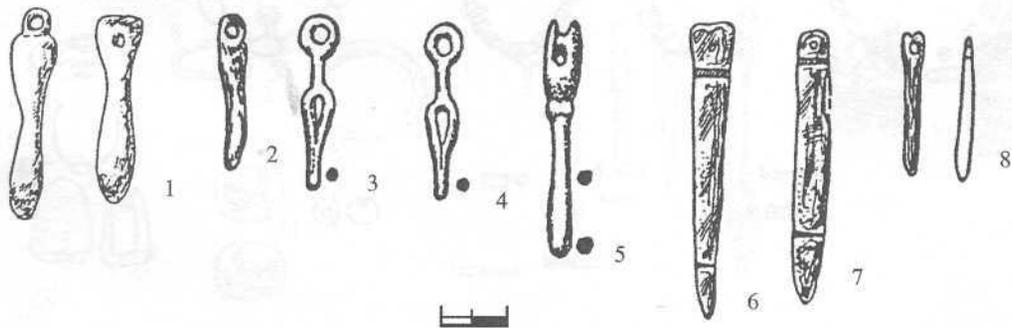
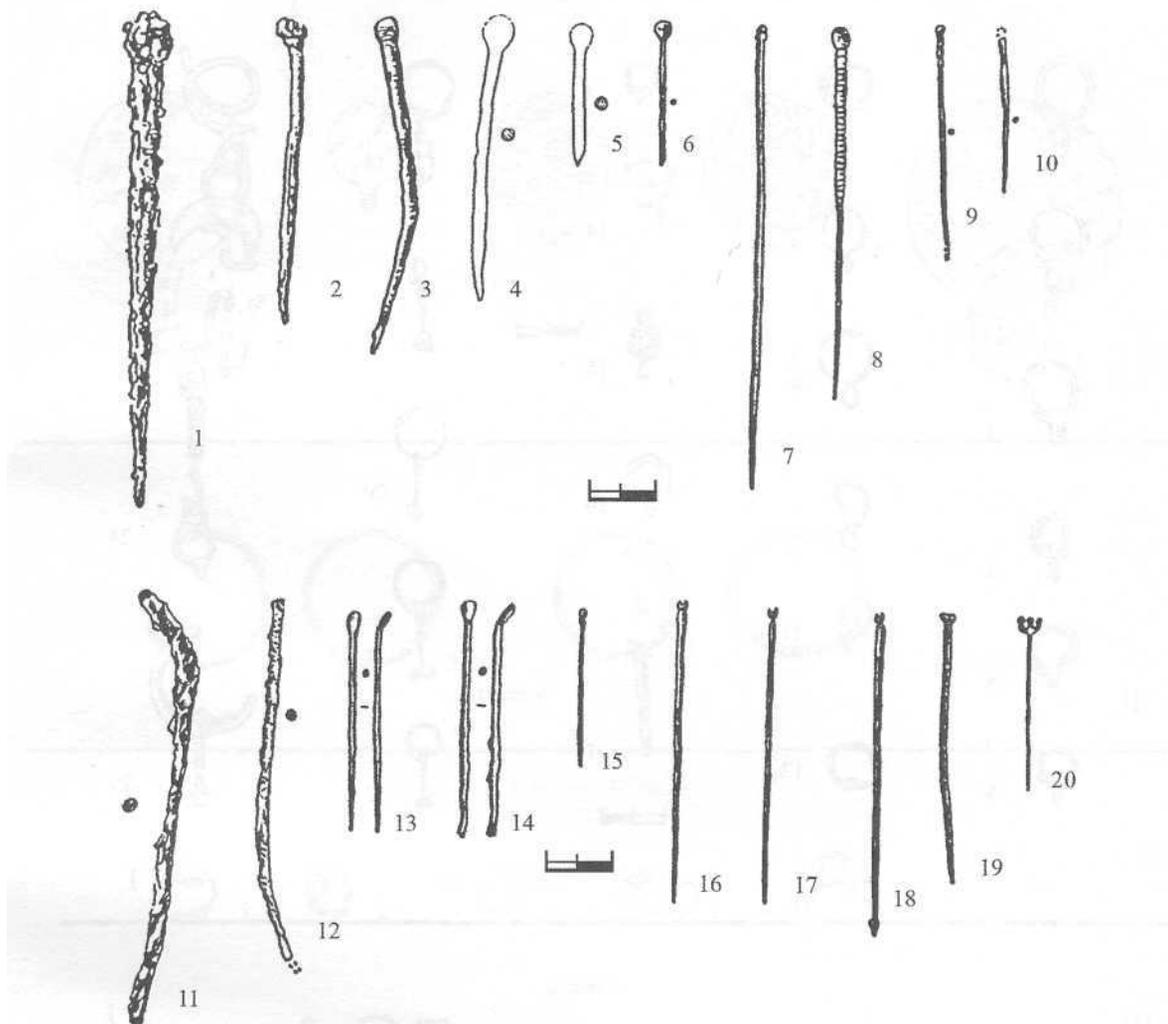
8

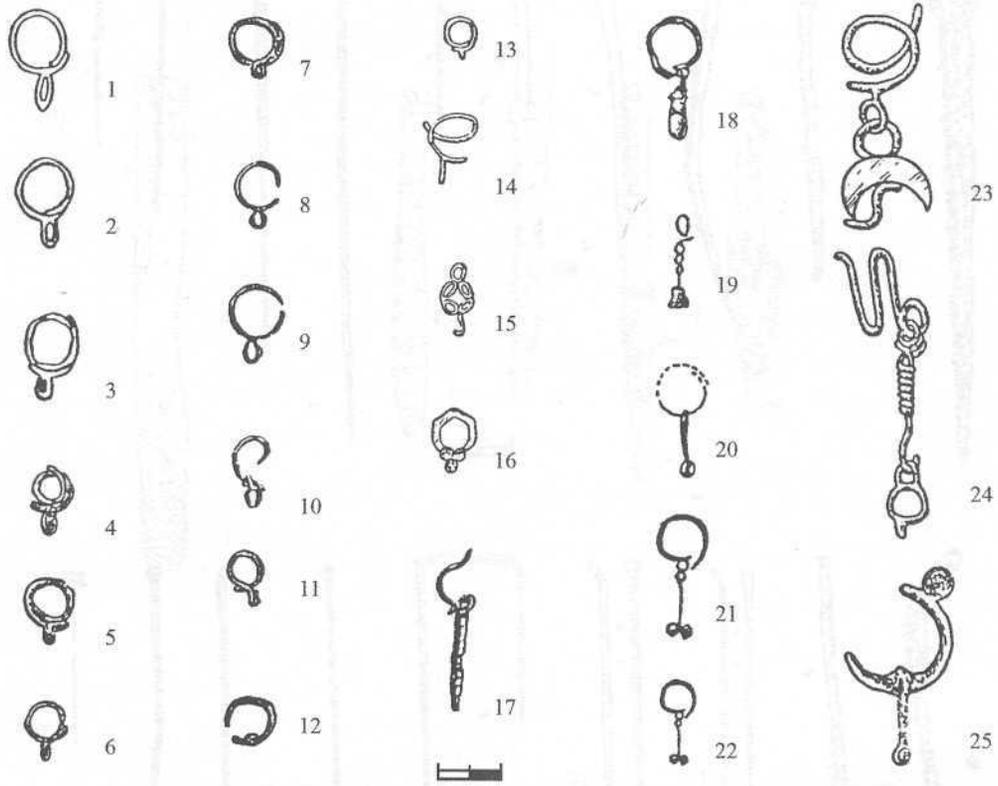


9

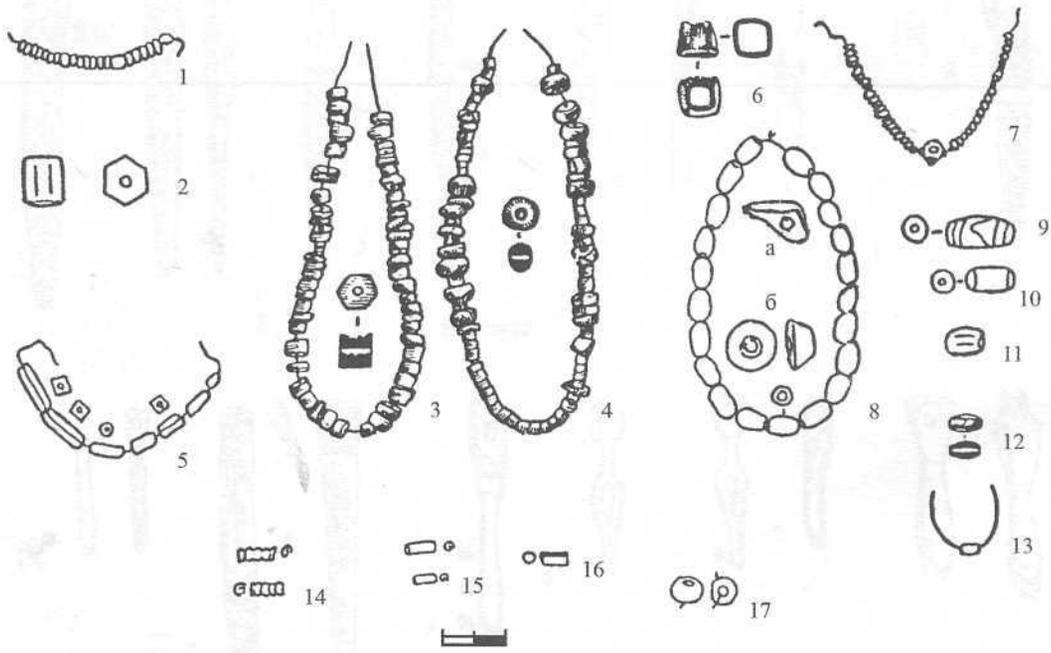


II

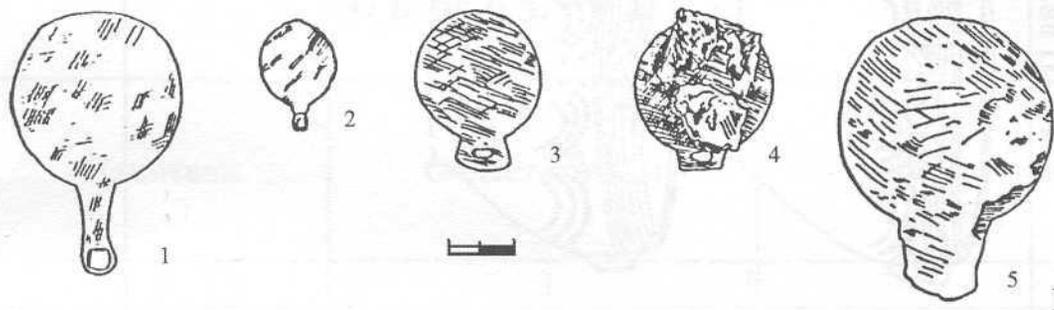




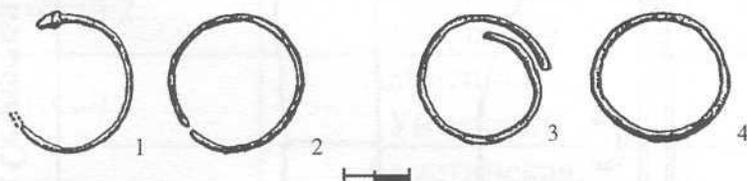
I



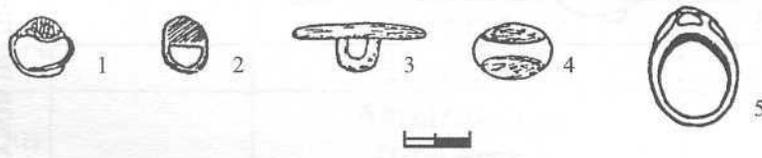
II



I



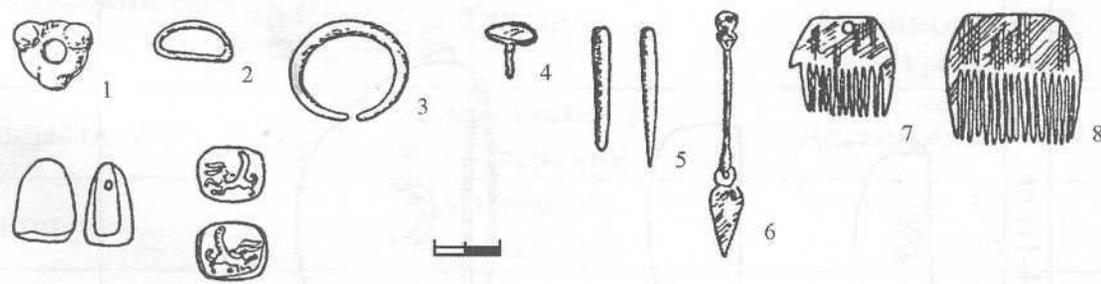
II



III



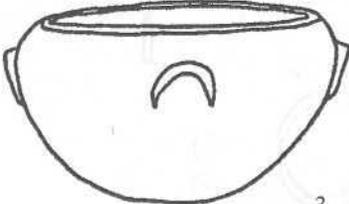
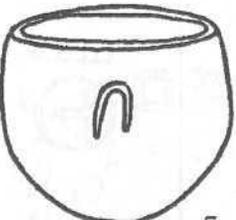
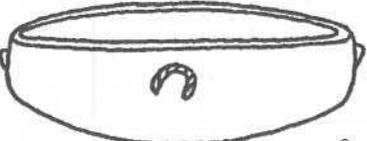
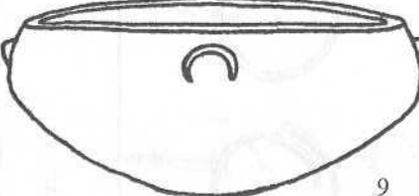
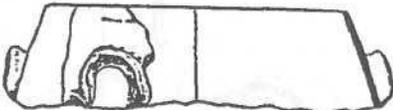
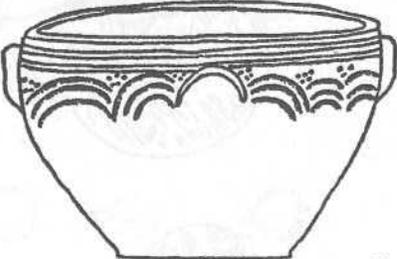
IV



V

Таблица 42

Распределение сосудов с овальными налестками по периодам

I-III вв.	IV-V вв.	V-VI вв.	VI-VIII вв.
 1  2  3	 4  5  6  7	 8  9  10	 11  11

Распределение сосудов по памятникам Семиречья

- 1 - могильник Берккара
 2 - могильник Кенсай (Максимова А.Г., 1962)
 3 - могильник Турганбай (Ахинжанов С.М., 1975)
 4 - могильник Шормак III (Агеева Е.И., 1959)

- 5-7 - могильник Алакуль (Кушаев Г.А., 1966)
 8-9 - могильник Арасан (Кушаев Г.А., 1966, 1967)
 10 - могильник Тасты булак (Досымбаева А.М., 1995)
 11 - городище Мерке (Григорьев Ф., фонды ЦГМК)

**Легенда к карте памятников
II в. до н.э. - V в. н.э.**

№ на карте	Памятник	Область, район	Литература
1	2	3	4
1.	Сарытогай 1	Алматинская, Уйгурский	Агеева, 1961, с. 21-40
2.	Сарытогай 2	Алматинская, Уйгурский	Агеева, 1961, с. 21-40
3.	Сарытогай 3	Алматинская, Уйгурский	Агеева, 1961, с. 21-40
4.	Мойынтогай 1	Алматинская, Уйгурский	Агеева, 1961, с. 21-40
5.	Мойынтогай 2	Алматинская, Уйгурский	Агеева, 1961, с. 21-40
6.	Бетагач	Алматинская, Чиликский	Максимова, 1959, с. 79-95
7.	Дехкан	Алматинская, Чиликский	Максимова, 1959, с. 79-95
8.	Чиликский	Алматинская, Чиликский	Максимова, 1959, с. 79-95
9.	Джуантобе 1	Алматинская, Чиликский	Максимова, 1959, с. 79-95
10.	Джуантобе 2	Алматинская, Чиликский	Максимова, 1959, с. 79-95
11.	Талгарский	Алматинская, Талгар	Агеева, 1961, с. 21-40 Максимова, 1980, с. 114-122
12.	Тасты булак	Алматинская, Каскеленский	Досымбаева, 1994
13.	Актерек	Алматинская, Жамбылский	Агеева, 1961, с. 21-40
14.	Курты	Алматинская, Илийский	Агеева, 1961, с. 21-40
15.	Кадырбай 2	Алматинская, Борлитобинский	Агеева, 1959, с. 80-85

1	2	3	4
16.	Кадырбай 3	Алматинская, Борлитобинский	Агеева, 1959, с. 80-85
17.	Коржайляу	Жамбылская, Меркенский	Досымбаева, 1995, с. 55-59
18.	Кызылауыз	Жамбылская, Меркенский	Досымбаева, 1995
19.	Тоспа	Жамбылская, Луговской	Досымбаева, 1991
20.	Караша 1	Жамбылская, Луговской	Максимова, 1970, с. 121-128
21.	Караша 2	Жамбылская, Луговской	Максимова, 1969, с. 146-145
22.	Узунбулак	Жамбылская, Луговской	Максимова, 1976, с. 163-182
23.	Шошкала	Жамбылская, Луговской	Максимова, 1975, с. 141-160
24.	Берккара	Жамбылская, Таласский	Бабанская, 1956, с. 189-206
25.	Тамды	Жамбылская, Таласский	Максимова, 1962, с. 97-116
26.	Жеты Шоко	Жамбылская, Таласский	Максимова, 1962, с. 97-116
27.	Кыр-Чебакты	Жамбылская, Сарысуйский	Максимова, 1962, с. 97-116
28.	Около гор Баба Ата	Южно-Казахстанская, Сузакский	Максимова, 1962, с. 97-116
29.	Кенсай	Южно-Казахстанская, Сузакский	Максимова, 1962, с. 97-116
30.	Шормак 1	Алматинская, Панфиловский	Агеева, 1959, с. 80-85
31.	Шормак 2	Алматинская, Панфиловский	Агеева, 1959, с. 80-85
32.	Шормак 3	Алматинская, Панфиловский	Агеева, 1959, с. 80-85
33.	Алтын Эмель	Алматинская, Панфиловский	Кушаев, 1963, с. 202-203 Кушаев, 1963, с. 194-202
34.	Калкан 1	Алматинская, Кербулакский	Кушаев, 1963, с. 219-221

1	2	3	4
35.	Калкан 4	Алматинская, Кербулакский	Кушаев, 1963, с. 221
36.	Арал тобе 1	Алматинская, Кербулакский	Кушаев, 1963, с. 194-202
37.	Бесшатыр 2	Алматинская, Кербулакский	Кушаев, 1963, с. 173-175
38.	Унгур Кора 1	Алматинская, Кербулакский	Кушаев, 1963, с. 166-173
39.	Унгур Кора 2	Алматинская, Кербулакский	Кушаев, 1963, с. 214-219
40.	Кызылауыз 3	Алматинская, Кербулакский	Акишев, 1956, с. 22-27 Кушаев, 1963, с. 161-166
42.	Кызылауыз 2	Алматинская, Кербулакский	Акишев, 1956, с. 21-22 Кушаев, 1963, с. 194
42.	Тайгак 1	Алматинская, Кербулакский	Акишев, 1956, с. 17-21 Кушаев, 1963, с. 188-194
43.	Кызыл-Эспе	Алматинская, Кербулакский	Акишев, 1956, с. 9-11 Кушаев, 1963, с. 159-161
44.	Чулак Джигиде 1	Алматинская, Талгарский	Акишев, 1956, с. 11-15 Кушаев, 1963, с. 210-213
45.	Чулак Джигиде 2	Алматинская, Талгарский	Акишев, 1956, с. 15-17 Кушаев, 1963, с. 214
46.	Утеген 3	Алматинская, Талгарский	Кушаев, 1963, с. 155-158
47.	Утеген 2	Алматинская, Талгарский	Акишев, 1956, с. 8-9 Кушаев, 1963, с. 182-188

1	2	3	4
48.	Утеген 1	Алматинская, Талгарский	Акишев, 1956, с. 8-9 Кушаев, 1963, с. 182-188
49.	Капчагай 2	Алматинская, Талгарский	Акишев, 1956, с. 7-8 Кушаев, 1963, с. 208-210
50.	Капчагай 3	Алматинская, Илийский	Кушаев, 1963, с. 148-154
51.	Могильник 1	Алматинская, Илийский	Кушаев, 1956, с. 219-220
52.	Могильник 2	Алматинская, Илийский	Кушаев, 1956, с. 214-219
53.	Могильник 29Б	Алматинская, Илийский	Акишев, 1956, с. 21-22 Кушаев, 1956, с. 207-214
54.	Кызылсай	Алматинская, Панфиловский	Кушаев, 1963, с. 202-203

**Литература к списку
МОГИЛЬНИКОВ II в. до н.э. - V в. н.э.**

1. *Акишев К.А.*, 1956. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции //Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата, 1954.
2. *Агеева Е.И.* Отчет Семиреченской археологической экспедиции 1956 г. //Архив Института Археологии. Алма-Ата, 1956.
3. *Агеева Е.И.* Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области //Известия Академии Наук КазССР. Сер. ист., археол. и этнограф. 1959. Вып. 3/11.
4. *Агеева Е.И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области //Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 12. Алма-Ата, 1961.
5. *Бабанская Г.Г.* Берккаринский могильник //Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата, 1956.
6. *Досымбаева А.М.* Отчет о раскопках Луговского отряда ЮККАЭ // Архив ИА АН КазССР. Алма-Ата, 1991.
7. *Досымбаева А.М.* Новые археологические исследования раннетюркских погребений на территории Казахстана //Известия НАН РК. 1995. № 4.
8. *Досымбаева А.М.* Отчет о раскопках кургана 27 могильника Тасты булак //Архив ИА им. А.Х. Маргулана. 1995.
9. *Кушаев Г.А.* Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. - III в. н.э.) //Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
10. *Максимова А.Г.* Усуньские курганы левобережья реки Или //Известия АН КазССР. Сер. ист., археол. и этнограф. 1959. Вып. 1 (9).
11. *Максимова А.Г.* Погребальные сооружения скотоводческих племен //Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.
12. *Максимова А.Г.* Подбойные захоронения сакского времени //Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
13. *Максимова А.Г.* Цепочка курганов из могильника Караша 1 //По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
14. *Максимова А.Г.* Узун Булак и Шошкала - могильники Усуньского времени //Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
15. *Максимова А.Г.* Курганные могильники Караша I и II //Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1975.
16. *Максимова А.Г.* Курганы близ Талгара //Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрация	Карта расположения курганных могильников II в. до н.э. - V в. н.э. на территории Семиречья
Таблица 1	Могильники. Подкурганные погребения.
Таблица 2	Структура наземного погребального сооружения.
Таблица 3	Количественное распределение типов погребений.
Таблица 4	Типы перекрытий погребальных камер.
Таблица 5	Типы захоронений: положение, ориентировка. Дополнительные признаки.
Таблица 6	Распределение различных видов инвентаря в погребениях.
Таблица 7	<p>Горшки.</p> <p>1,16 - Узунбулак, курганы 16, 48;</p> <p>2, 4 - Курты, курганы 54, 57;</p> <p>4, 9, 18. - Талгарский, курганы 7, 10;</p> <p>5 - Тайгак 1, курган 4;</p> <p>6, 12-14 - Чулак Джигиде 1, курганы 6, 31, 50;</p> <p>8 - Джуантобе 2, курган 13;</p> <p>11 - Кызыл Эспе, курган 77;</p> <p>15, 21 - Шошкала, курганы 51, 18;</p> <p>17 - Тайгак 1, курган 16Б,</p> <p>19 - Актерек, курган 70а;</p> <p>20 - Тасты булак, курган 27;</p> <p>22 - Кыр-Чебакты, курган 8.</p>
Таблица 8	<p>4 - Акчий, правобережье реки Нарын, курган 15 (Кибиров, 1959, рис. 9.6);</p> <p>2-7, 14-16 - Субаши I, III, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 2.8; p. 2.8; 1994,2; p. 11.1,5,6, 8; p. 12.2; p. 14.7, 11);</p> <p>8,17- Дехкан, курган 46;</p> <p>9 - Кенсай, выкладка 37;</p> <p>10 - Карасаз, курган 12;</p> <p>11 - Боз секи, курган 14 (Кибиров, 1959, рис. 6.3;рис. 14.13);</p> <p>12 - Сарытогай 3, курган 25;</p> <p>13, 15 - Тайгак 1, курганы 3А, 15;</p> <p>18, 24 - Актерек, курганы 70, 70а;</p> <p>19 - Унгур Кора 2, курган 72;</p> <p>20 - Кадырбай 2, курган 19;</p> <p>21-22 - Утеген 2, курганы 67, 72</p>

Таблица 9	<p>1 - Калкан 4, курган 11; 2, 3, 18 - Калкан 1, курганы 37, 64; 4 - Алтын Эмель, курган 2; 5,19- Кадырбай 2, курганы 24, 19; 6 - Узунбулак, курган 9, погребение 3; 7, 8 - Сарытогай II, III, курганы 85, 63; 9 - Актерек, курган 69; 10 - Тасты булак, курган 9; 11, 13 - могильник 29Б, курганы 16, 15; 12 - могильник 17, курган 50; 14 - Кызылауыз 3, курган 82; 15 - Сарытогай 2, курган 18; 16, 21, 22 - Шошкала, курганы 129, 140, 127; 17 - Кызыл Эспе, курган 97; 20, 24 - Ортотокой, курганы 6, 2 (Кибиров, 1959, рис. 2.1, 2); 23 - Джуантобе 2, курган 13.</p>
Таблица 10	<p>1 - Джерттак, курган 3 (Кибиров, 1959, рис. 14.2); 2 - Сарытогай 3, курган 25; 3, 5, 7, 8, 11-14 - Талгарский, курганы 4, 2, 5, 6; 4 - Кыр-Чебакты, курган 44; 6 - Унгур Кора 2, курган 4; 9 - Караша 2, курган 8; 10 - Ак мойнок, курган 1 (Кибиров, 1959, рис. 14.18).</p>
Таблица 11	<p>1, 2, 14, 15, 24 - Узунбулак, курганы 3, 4, 22, курган 9, погребение 1, выкладка 17; 4, 23 - Тайгак 1, курган 4; 5 - Унгур Кора 1, курган 33; 6 - Джуантобе 2, курган 28; 7-9 - Талгарский, курганы 7, 13, 6; 10 - Тасты булак, курган 27; 11 - Кенсай, ограда 42; 12, 26 - Берккара, курганы 13, 7; 13, 19 - Субаши I, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4;р. II.5, 10); 16 - Шошкала, выкладка 132; 17, 21 - Унгур Кора 2, курганы 22, 31; 18, 20, 22 - Бешшатыр 2, курганы 10, 11; 25 - Курты, курган 54.</p>

Таблица 12	<p>1, 2, 11, 17 - Джерттак, курганы 3, 4 (Кибиров, 1959, рис. 4.6, 7, 10, 4); 3, 19, 20 - Тасты булак, курган 27; 4 - Сарытогай 3, курган 69; 5, 16 - Субаши I, III, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 2, 3; 1994, 2; p. 14.9); 6, 18 - Узунбулак, курган 9, погребение 3, курган 3; 7 - Джуантобе, курган 28; 8, 9 - Шошкала, курган 53, выкладка 83; 10 - Берккара, курган 7; 12 - Боз секи, курган 2 (Кибиров, 1959, рис. 14.14); 13 - Дехкан, курган 105; 14, 15 - Кенсай, курган 18.</p>
Таблица 13	<p>1 - Шормак III, курган 180; 2 - Караша 1, курган 25; 3 - Кенсай, Кочкорская долина, курган 1 (Кибиров, 1959, рис. 3.3); 4 - Узунбулак, курган 22; 5 - Северная Киргизия (Абетеков); 6 - Шошкала, выкладка 135; 7 - Жетьшоко, ограда 4; 8 - Берккара, курган 22; 9, 10, 13 - Алакуль (номера курганов автором не указаны); 11 - Кенсай, курган 35; 12 - Турганбай, курган 9; 14, 15 - Арасан (номера курганов автором не указаны); 16 - Тасты булак, курган 27.</p>
Таблица 14	<p>1, 14 - Джерттак, курган 4 (Кибиров, 1959, рис. 14.8, 9); 2 - Чулак Джигиде II, курган 42; 3, 5, 6 - Кызылауыз 3, курганы 9, 16, 11; 4 - Ак мойнок, курган 1 (Кибиров, 1959, рис. 14.17); 7, 9, 10 - Субаши I, III, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 1, 5, 8; 1994, 2; p. III.3); 8, 23, 24 - Кенсай, выкладка 47, ограды 32, 41; 11 - Байтолчи, курган 3 (Кибиров, 1959, рис. 10.5); 12 - Акташ, курган 5 (Кибиров, 1959, рис. 8.3); 13 - Акчий, курган 15 (Кибиров, 1959, рис. 9.4); 15 - Сарытогай 2, курган 12; 16, 18, 19 - Шошкала, курган 109, выкладка 135; 17, 21, 22 - Кенсай, курганы 54, 21, выкладка 24; 20 - Сарытогай 1, курган 12.</p>

Таблица 15	<p>1 - Субаши 1, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 1, 6);</p> <p>2, 3, 14 - Кенсай, ограды 42, 32, 13;</p> <p>4, 6, 9 - Кызылауыз, курганы 20, 15, 11;</p> <p>5 - Актерек, курган 82;</p> <p>7, 8 - Унгур Кора 2, курган 10;</p> <p>10 - Сарытогай 3, курган 59;</p> <p>11 - Жетышоко, курган 9;</p> <p>12 - Талгарский, курган 7;</p> <p>13 - Берккара, курган 15.</p>
Таблица 16	<p>1, 4, 5 - Талгарский, курганы 13, 10, 6;</p> <p>2 - Жетышоко, курган 7; 3 - Берккара, курган 22;</p> <p>6, 8 - Кенсай, выкладки 23, 30;</p> <p>7 - Сарытогай 3, курган 46;</p> <p>9 - Чулак Джигиде 1, курган 50;</p> <p>10 - Шошкала, курган 56;</p> <p>11, 12 - Актерек, курганы 69, 82;</p> <p>13, 14 - Чиликский, курганы 20, 42.</p>
Таблица 17	<p>Сарытогай 1.</p> <p>1 - план могильника;</p> <p>2, 3 - курган 13, погребение;</p> <p>4 - сосуд, курган 4;</p> <p>5, 6 - сосуды, курган 13;</p> <p>7 - сосуд, курган 12.</p>
Таблица 18	<p>Сарытогай 2.</p> <p>1 - план могильника;</p> <p>2 - курган 3, погребение;</p> <p>3 - бусы, курган 29;</p> <p>4, 6 - сосуды, курган 13;</p> <p>5 - сосуд, курган 4.</p>
Таблица 19	<p>Сарытогай 3.</p> <p>1 - план могильника;</p> <p>2, 3 - курган 62, погребение;</p> <p>4 - сосуд, курган 85;</p> <p>5 - сосуд, курган 62;</p> <p>6 - сосуд, курган 46;</p> <p>7-10, 13 - сосуды, курган 25;</p> <p>11 - сосуд, курган 69;</p> <p>12 - сосуд, курган 81.</p>
Таблица 20	<p>Бетагач.</p> <p>1 - план могильника, 2, 3 - курган 216, погребение;</p> <p>4 - оселок, курган 91;</p> <p>5, 6 - шпильки(железо, бронза), курган 216;</p> <p>7 - кольцо, курган 93;</p> <p>8, 9 - бусы (халцедон, сланец), курган 216.</p>

Таблица 21	<p>Дехкан.</p> <p>1 - план могильника;</p> <p>2, 3 - курган 46, погребение;</p> <p>4 - шпилька (бронза), курган 28;</p> <p>5 - серьга (серебро), курган 81;</p> <p>6 - бусина (стекло), курган 131;</p> <p>7 - сосуд, курган 145;</p> <p>8, 9 - сосуды, курган 46.</p>
Таблица 22	<p>Чиликский.</p> <p>1 - план могильника,</p> <p>2 - курган 42, погребение;</p> <p>3 - курган 46, погребение;</p> <p>4 - сосуд, курган 4;</p> <p>5 - сосуд, курган 20.</p>
Таблица 23	<p>Джуантобе 1.</p> <p>1 - план могильника;</p> <p>2 - курган 88, погребение;</p> <p>3 - сосуд, курган 4;</p> <p>4, 5 - сосуды, курган 13;</p> <p>6 - нож (железо), курган 88;</p> <p>7 - шпилька (бронза), курган 88;</p> <p>8 - серьга (бронза), курган 13;</p> <p>9 - бусы (стекло), курган 13;</p> <p>10 - пряслице (глина), курган 13.</p>
Таблица 24	<p>Джуантобе 2.</p> <p>1 - план могильника;</p> <p>2 - курган 28, погребение;</p> <p>3 - курган 13, погребение;</p> <p>4 - сосуд, курган 4;</p> <p>5, 7 - сосуд, курган 28;</p> <p>8 - шпилька (бронза), курган 28;</p> <p>9 - шпилька (железо), курган 77;</p> <p>10 - серьга (бронза), курган 77;</p> <p>11 - бусы (агат, халцедон, пирит), курган 34.</p>
Таблица 25	<p>Актерек.</p> <p>1 - план могильника; 2, 3 - курган 74;</p> <p>4 - сосуд, курган 70а; 5, 7 - сосуды, курган 69;</p> <p>6, 8 - сосуды, курган 82; 9 - фрагмент сосуда, курган 84</p>
Таблица 26	<p>Курты.</p> <p>1 - план могильника; 2, 3 - курган 26, погребение;</p> <p>4, 5 - курган 56, погребение; 6, 8 - сосуды, курган 54;</p> <p>7 - сосуд, курган 57;</p> <p>9 - наконечник стрелы (кость), курган 56;</p> <p>10 - меч (железо), курган 56;</p> <p>11 - булава (железо), курган 56.</p>

Таблица 27	Кадырбай 2. 1 - план могильника; 2 - курган 19, погребение; 3 - сосуд, курган 19; 4 - курган 24, погребение; 5 - сосуд, курган 24.
Таблица 28	Кадырбай 3. 1 - план могильника; 2, 3 - курган 4, погребение; 4-6 - курган 24, погребение, 7, 9 - сосуды, курган 19; 8 - сосуд, курган 15; 10 - зеркало (бронза), курган 21; 11 - пряжка (бронза), курган 14; 12 - бусы (халцедон, паста, стекло), украшения (бронза), курган 2.
Таблица 29	1 - Коржайляу, курган 1; 2 - Коржайляу, курган, погребение; 3,4- сосуд, нож (железо), Коржайляу, курган; 5 - Тоспа, курган 4; 6 - Тасты булак, курган 27, погребение; 7-10 - сосуды, фрагменты, Тасты булак, курган 27.
Таблица 30	1 - Кызылауыз, план могильника; 2, 3 - Кызылауыз, выкладки; 4, 5 - Кызылауыз, курганы, погребения.
Таблица 31	Берккара. 1 - план части могильника; 2, 3 - курган 7, погребение; 4 - сосуд, курган 19; 5 - сосуд, курган 13; 6 - сосуд, курган 7; 7, 9, 10 - сосуд, фрагменты, курган 22; 8 - сосуд, курган 15; 11 - рукоять меча, курган 270; 12 - наконечник стрелы, курган 448.
Таблица 32	Кенсай. 1 - план могильника; 2 - курган 35, погребение; 3, 4 - сосуды, курган 18; 5, 11 - сосуды, ограда 41; 6,12- сосуды, ограда 42; 7 - сосуд, ограда 35; 8 - сосуд, ограда 7; 9 - сосуд, выкладка 36; 10 - сосуд, выкладка 37; 13, 16 - сосуды, ограда 32; 14 - сосуд, ограда 13; 15 - сосуд, выкладка 47; 17 - сосуд, выкладка 29.

Таблица 33	<p>Шормак 1.</p> <p>1 - план могильника; 2-4 - курган 32, погребение; 5 - нож (железо), курган; 6 - шпилька (бронза), курган 8; 7 - оселок (камень), курган 28; 8 - серьги (золото), курган 26; 9 - сосуд, курган 23; 10 - сосуд, курган 27; 11 - сосуд, курган 17; 12, 13 - сосуды, курган 8; 14 - сосуд, курган 32.</p>
Таблица 34	<p>Шормак 1.</p> <p>1- курган 17, погребение; 2 - курган 23, погребение.</p>
Таблица 35	<p>Шормак 3.</p> <p>1 - план могильника; 2 - курган 180, погребение; 3,4- сосуды, курган 180.</p>
Таблица 36	<p>1,1 - Коржайляу, курган, погребение, сосуд, нож; 2 - ограда 58, могильник 2; 3 - ограда 1, могильник 1; 4 - серьга (золото), Берккара, курган 410; 5 - серьга (бронза), Джуантобе 2, курган 77; 6 - серьга (бронза), некрополь городища Кулан; 7 - серьга (бронза), Берккара, курган 448; 8 - серьга (бронза), Кызылауыз, курган 11; 9 - якоревидная подвеска, некрополь городища Кулан; 10 - серьга (золото), Берккара, курган 58; 11 - серьга (золото), Берккара, курган 94; 12 - серьга (бронза), Унгур Кора 1, курган 28; 13 - бусы (халцедон, сланец), Бетагач, курган 216; 14 - серьга с бусиной (бронза, паста), Курты, курган 54; 15 - бусина (стекло), Дехкан, курган 131; 16 - бусы (агат, халцедон, пирит), Джуантобе 2, курган 34; 17 - пряжка (бронза), Капчагай 3, курган 24; 18 - пряжка (железо), некрополь городища Кулан; 19, 20 - наконечники стрел, меч (железо), могильник 1, ограды 56, 58;</p>

Таблица 37	<p><i>/.</i> <i>Нож.</i> 1 - нож (бронза), Караша 2; 2 - Утеген 1, курган 4; 3 - Утеген 3, курган 6; 4 - Бешатыр 2, курган 1; 5 - Узунбулак, курган 3; 1,5- бронза; 2-4 - железо.</p> <p><i>//.</i> <i>Нож.</i> 1 - Калкан 1, курган 26; 2 - Шормак 1, курган 23; 3 - Утеген 1, курган 3; 4 - Утеген 2, курган 21; 5 - Байталчи, курган 8 (Кибиров, 1959, рис. 10.8); 6 - Берккара, курган 7; 7 - Шошкала, курган 18; 8 - Узунбулак, курган 18; 9 - Субаши I, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 5); 3, 4 - бронза; 1, 2, 5, 9 - железо.</p>
Таблица 38	<p><i>Шпильки.</i> 1,4- Кенсай, курган 25; 2 - Тасты булак, погребение 1; 3 - Бетагач, курган 216; 5,6- Берккара, курган 58; 7 - Капчагай 3, курган 35; 8, 14 - Джуантобе 2, курганы 28, 88; 9 - Берккара, курган 18; 10 - Кызылауыз 1, курган 12; 11 - Чулак Джигиде, курган 55; 12 - Шошкала, выкладка 83; 13 - Калкан 1, курган 17; 15-18 - Субаши I, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 4.5-8); 19 - Турасу, курган 10; 20 - Карабулак, курган 42 (Кибиров, 1959, рис. 4.6); 1, 3, 7, 12, 13 - железо; 2,8-11, 14, 19, 20 - бронза.</p>
Таблица 39	<p><i>Подвески.</i> 1 - Берккара, курган 59; 2 - Узунбулак, курган 5; 3,4- Кызылауыз 3, курган 79; 5 - Капчагай 3, курган 24; 6-8 - Субаши III, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1994, 2; p. 18.6, 7, 4); 1,3-5- бронза; 2 - железо.</p>

Таблица 40

I. Серьги.

- 1 - Дехкан, курган 81;
2 - Джуантобе 2, курган 13;
3, 6, 7 - Капчагай 3, курган 35;
4 - Унгур Кора 1, курган 28;
5, 12 - Джуантобе 2, курган 13;
8, 9 - Шормак 1, курган 26;
10 - Берккара, курган 7;
11 - Субаши I,
Восточный Туркестан
(Historic relics of Xinjiang.
1994, 2; p. 5.9);
13 - Кадырбай 2, курган 21;
14 - курган 94;
15 - Берккара, курган 448;
16 - Джуантобе 2, курган 77;
17 - Кызылауыз 1, курган 11;
18 - Узунбулак, курган 22;
19-21 - могильник Кызыл Кайнар;
23-25 - Берккара,
курганы 58, 410, 448;
1-4, 12, 13, 18-20, 27, 28 - золото;
5-11, 14, 16, 21, 22, 29 - бронза.

II. Бусы.

- 1 - Джуантобе 1, курган 13;
2 - Дехкан, курган 131;
3 - Сарытогай 2, курган 130;
4 - Сарытогай 2, курган 29;
5 - Джуантобе 2, курган 34;
6 - Тайгак 1, курган 17;
7 - Шошкала, курган 59;
8 а, б - Курты, курган 4;
15-19 - Талгарский, курган 3;
9-10 - Бетагач, курган 216;
11-13 - Курты, курган 54;
14-17 - Талгарский, курган 3
1, 2 - стекло;
3, 4 - агат, халцедон, сердолик, стекло;
5, 6 - паста, стекло;
7 - золото;
8-10, 13 - агат, халцедон, пирит, стекло;
14, 15, 18, 19 - сердолик, стекло, паста;
16, 17 - золото.

Таблица 41	<p><i>I. Зеркала.</i> 1 - Кадырбай 3, курган 21; 2 - Карабулак, курган 43 (Кибиров, 1959, рис. 3.5); 3 - Унгур Кора 1, курган 28; 4 - Кызыл-Эспе, курган 89; 5 - Капчагай 3, курган 35; 1-5 - бронза.</p> <p><i>II. Браслеты.</i> 1 - Кызылауыз 2, курган 12; 2 - Калкан 1, курган 62; 3, 4 - Турасу, курган 10 (Кибиров, 1959, рис. 4.4, 3); 1 - 4 - бронза;</p> <p><i>III. Кольца, пуговицы.</i> 1 - Шормак 1, курган 26; 2 - Турасу, курган 10 (Кибиров, 1959, рис. 4.4); 3, 4 - Берккара, курган 446; 5 - Бетагач, курган 93 1 - золото; 2, 4 - бронза; 3 - медь.</p> <p><i>IV. Бляшки.</i> 1, 2 - Берккара, курганы 446, 448; 3-7 - Талгарский, курганы 6, 3, 4; 1-7 - золото.</p> <p><i>V. Различные предметы, гребни.</i> 1 - курган 61; 2, 3 - Берккара, курган 448; 4 - Шормак 1, курган 26; 5 - Кызыл Эспе, курган 89; 6 - Шошкала, курган 59; 7, 8 - Субаши I, III, Восточный Туркестан (Historic relics of Xinjiang. 1993, 4; p. 7.1; 1994, 2, p. 19.8); 9, 10 - Талгарский, курган 4; 1 - паста; 2, 3 - медь; 4 - золото; 5, 9, 10 - камень; 6 - бронза</p>
Таблица 42	Распределение сосудов с овальными налечами по периодам

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Академия наук
АС	Археологический сборник
ИА	Институт археологии
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии
ИКО	Историко-культурная область
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
МИА	Материалы и исследования по археологии
НАН РК	Национальная академия наук Республики Казахстан
СА	Свод археологических источников
САИ	Свод археологических источников
СЭ	Советская этнография
СО РАН	Сибирское отделение Российской Академии Наук
ХКТ	Хозяйственно-культурный тип
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮККАЭ	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция.

Научное издание

Айман Медеубаевна ДОСЫМБАЕВА

**Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу
II в. до н.э. — V в. н.э.**

*Издание осуществлено
в рамках Государственной программы «Культурное наследие»
и при финансовой поддержке ОФ «Тюркское наследие»*

Корректор: Александр ДАВЫДЕНКО
Дизайн и верстка: Эльмира БАРЧЕНКО
Дизайн обложки: Чингис МАДЕНОВ
Графические иллюстрации: Михаил БОНДАРЁВ

*Пластина с изображением птицы
в геральдической позе на 1-й странице обложки
происходит из кургана 1-го могильника Каракыстак 3*